

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ
«ИСТОРИИ
О МОЛОН-ТОЙНЕ»





**Институт востоковедения
Российской Академии наук
Санкт-Петербургский филиал**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**



VI

Серия основана в 1993 году

Редколлегия серии:

**Ю. А. Петросян (председатель),
О. Ф. Акимушкин, И. А. Алимов (зам. председателя),
В. Н. Горегляд, Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков,
Э. Н. Темкин (ответственный секретарь),
А. Б. Халидов**

Ойратская версия «ИСТОРИИ О МОЛОН-ТОЙНЕ»

Факсимиле рукописи
Издание текста, введение,
перевод с ойратского, транслитерация,
комментарий и приложения Н. С. Яхонтовой



Санкт-Петербург
1999

ББК Ш5(5Мо)4-629.4...16

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 98-04-16187)*

Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи.
0-76 Издание текста, введение, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения Н. С. Яхонтовой. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. — 200 с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. VI).

ISBN 5-85803-056-4

«История о Молон-тойне» (санскр. Маудгальяяна) — произведение так называемого народного буддизма, пользовалось большой популярностью среди монгольских народов. Сочинение повествует о пощении праведным Молон-тойном ада в поисках своей грешной матери. В настоящем издании публикуется уникальная ойратская рукопись XVIII в. из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Исследовательская часть книги посвящена сравнению содержания всех известных текстов сочинений на эту тему на монгольском, тибетском и китайском языках.

Набор — Г. А. Кочугурова. Корректор — Н. В. Пивоваренок
Технический редактор — Г. В. Тихомирова. Выпускающий — Д. А. Ильин
Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение». ЛР № 065555 от 05.12.1997 г.
Издательство «Петербургское Востоковедение». 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Подписано в печать 25.01.99. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная
Бумага офсетная. Объем 12¹/₂ п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 2

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-056-4

- © «Петербургское Востоковедение», 1999
- © Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1999
- © Н. С. Яхонтова, издание текста, введение, перевод, транслитерация, комментарий, приложения, 1999



Зарегистрированная торговая марка



Зарегистрированная торговая марка

От издательства

Серия «Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия» образована в 1993 году для введения в научный оборот новых памятников письменной культуры стран Востока — в виде критических и факсимильных изданий текстов: рукописей, документов, ксилографов и т. д.; для нового издания таких текстов, если прежние публикации не удовлетворяют современным научным требованиям; для публикации научных переводов издаваемых памятников.

Серия готовится и выпускается силами ученых и специалистов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук — крупнейшего мирового хранилища рукописей и ксилографов.

В серии увидели свет:

Том 1. **Раса'ил ал-хикма.** Из друзских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (А 173). Факсимиле рукописи; предисловие, исследование (гл. II, III), переводы с арабского, глоссарий М. А. Родионова; гл. I исследования Вал. В. Полосина. СПб., 1995. 272 с.

Том 2. **Двенадцать царств.** Факсимиле рукописи; издание текста, исследование, перевод с тангутского, комментарий, таблицы и указатель К. Ю. Солонина. СПб., 1995. 216 с.

Том 3. **Чёк Сёный Чён. Квонджи тан (Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради).** Из корейских ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Факсимиле ксилографа; перевод с корейского, предисловие, комментарий, приложения и указатель А. Ф. Троцевич. СПб., 1996. 232 с.

Том 4. **Море значений, установленных святыми.** Факсимиле ксилографа; издание текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарий и приложения Е. И. Кычанова. СПб., 1997. 330 с.

Том 5. **Абу Бакр Мухаммад ас-Сули. Китаб ал-Аврак.** Критический текст, перевод на русский язык В. И. Беляева и А. Б. Халидова; предисловие, примечания и указатели А. Б. Халидова. СПб., 1998. 592 с.

Готовятся к изданию:

Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи; издание текста, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения Н. С. Яхонтовой.

Ким Чёгук. Корейские новеллы. Факсимиле текста; предисловие, перевод с корейского, комментарий Д. Д. Елисеева. Под ред. А. Ф. Троцевич.

Монгольский перевод сочинения Пагба-ламы Лодой-Джалцана «Разъяснение непознаваемого». Факсимиле рукописи; предисловие, транслитерация и комментарий В. Л. Успенского.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслитерация, предисловие, комментарий, указатели, примечания и словарь А. Г. Сазыкина.

Тарих-и Кашгар: Тюркоязычная история владельцев Восточного Туркестана от начала XVI по конец XVII века. Факсимиле текста; издание текста, введение, индексы О. Ф. Акимушкина.

Содержание

От издательства	5
Введение	9
ПЕРЕВОД	35
КОММЕНТАРИЙ	55
ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ	63
БИБЛИОГРАФИЯ	85
ПРИЛОЖЕНИЯ	89
Приложение I. Сказанная Буддой Сутра об Улламбане (<i>перевод Л. Н. Меньшикова</i>).	91
Приложение II. Рассказ о Молон-тойне из сборника «Драгоценные четки». Транслитерация. Перевод	93
Приложение III. Таблица соотношения редакций	98
The Oyrat Version of the "Molon-toyn Story"	104
ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ	105

Введение

«История о Молон-тойне» рассказывает о посещении праведным Молон-тойном ада в поисках своей матери, попавшей туда за грехи, совершенные при жизни, и о вызволении ее им из ада. Сюжет «видений ада» был широко распространен в литературе стран Востока, и в том числе у монголоязычных народов¹, где он впервые появился в связи с широким проникновением буддизма в Монголию в XVII—XVIII вв. В это время на монгольский и на ойратский языки переводится, преимущественно с тибетского, большое число как канонических сочинений, так и произведений народного буддизма. Среди последних одним из наиболее популярных сюжетов путешествия в ад является история о Молон-тойне.

Главный герой этой истории — монгольский Молон-тойн — это санскритский Маудгальяна, который наряду с Шарипутрой являлся ближайшим учеником Будды, — известный персонаж индийской литературы. Различные легенды о нем содержатся во многих буддийских произведениях. Так, в «Махавасту» содержится рассказ о посещении Маудгальяной восьми адов и областей, где обитают преты, асуры и другие мифические существа [Махавасту, 1882, т. 1, с. XXII—XXVII]. Там же есть рассказ об обращении в веру Маудгальяны и Шарипутры [Махавасту, 1882, т. 3, с. X]. В «Авадана-шатака» в 5-й части рассказывается о том, как святой Маудгальяна видит страдания претов в аду. Он спрашивает их о причинах страданий, а преты отсылают его к Будде, который объясняет, что страдания претов — результат их греховных поступков в прежней жизни [Винтерниц, 1913, с. 217]. Однако рассказа о том, как Маудгальяна вызволил свою греховную мать из ада, там нет.

В то же время именно сюжет о вызволении матери из ада распространен в Китае, Тибете и Монголии, и во многих рукописях цитируется название санскритского оригинала. Так, в тибетской

¹ Подробнее о сюжетах путешествия в ад см. [Сазыкин, 1979; 1985].

рукописи, хранящейся в СПбФ ИВ РАН², название санскритского сочинения записано по-тибетски как: *gya-pa-ta-po-de-tsi me'u-'gal-ya-ya'-na-ma-de-hi-de-ka-ra-su-tra*. В. Хайсиг реконструирует его как *Agyapatabodhicita-mudgalyāyana-matīhrdayasūtra* и пишет, что «поскольку такое сочинение на санскрите не известно, следует признать, что здесь представлен апокриф с псевдосанскритским названием, который возник в Тибете с использованием китайского Юйланьпэнь цзин» [Хайсиг, 1972, с. 88]. Интересно, что в тибетской рукописи имеется колофон³, в котором сказано: *rgya-gar-gyis mkhan-po 'dzin-na-mi-dri dang zhu-chen-gyi lo-tstsha-wa ban-ni-te ba'-tu-dzny'a-na-sid-hi dang ban-dhe ye-sheste la-sogs-pas bsgyur-zhing-zhus* 'Индийский Учитель Джинамитра и переводчики бандхе Ватуджнянасидхи и бандхе Йешей вместе перевели и отредактировали (это сочинение)'. Имена всех этих переводчиков хорошо известны — они переводили сочинения, вошедшие в тибетский канон. Однако самого этого сочинения в каноне нет [Судзуки, 1962].

В Китае история о Маудгальяне, который там стал называться Мулянь, попала еще в III в. н. э., когда на китайский язык была переведена «Авадана-шатака» [Винтерниц, 1913, с. 216].

В китайском буддийском каноне содержится перевод на китайский язык Уламбана (или Аваламбана) сутры⁴ Юйланьпэнь-цзин (Трипитака тайсэ, т. 16, с. 779, № 665). Эту сутру, которая на санскрите неизвестна, перевел на китайский язык тохарский монах Дхармаракша (265—316) или Чжу Фаху (Эйтель, 1904, с. 46, 185). Она представляет собой рассказ о путешествии Муляня в ад для освобождения его греховной матери. Пересказ содержания Юйланьпэнь-цзина приведен в работе К. Чэня (Чэнь, 1968, с. 89—90). В Приложении I приведен полный перевод этой сутры на русский язык, любезно предоставленный автору Л. Н. Меньшиковым.

Рассказ о Муляне из канона, по-видимому, послужил основой для соответствующих бяньвэней⁵ дуньхуанских рукописей. В своей книге, посвященной анализу другого сочинения из Дуньхуана — «Бяньвэнь о воздаянии за милость», Л. Н. Меньшиков отмечает, что среди ряда бяньвэней на тему о сыновней почтительности только сюжеты о Муляне соответствуют ее буддийской

² Тибетский фонд Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, инв. № С 15346.

³ Последний лист рукописи, содержащий колофон, поврежден, и текст плохо читается. Автор выражает благодарность научному сотруднику СПбФ ИВ РАН В. Л. Успенскому за помощь в прочтении текста колофона.

⁴ Об этом переводе и названии Уламбана см. [Чэнь, 1968].

⁵ Об этом жанре см. подробнее [Меньшиков, 1963; 1972; 1984].

трактовке, хотя и в меньшей степени, чем Уламбана сутра, на основе которой они были созданы [Меньшиков, 1972, с. 85—86]. Кроме того, Л. Н. Меньшиков считает, что «в китайское предание о Муляне включены некоторые факты из биографии реального исторического деятеля китайского буддизма VII в. Фу Лобу, монашеское имя которого было Мулянь» [Мифы, с. 180].

В рукописных отрывках из Дуньхуана содержатся три различных текста рассказа о Муляне, из которых один — неполный [Цзи, 1957, с. 701—760]. Название первого — Мулянь юаньци 'История Муляня' [с. 701—712], второго — Да Муцзяньлянь мин цзянь цзю му бяньвэнь бин ту и цзюань, бин суй 'Бяньвэнь о том, как Великий Маудгальяна освободил свою мать из мира тьмы, с иллюстрациями, одна цзюань с предисловием' [с. 714—755], третий, неполный, не имеет названия [с. 756—760]. Частичный перевод и пересказ одного из двух полных — «Бяньвэня о том, как Великий Маудгальяна освободил свою мать из мира тьмы» — приводится в книге А. Уэйли [Уэйли, 1960, с. 216—235]. Рукопись датирована 921 г.

Рассказ о Муляне очень популярен в Китае. Такую популярность объясняют, в частности, тем, что этот буддийский сюжет близок учению Конфуция о почитании родителей, которое свято выполнялось китайцами. Кроме бяньвэней этот сюжет перерабатывался в пьесах и баоцзюанях⁶. «Баоцзюань о том, как Мулянь в трех воплощениях спасал мать» имеется в коллекции СПбФ ИВ РАН (шифр С 470). Его описание и пересказ содержания приведены в статье Э. С. Стуловой [Стулова, 1984]. По сравнению с рассказом из Дуньхуана баоцзюань оброс множеством подробностей и довольно далеко отошел от первоначальной истории.

Ц. Дамдинсурен пишет, что, будучи широко распространенным в Монголии и Китае, сюжет о Молон-тойне был, по-видимому, мало популярен в Тибете; во всяком случае, он знает только два текста этого сочинения на тибетском языке [Тойм, 1977, с. 492]. О первом из каталога Я. Шмидта и О. Бётлинга известно, что он хранился в Азиатском музее Императорской Академии наук [Шмидт, Бётлинг, с. 24, № 373]. Там сказано, что рукопись написана серебром по черному и состоит из двух частей. В Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН, куда вошли коллекции Азиатского музея, удалось обнаружить три рукописи (одна из них — неполная), написанных серебром по черному фону, тибетского сочинения 'phags 'dus-pa chen-po byang-chub-sems-dpa' me'u-gal-gyi bu'i ma-la rphan-bdag-pa'i mdo 'Сутра о том, как была оказана помощь матери сына Меугал — Высшего святого бодхисаттвы'. Две полные

⁶ Об этом жанре см. подробнее [Стулова, 1979].

рукописи хранятся под одним инвентарным номером (С 15346), и, видимо, они были приняты составителями каталога за две части одного сочинения. Обе рукописи состоят из 5 частей и 28 глав каждая, по содержанию они идентичны, и небольшие различия между ними могут быть отнесены за счет небрежности переписчиков. Одна из них имеет колофон, где названы имена переводчиков с санскрита (см. выше, с. 10).

Второй текст — собственность некоего ламы Гончигдоржа — видел Ц. Дамдинсурен. Его название — 'phags-pa me'u 'gal-gyi bus pha ma dang drin-lan thams chad-dmyal khams-nas mtho-ris-la bkod-ra'i mdo 'Сутра о том, как Великий сын Меугали, воздая за благодеяние матери, вывел [ее] из адской страны на небо'. Ц. Дамдинсурен пишет, что в самом начале этого текста, где, как это принято, повторяется название сутры сначала на санскрите, а затем на тибетском, после слов gya gar skad-du 'на санскрите' вместо ожидаемого санскритского названия сутры приведены, по-видимому, китайские слова (кроме первого агуа 'святой'): gya gar skad-du aya de'i pheng bya phur phou ing kyeng phyi ma de'i ir. Как считает Ц. Дамдинсурен, этот тибетский перевод был сделан с китайского. Переписчик мог легко перепутать похожие звучащие по-тибетски названия Китая (gya-nag) и Индии (gya-gar) и вместо gya-nag skad-du 'по-китайски' написал более привычное gya-gar skad-du 'на санскрите' [Тойм, 1977, с. 492]. Можно также предположить, что после слова агуа пропущена строка, включавшая конец санскритского названия и начало китайского. Так или иначе, многие слова из этого псевдосанскритского названия идентифицируются как китайские: de'i кит. да 'большой', 'великий', phou ing кит. баоин 'воздаяние', kyeng кит. цзин 'сутра', de'i ir кит. ди-и 'первая (часть)'. Большинство этих написаний совпадает с тибетской транскрипцией соответствующих иероглифов в китайско-тибетских рукописях из Дуньхуана, исследованных Ло Чанпэем [Ло Чанпэй, 1933, с. 56, 60]⁷. Л. Н. Меньшиков совершенно определенно соотнес это китайское название с названием сутры из китайского канона: Да-фанбянь-фо бао энъ цзин 'Сутра о будде Да-фанбянь фо, воздающем за милость' [Трипитака Тайсё, 1924, № 156]. Эта сутра содержит несколько сюжетов, тематически объединенных идеей о воздаянии, однако сюжета о Молон-тойне в ней нет [Меньшиков, 1972, с. 37—39]. Остается только догадываться, как ее название оказалось в одном ряду с названием «Сутры о Молон-тойне».

Краткий пересказ сюжета о Молон-тойне встречается в некоторых тибетских сочинениях. Ц. Дамдинсурен приводит следую-

⁷ Эти сведения были любезно предоставлены автору С. Е. Яхонтовым.

ший отрывок из сочинения Содновамбо «Биография Будды», который представляет собой конспективный рассказ о Молон-тойне: «Молон-тойн в результате созерцания узнал, что отец его переродился в Эсруа, и встретился [с ним]. Затем узнал, что мать переродилась в аду, и отправился в ад, но ворота ада были закрыты. У одного черта [он] спросил: „Кто может открыть эти ворота?“ Черт ответил, что черти и Будда Шакьямуни. Молон-тойн пришел в человеческий мир, взял буддийскую монашескую одежду, палку и посох, пришел к воротам ада. Когда [он] посохом три раза потряс, ворота ада сами открылись. Черти привели Молон-хатун, подвели ее к Молон-тойну. Вот что Молон-хатун сказала своему сыну: „Если ты можешь, распорядись переписать буддийские сутры, кроме этого мне ничего не поможет“. Молон-тойн встретился с Буддой во время летнего перерыва и попросил освободить мать. Будда сам отправился в ад и успокоил страдания адских живых существ. Молон-хатун благодеянием Будды освободилась из ада и переродилась в прета. Молон-тойн отправился в мир претов, свою мать забрал и отправился в город Раджагриху. Хотя [он] своей матери еду давал, она есть не могла. [Он] привел [ее] на берег реки Джамба, и, когда пытался напоить водой из реки, появился Будда, превратившись в 500 претов. Когда они делали вид, что пьют воду из реки, Молон-хатун пожалела [для них] воды. Однако Молон-хатун одумалась и благодаря раскаянию в грехах, попив воды из реки, [снова] переродилась. Родилась в городе Раджагриха, став жадной суккой. Молон-тойн, повстречавшись с той собакой, узнал свою мать. [Молон-тойн] рассказал [об этом] Будде, пригласил множество святых и велел много дней читать [религиозные] книги. Благодаря этому его мать освободилась от рождения собакой и переродилась в мире Удсурчан, который находится далеко, в девушку по имени Сайн залуу. Силой волшебства Будды Молон-тойн отправился в мир Удсурчан, встретился с матерью и привел ее к отцу в мир Эсруа-тенгри» [Зуун билиг, с. 275—276].

В тибетском сборнике «Драгоценные четки»⁸ наряду с другими короткими рассказами разных жанров содержится очень краткий пересказ истории о Молон-тойне.

Монгольские рукописи и ксилографы, содержащие рассказ о Молон-тойне, имеются во многих рукописных собраниях во всем

⁸ Полное название сочинения — *be'u-bum dang dpe-chos gnyis la mkho-ba'i gtam rgyud rin chen 'phreng mdzes zhes-bya-ba bzhugs-so* 'Важнейшие предания, называемые «Красивые драгоценные четки»; подробнее об этом сочинении см. [Хамаганова, 1986, с. 90—92].

мире⁹. Известно несколько переводов этого сочинения на монгольский язык, сведения о которых приводятся у Ц. Дамдинсурена [Тойм, 1977, с. 484—491; Зуун билиг, 1959, с. 247—277].

Наиболее распространенный перевод — перевод Ширегету гуши цорджи¹⁰ — был издан ксилографическим способом в Пекине в 1708 г. Ксилограф озаглавлен *Qutuγ-tu Molon toyin eke-dür-iyen ači qariγuluγsan ketekü sudur oγosiba* 'Сутра, рассказывающая о том, как святой Молон-тойн воздал за благодеяние своей матери'. Его описание и пересказ содержания можно найти в работах у А. М. Позднеева и В. Хайссига [Позднеев, 1883, с. 293—299; Хайссиг, 1954, с. 23—27]. Этот перевод в XIX в. был переиздан в Бурятии в Агинском дацане под тем же названием. Пекинский и бурятский ксилографы текстуально совпадают. Незначительные различия между ними касаются лишь орфографии. Так, в бурятском ксилографе преобладает написание падежных суффиксов и частиц *či* и *beg* слитно с существительным или местоимением (интересно, что эта особенность не распространяется на названия глав); в нем последовательно употребляется частица *inu* (вместо *anu* в пекинском); слова с начальным *č* пишутся через *s* (например, *šečeg* 'цветок' пишется *sečeg*), что отражает бурятское произношение; для слов «бодхисаттва» и «махасаттва» приняты более поздние написания *bodisatu*-а и *maqasatu*-а вместо *bodisung* и *maqasung* соответственно; для заимствованных слов используется галик. Кроме того, ксилографы различаются нумерацией глав. В пекинском последняя глава (*jüil*) имеет номер 28, а в бурятском — 27. Дело в том, что в бурятском издании исправлена сбита нумерация глав пекинского ксилографа, где за номером 22 сразу следует 24. Названия же глав в двух ксилографах совпадают.

Еще один перевод этого сочинения был сделан Алтангерел убаши. Его название — *Qutuγ-tu Mudγalavani eke-degen tusa kürgegsen pegetü sudur* 'Сутра под названием «[Как] святой Маудгальяна оказал помощь своей матери»'. Рукопись его — неполная, в ней отсутствует 4-я часть (*bölög*) и колофон. Она хранится в Рукописном отделе СПбФ ИВ РАН [Сазыкин, 1988, № 312]. По сведениям Ц. Дамдинсурена, в Бурятии в собрании книг Агинского дацана хранится рукопись, списанная с петербургского экземпляра, с колофоном, в котором указан переводчик Алтангерел убаши [Тойм, 1977, с. 486]. Б. Я. Владимирцов, говоря о рукописи из петербург-

⁹ Подробный перечень экземпляров этого сочинения из различных коллекций приводит А. Шаркози [Шаркози, 1976, с. 276, примеч. 16], см. также [Сазыкин, 1988, № 311—316].

¹⁰ О деятельности этого переводчика см. [Владимирцов, 1927, с. 216—231].

ской коллекции, писал: «Манускрипт этот содержит сказание о Maudgalyāna, любопытное по своему содержанию как новая (по сравнению с пекинским ксилографом. — Н. Я.) версия этого пространственного буддийского рассказа...; язык же этого текста является перед нами в необычайно архаической форме как со стороны морфологии, так и со стороны лексики, удивительно архаичны и графика этого манускрипта и его орфография» [Владимирцов, 1918, с. 1550—1551]. Ц. Дамдинсурен объясняет это тем, что переводчик, живя в XVII в., писал на языке XIV в. Транскрипция и факсимиле петербургской рукописи были опубликованы Л. Лёренцом [Лёренц, 1982].

Ц. Дамдинсурен считает, что оба перевода, Ширегету гуши цорджи и Алтангерел убаши, хотя и имеют свои особенности, были сделаны с одного тибетского источника [Тойм, 1977, с. 487]. Для иллюстрации этого он приводит одно и то же место из этих двух переводов [Зуун билиг, с. 274]. Добавим, что при явном совпадении по содержанию между ними есть небольшое, в основном композиционное, различие в главах 16, 17, 18. Конец главы 16 (рассуждения эрликов о том, что они не по своей воле причиняют страдания грешникам, а по предопределенности судьбы, и просьба Молон-тойна отказаться от греховных дел, адресованная матери) в переводе Алтангерела отсутствует. Содержание 17-й главы совпадает в обоих переводах, но эпизоды следуют в разном порядке. Начало 18-й главы перевода Алтангерела в переводе Гуши цорджи помещено в середину 17-й. Тибетский текст, с которого могли быть сделаны оба монгольских перевода, представлен двумя тибетскими рукописями, хранящимися в СПбФ ИВ РАН, о которых говорилось выше. Выборочное сличение текста тибетских рукописей и монгольских переводов показывает идентичность их содержания, а в тех случаях, когда между переводами Алтангерела и Гуши цорджи наблюдаются расхождения (главы 16, 17, 18), тибетскому оригиналу соответствует текст Алтангерела.

В работах Ц. Дамдинсурена сообщается еще о двух переводах сочинения о Молон-тойне. Рукопись первого — стихотворного, выполненного Дамбарджай гуши, была приобретена Ц. Дамдинсуреном в Ордосе. Она озаглавлена *Molon toyin eke-degen tusa kūrgegsen peretü sudur* 'Сутра под названием «[Как] Молон-тойн оказал помощь своей матери»'. По его словам, рукопись производит впечатление архаичной (в частности, не всегда различаются согласные *ᠵ* и *ᠴ*, *у* и *ᠵ*) [Тойм, 1977, с. 487—489]. Приблизительно треть этого текста опубликована им в «Зуун билиг» [с. 247—261]. Второй перевод — на монгольский, но в тибетской транскрипции, хранится в библиотеке Гандана. Его название — *Molon toyin-u eke-yin aci qariyuluᠢsan sudur* 'Сутра [о том, как] Молон-тойн воз-

дал за благодеяние матери'. Текст этого перевода, с сокращениями и в переложении на монгольскую графику, также приводит Ц. Дамдинсурен [Зуун билиг, с. 261—268].

В коллекции монгольских рукописей и ксилографов в Дании имеется иллюстрированная рукопись *Qutuγ-tu yeke quriyangyui-tu Molon toyin bodisadu eke-dur-iyen aci tusa-yi qariyuluγsan namtar-un sudur oγosiba* 'Биографическая сутра [о том, как] святой, обладающий великой сутью Молон-тойн воздал за благодеяние своей матери' [Хайссиг, 1971, № 417]. В колофоне назван составитель — Сайн оюту далай. Пересказ содержания этой рукописи, а также пространные цитаты из нее приводит В. Хайссиг в «Истории монгольской литературы» [Хайссиг, 1972, с. 91—99]. Ранее она же была им издана в переводе на немецкий язык [Хайссиг, 1961].

Имеется перевод на монгольский язык тибетского сборника «Драгоценные четки» (см. выше) *üliger-ün nom erdeni čoyčalaysan-u čiqula domoγu kemekü sastir oγosiba* 'Шастра под названием «Важнейшие предания собрания драгоценностей книги притч»' (Рукописный фонд СПбФ ИВ РАН, шифр С 351). В Приложении II дается транслитерация и перевод монгольского рассказа о Молон-тойне из этого сочинения.

В книге А. Мостарта приведена запись в транскрипции очень короткой ордосской легенды о Молон-тойне [Мостарт, 1937, с. 171]. Ее переложение на современный монгольский язык дает Ц. Дамдинсурен [Тойм, 1977, с. 494—495].

Многие рукописи сутры о Молон-тойне содержат рисунки¹¹; известны даже иллюстрированные альбомы, своего рода «комиксы», состоящие только из рисунков, последовательно изображающих основные моменты истории о Молон-тойне¹².

В Улан-Баторе в 1992 г. была издана небольшая книжка, озаглавленная «Молон тойны эхийн ач хариулсан судар» [Молон тойн, 1992]. Она содержит текст на старомонгольской графике с большим количеством рисунков, его переложение на кириллицу и краткое послесловие. Издание подготовлено Ч. Жачином, он же автор послесловия. Рисунки взяты из различных оригинальных монгольских рукописей, в частности, из монгольской рукописи, записанной тибетским письмом, хранящейся в Гандане. Текст составлен на основе публикации в «Зуун билиг» с вставками из других рукописей.

В Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН (шифр С 22) хранится ойратская рукопись сутры о Молон-тойне: *Molon toyin eke-bēn*

¹¹ Подробнее см. [Шаркози, 1976, с. 276, примеч. 17].

¹² Имеется исследование одной такой рукописи [Шаркози, 1976].

tamu-ēce ɣaɣaqsan sudur orošiboi 'Сутра [о том, как] Молон-тойн вызволил свою мать из ада'.

Ц. Дамдинсурен считает, что она была переведена с тибетского. Он приводит транскрипцию начала тибетского текста (ламы Гончигдоржа, см. выше), которое слово в слово совпадает с началом ойратского [Тойм, 1977, с. 493]. Если так же сходны и остальные части двух текстов, то можно не сомневаться, что ойратский перевод был сделан с этого тибетского оригинала.

Ойратская рукопись имеет колофон. Он приведен в двух работах Ц. Дамдинсурена [Зуун билиг, с. 274—275; Тойм, 1977, с. 491], но в первой работе — с небольшими неточностями, а во второй — не полностью, поэтому будет излишним его здесь процитировать:

amitani ibēl boluqsan šakyamuni burxani
adistid-yēr bolbusuran getülüqsen:
ɣarād [āɣya] yeke moloni toyin tere caqtu
ačitu ekēn ayous tamu-ēce ɣaɣaqsan sudur öüni::

sayin byeva olon buyani kücün-yēr
šaral ügei xamuqtu eneriqči:
sayin oyoutuyin sayin šajin-du züreken-ēce süzülüqči:
sayixan cü xatuni zarliq-yēr:

xamugi medeqči dēdü boqdošiyin:
xayirtu zarligiyin aršan-yēr:
xara[n]gyui zügiyin amitan-noyoudi
xangyan üyiledüqči: rab gbyam za ya-yin adistid-yēr

töm bolyon orčiulbai: zül krim rgyamzo:
tong ɣaqcār bičibei maši: xurdun bicēči
toniltuyai:: amitan-noyoud buyan-yēr toqtotuyai:
törö šajin xoyor öün-yēr delgerekü boltuyai:

Перевод:

«Сутру о том, как, совершенствуясь благословением Будды Шакьямуни — защитника живых существ, святой великий Молон-тойн достиг освобождения и вызволил свою благодетельницу-мать из Аюус-ада,

по приказу верующей от всего сердца в мудрую религию и милосердной ко всем убогим силою многих десятков миллионов хороших добродетелей ханши Сайхан чу,

благословением равжи Зая, рашияной милостивых повелений высшего Богдо-всезнающего, насытившего живых существ из страны мрака,

сделав доступным, перевел Цултемжамц; совершенно единолично перелисал переписчик Маш хурдуун. Да освободятся! Пусть утвердятся в добродетели живые существа! Пусть благодаря этому процветает государство и религия!»

Колофон состоит из четырех аллитерированных четверостиший, каждое из которых имеет свой законченный смысл. В пер-

вом содержится название сутры, во втором — имя заказчика, украшенного различными добродетелями, третье — это восхваление Зая-пандиты, четвертое называет имена переводчика и писца, а также содержит стандартную заключительную формулу-благопожелание.

Заказчиком перевода была Сайхан чу ханша, о которой известно, что она была матерью Авлая [Лувсанбалдан, с. 141, 156], который, в свою очередь, был инициатором двух переводов Зая-пандиты [Лувсанбалдан, с. 141—142].

Относительно авторства перевода этой сутры на ойратский язык существует две различные точки зрения. Ц. Дамдинсурен называет переводчиком Цултемжамца¹³ [Тойм, 1977, с. 491]. Так же считает и Х. Лувсанбалдан, отождествляя переводчика этой сутры с писцом Цултемжамцем, упоминаемым в колофонах шести сочинений, переведенных Зая-пандитой, где он выступает как писец, записывавший устный перевод Зая-пандиты на доску¹⁴ [Лувсанбалдан, с. 156]. Случаи, когда писец, работавший с Зая-пандитой, делал затем самостоятельные переводы, также отмечены у Лувсанбалдана [Лувсанбалдан, с. 156—159]. Кроме того, Х. Лувсанбалдан упоминает еще одну ойратскую рукопись, в колофоне которой переводчиком назван Цултемжамц¹⁵.

А. Г. Сазыкин считает, что перевод «Сутры о Молон-тойне» был сделан Зая-пандитой, а Цултемжамц был одним из двух переписчиков [Сазыкин, 1988, с. 85]. Единственным, хотя и довольно весомым, доводом в пользу авторства Зая-пандиты является наличие названия сочинения о Молон-тойне (*Moloni toyini tuji*) в списке переводов Зая-пандиты, составленном его учеником Ратнабадрой¹⁶.

Нам представляется, что, во-первых, фраза *gab byam zaaya-yin adistid-yer tom bolyon orčiulbai zül krim gyuamzo* 'благословением равжи Зая, сделав доступным, перевел Цултемжамц' чисто грамматически не может быть понята иначе; в ней ясно сказано, что переводчиком является Цултемжамц, который действовал по бла-

¹³ Тибетское имя этого человека затранскрибировано в колофоне как *kül krim gyuamzo*. Ц. Дамдинсурен и Х. Лувсанбалдан называют его Цултемжамц, Д. Кара — Цулримджамцо [Кара, 1972, с. 112], а А. Г. Сазыкин — *cülkrim zamso* [Сазыкин, 1988, с. 85]. По-тибетски оно пишется *tshul-khrims gyuamtsho*. Чтение «Цултемжамц» отражает произношение этого имени монголами.

¹⁴ Подробнее о подобной технике записи переводов см. [Кара, 1972, с. 111—112].

¹⁵ Восточный отдел Научной библиотеки им. Горького при СПбГУ, шифр Calm. В 10.

¹⁶ См., напр., [Поуха, 1967, с. 400, № 48; Зуун билиг, с. 329; Ратнабадра, с. 43, л. 96].

гословению равжи Зая (т. е. Зая-пандиты). Перенос подлежащего в конец предложения после сказуемого в финитной форме в колофонах встречается достаточно часто (ср., напр., колофоны № 13, 21 и 57 из списка 65 колофонов сочинений, переведенных Зая-пандитой, которые приводит в своей книге Х. Лувсанбалдан [Лувсанбалдан, с. 265—315]). Во-вторых, титул, который предшествует имени Зая-пандиты, а именно — «насытивший живых существ из страны мрака рашияной милостивых повелений высшего Богдо-всезнающего», — слишком пышный, переводчик, даже такой известный, как Зая-пандита, не мог себя так назвать. Это видно из других колофонов, бесспорно принадлежащих перу Зая-пандиты. Из приведенных у Х. Лувсанбалдана 65 колофонов только в десяти при имени Зая-пандиты присутствуют эпитеты. Они могут быть краткими: № 22 — *xutuqtu boqdošiyin zarligiyin bōl* 'раб повелений святого Богдо', № 56 — *xamugi medeqšiyin šabi* 'ученик Всезнающего', № 16 — *šakya muniyin dgeslong* 'гелонг Шакьямуни', № 12 — *dalai lama-yin šabi* 'ученик Далай ламы'. Более пространственные занимают одно четверостишие и обязательно содержат две идеи — о знакомстве с религией и о попытке постичь учение, которые могут быть выражены разными словами. Приведем одно для примера (№ 23):

*ārya dēdū boqdošiyin adistid-yēr
adiša zongkapa-yin ariun šajīn-du ayuulzan:
aṛya biligiyin nom-du amani tōdūi suruqsan:
ayaxa takimiq [-tegmliq] oqtoruyin dalai rab gbyam pa orčiulbai:*

'Благословением святого высшего Богдо
Познакомившийся с чистой религией Атиши и Цзонхавы,
Немного обучившийся учению способа и знания,
Гелонг Отгоргуйн далай равжа перевел'.

Все приведенные выше характеристики свидетельствуют о традиционно скромном отношении Зая-пандиты к своим достоинствам как переводчика. Маловероятно, чтобы он назвал себя «насытивший живых существ...».

Можно упомянуть еще одну не столь значительную, но все же характерную деталь. В колофоне к «Сутре о Молон-тойне», также как и в еще одном колофоне Цултемжамца, после имени заказчика в родительном падеже стоит слово *zarliq-yēg* 'по повелению', тогда как во всех 65 колофонах Зая-пандиты после имени заказчика употребляется глагол *duraduxu* 'желать', т. е. «такой-то пожелал».

В последнем четверостишии колофона перевода Молон-тойна назван также писец — *Maši xurduṅ*; по-видимому, это его имя

упоминается в биографии Зая-пандиты [Кара, 1972, с. 112]. В связи с этим можно отметить еще одно отличие колофонов Зая-пандиты от нашего: в 60 из них названы имена двух писцов. Они оба названы *bičēci* 'писец', но для обозначения их действий употребляются разные глаголы: *samugađaxu* 'писать на доске' для того, кто записывал на специальных досках сказанное Зая-пандитой, и *bičikiü* 'писать' для того, кто каллиграфически переносил запись первого на бумагу. В одном колофоне назван только писавший на доске, а в четырех содержатся имена двух писцов без точного определения их функций. Таким образом, для колофонов Зая-пандиты типично упоминание имени писца, записывавшего устный перевод на доску, что связано с особенностью работы Зая-пандиты. В нашем же колофоне названо имя лишь одного писца, о котором сказано, что он «написал» (употреблен глагол *bičikiü* 'писать'), — ситуация, не встретившаяся ни в одном из колофонов Зая-пандиты.

С учетом всего вышесказанного нам кажется более логичным следовать тому, что прямо написано в колофоне, и, вслед за Ц. Дамдинсуреном и Х. Лувсанбалданом, считать автором перевода Цултемжамца.

Таким образом, существует достаточно большое количество рукописей и ксилографов истории о Молон-тойне на различных языках. Сравнение содержания доступных нам текстов этого повествования, обзор которых приведен выше, на китайском, тибетском, монгольском и ойратском языках позволяет выделить следующие редакции этого сочинения, которые мы будем условно называть монгольской, южномонгольской, китайской и ойратской. Первые две представлены следующими текстами: монгольская — ксилографическими изданиями перевода Гуши цорджи и рукописью перевода Алтангерела, а также двумя тибетскими рукописями из фонда СПбФ ИВ РАН, с которых были сделаны монгольские переводы; южномонгольская — рукописями из копенгагенской коллекции, которые исследовал В. Хайссиг, а также ордосским и тибето-монгольскими текстами, частично опубликованными Ц. Дамдинсуреном. Насколько можно судить по доступным фрагментам последних, эти тексты являются вариантами одной редакции. Ее же иллюстрирует рукопись, исследованная А. Шаркози. Китайская редакция представлена одной из двух рукописей из Дуньхуана, частично переведенной и пересказанной А. Уэйли — «Бяньвэнь о том, как Великий Маудгальяна освободил свою мать из мира тьмы». Ойратская — рукописью из СПбФ ИВ РАН. Очень краткое ее содержание приводится также в тибетском сочинении «Драгоценные четки» и его монгольском переводе.

Два текста истории о Молон-тойне трудно отнести к какой-либо редакции из-за их краткости. Это рассказ о Молон-тойне из сочинения Содновамбо «Биография Будды» и легенда, опубликованная А. Мостартом. Первый включает в себя перечень основных моментов, общих для всех редакций. Во втором многие ключевые моменты отсутствуют, однако в нем есть упоминание о посещении Молон-тойном 18 адов, что является отличительной чертой южномонгольской редакции.

Ниже мы попытаемся, проведя сравнение между этими четырьмя редакциями¹⁷ и охарактеризовав каждую, определить, как соотносится с другими ойратская редакция.

Основные элементы фабулы во всех четырех редакциях одинаковы: принятие монашества главным героем и достижение архатства у Будды; встреча с отцом, который вследствие добродетельной жизни переродился на небе; поиски матери, которая при жизни вела греховный образ жизни, в аду; обращение к Яме и Владыке пяти путей (последняя встреча в южномонгольской версии отсутствует); встреча с матерью в самом страшном аду — Ави-чи; ее перерождение сначала в прета, затем в собаку, человека и, наконец, предсказание Будды о ее следующем перерождении на небе.

Лучше всего изучена южномонгольская редакция. Ее анализ по рукописям из копенгагенской коллекции сделан В. Хайссигом в «Истории монгольской литературы». Характеризуя сочинение Сайн оюту далая, В. Хайссиг пишет, что он создал синкретическое произведение, в котором легенды из классического тибетского текста сплелись с китайскими рассказами о Муляне и буддийским описанием 18 адов. Он отмечает следующие типично китайские черты этого сочинения, отсутствующие в других монгольских переводах: торговое путешествие Муляня, раздел домашнего имущества для подаяния и благочестивых деяний, денежные траты матери, ее ложь сыну, ее наказание внезапной смертью и перерождение в самом глубоком аду и появление там Будды. Создание этого произведения, как пишет В. Хайссиг, знаменует начало секуляризации религиозной дидактической литературы [Хайссиг, 1972, с. 95].

Говоря о влиянии китайских бьяньвэней на сочинение Сайн оюту далая, В. Хайссиг ссылается на «Бьяньвэнь о Муляне», переведенный А. Уэйли, где, действительно, есть все перечисленные выше моменты. Однако если сравнить начало (до смерти матери) всех текстов южномонгольской редакции с другим дуньхуанским

¹⁷ Таблица соотношения основных эпизодов четырех редакций приведена в Приложении III.

текстом — «История Муляня», то оказывается, что они почти совпадают, за исключением некоторых подробностей, отсутствующих в бьяньвэне и добавленных в южномонгольских текстах. Таким образом, в данном случае речь идет не о влиянии бьяньвэней, а о прямом следовании одному из них.

Китайский текст сообщает следующее. Юноша по имени Лобу (Лапуг) жил со своей матерью-вдовой и вел праведный образ жизни. Они были богаты. Лобу жил по буддийскому закону: помогал и жалел одиноких и бедных, почитал и уважал Три драгоценности, раздавал милостыню, ежедневно устраивал угощение для монахов, читал и перечитывал сутры. Его мать, напротив, была злая и жадная. Однажды сын решил уехать по торговым делам. Юноша просит у матери разрешения на это и делит имущество на три части: одну — берет с собой, вторую — оставляет матери и третью — предназначает для раздачи бедным и нуждающимся. Мать после отъезда сына совершила греховные дела: она убивала и резала скот и варила мясо, встречая учителей и монахов, посылала мальчишка-слугу бить их палкой, встречая одиноких и старых, спускала на них собак. Возвращаясь домой, сын посылает вперед гонца, который сообщает о его предстоящем приезде. Мать успевает создать видимость скромной жизни и по приезде сына рассказывает, какие добродетельные поступки она совершала. Случайно от соседей сын узнает о действительном поведении матери и просит ее подтвердить или опровергнуть услышанное. Мать с гневом обвиняет его в недоверии к словам матери и произносит клятву: «Если я лгу, пусть я умру через семь дней и попаду в ад». Через семь дней она умирает.

Все это есть в южномонгольских текстах, однако в них фигурирует также служанка, которая замечает приближающегося слугу Молон-тойна и сообщает матери о возвращении сына. Кроме того, грехи матери в них не такие стандартные, как в китайском тексте; вот как описаны некоторые из них (по переводу В. Хайссига [Хайссиг, 1962, с. 174—177]). «Теперь, когда Мудгал уехал, чтобы торговать, получила госпожа Молон много скота, покупала его на серебро и золото, откармливала его и делала его жирным. Вешала на дерево живых зверей и приказывала бить их колотушкой и так их убивать, так что кровь их свертывалась, потому что так было вкуснее. Мясо и кровь смешивала она с чесноком и вином, ела и смаковала это. Также и рыбу клала она живую на горячий очаг, жарила и ела ее. И также уток, кур и другую птицу бросала она живыми на горячий очаг, так что они своими собственными клювами, умирая, вытаскивали перья. Их мясо она потом обваливала в соли и съедала. Даже у свиней она вырывала сердце из тела, когда они еще были живыми». Дальнейшее содержание (после

смерти матери) китайского текста «Истории Муляня» и текстов южномонгольской редакции не имеет между собой ничего общего. Китайский текст представляет собой краткое изложение содержания китайской редакции, а южномонгольские тексты переходят к описанию восьми холодных и восьми горячих адов, по которым ходит Молон-тойн в поисках матери, что составляет принципиальное отличие южномонгольской редакции от всех остальных.

Монгольская редакция самая длинная, а в ней есть деление на главы (всего 27). Большой объем сочинения связан с несколькими характерными чертами, отличающими эту редакцию от других. Во-первых, в ней большинство высказываний главных персонажей повторяется дважды, причем перед повтором, т. е. пересказом предыдущего текста, сказано: «произнес в стихах», и следующий текст более упорядочен структурно. Это все, что осталось от стихов, имевшихся в тибетском тексте. Во-вторых, обращение персонажей друг к другу и особенно к Будде всегда сопровождается большим количеством эпитетов. Вот как, например, обращается Молон-тойн к Будде с просьбой освободить свою мать: «Затем достопочтенный Молон-тойн, поднявшись, перекинул свою монашескую дели через плечо, поклонился Будде-Победоносному в ноги, преклонил правое колено и так восхвалил в стихах Будду-Победоносного: „Мудро страдающий, защитник живых существ, милосердный, высшее из высшего знающий, спасающий всё находящееся в мире, исцеляющий болезни живых существ, следующих истинному пути, преисполненный знания, подобного безграничному океану, преисполненный признаков чистой добродетели. Я хочу молиться [тебе] — защитнику всех трех миров. Хотя моя мать из ада переродилась, я не знаю, где она сейчас пребывает. Соизволь проявить бесконечную милость, мою мать, высший, милосердно думающий о всех живых существах, защитник живых существ, мою мать соизволь освободить“» (546—55а)¹⁸. И в-третьих, в монгольской редакции, в отличие от остальных, сюжетная линия поисков матери не является доминирующей. Все сочинение до предела насыщено буддийскими сентенциями. Создается впечатление, что путешествие Молон-тойна — это только предлог для того, чтобы устами самого Молон-тойна, Эрлик-хана и, конечно, Будды преподать читателю множество различных буддийских поучений. Например, в 12-й главе это поучения Эрлик-хана о предопределенности страданий судьбой, о невечности мира, о том, что плохие и хорошие поступки всегда имеют соответствующий результат. В 13-й главе Владыка пяти путей Арья-балу рассказывает

¹⁸ Здесь и далее перевод примеров из монгольской редакции приводится по пекинскому ксилографу. В скобках указаны номера листов.

о пяти путях перерождений живых существ, пяти причинах этих перерождений, о десяти видах грехов. Больше всего поучений произносит Будда; это, например, двенадцать звеньев цепи причин и следствий (глава 19), объяснение восьми учений бодхисаттв и разъяснение, что есть Татхагата (глава 20), перечисление различных качеств, необходимых бодхисаттвам (глава 24). Особенно много разъяснений подобного рода в заключительных главах (26 и 27), а последняя (28-я по нумерации ксилографа) посвящена восхвалению самой сутры. 25-я глава описывает, как Молон-тойн отправился определять, на каком расстоянии слышен голос Будды, — отступление на типично буддийскую тему, не имеющую отношения к основному сюжету. В 21-й главе Молон-тойн произносит магические заклинания — дхарани, чтобы освободить мать из области претов.

Кроме всех этих особенностей, характерных для канонических произведений, монгольскую редакцию отличает от остальных и совершенно иная завязка сюжета, занимающая первые четыре главы.

Первая глава начинается с описания собрания Будды и бодхисаттв, затем речь идет о двух молодых людях — одного зовут Чихула илагугсан, второго Эбур-эцэ торогсон, — которые мечтают посвятить себя религии. Они встречаются Ашвичи, который в образе монаха бродит по городу Раджагриха, собирая подаяние. Молодые люди заговаривают с ним, спрашивают о сущности учения Будды и, выяснив, где находится Будда, решают отправиться туда, чтобы стать монахами.

Вторая глава рассказывает о том, как некий греховный шимнус, испугавшись того, что молодые люди и их друзья станут тойнами, решает повернуть их назад и, приняв облик Ашвичи, появляется на их пути. Он отрекается от якобы сказанного им прежде и отрицает необходимость стремления к добродетели. Чихула илагугсан распознает в нем злого духа, а Эбур-эцэ торогсон говорит, что ничто не свернет их с пути, даже слова лисы с телом льва, что они тверды в своих намерениях. Их поступок одобрен на небе, им обещают, что они станут тойнами, а посрамленный шимнус, став невидимым, исчезает.

Третья глава: двое молодых людей, обращаясь к своим пятистам спутникам, предлагают вернуться тем, кто не решается следовать дальше, однако все хотят продолжать путь. Снова появляется шимнус и создает на их пути озеро глубиной 100 бере, через которое Будда прокладывает невидимый путь для идущих к нему. Тогда шимнус создает гору высотой в 1000 бере, с которой слышится дикий рев 1000 львов. Будда же делает это все невидимым и

неслышимым и показывает молодым людям и их спутникам прямую дорогу к себе.

Четвертая глава: Будда сообщает своим сподвижникам о скором прибытии двух молодых людей, из которых один станет самым одаренным его учеником, а второй — обладателем чудесной волшебной силы. Сподвижники готовятся почтительно их встретить. Чихула илагугсан и Эбур-эцэ торогсон приближаются к Будде и, поклонившись ему, просят соизволить дать им сан тойна. Будда спрашивает их, кто они. Первый отвечает: «Я — сын брамина Чихула илагугсан, мать мою зовут Шарика, поэтому меня зовут Сын Шари. Стать тойном — соизволение моих родителей». Будда говорит: «О сын Шари и Молон-тойн вместе с вашими друзьями, все вы идите по моему светлому пути». Так они стали тойнами.

Основная сюжетная линия поиска матери начинается только в 5-й главе, когда Молон-тойн обращается к Будде с вопросом о месте, куда попала его грешная мать после смерти.

Ойратская версия по своему нарративному характеру сближается с китайской. Они обе значительно более «приземлены» и не отходят от основной линии сюжета для отвлеченных рассуждений, как это постоянно делается в монгольской. Нам представляется, что имеется достаточно оснований считать ойратскую редакцию восходящей к китайской. Разумеется, за столь долгое время (китайский текст датируется X в.), в течение которого был сделан перевод с китайского на тибетский, а затем на ойратский, многое было искажено, опущено или, напротив, добавлено, но тем не менее в ойратском тексте сохранились отдельные отрывки, которые поразительно совпадают с китайским оригиналом.

Китайский «Бяньвэнь о Муляне» относится к жанру бяньвэней, в котором, как определяет Л. Н. Меньшиков, «проза и стихи органически сочетаются на равных началах. Точнее, прозаическое повествование перемежается со стихотворным, причем стихотворный кусок в поэтической форме повторяет, уточняет и развивает в разных аспектах сообщенное в прозаическом куске» [Меньшиков, 1984, с. 26]. Действительно, китайский текст содержит стихи и прозу, причем стихи являются более детальным и эмоциональным повторением предыдущего отрывка. Фрагменты, совпадающие в китайском и ойратском текстах, как правило, в китайском оригинале приходятся на стихи. В ойратском тексте стихи отсутствуют, но иногда остается неясный след стихов оригинала: одна и та же мысль может быть высказана дважды, но разными словами. Например, два раза повторено, что после трехлетнего оплакивания матери Лапуг решает идти к Будде, чтобы воздать за благодеяние

родителям, причем во второй раз об этом говорится более выразительно (С 22, л. 3а—3б).

Вот как об этом сказано в ойратском тексте во второй раз:

«Лапуг-торогсон, после того как умерли родители, в течение трех лет ежедневные обряды совершал, если слышал [звуки] веселья, [ему] не нравилось. Вид и дух [его] очень ослабли, еду не ел, дошло до [того, что его] кости и сухожилия соединились. [Он] подумал: «Пойду туда, [где] на горе Шабкара находится Татхагата [и куда] идут все тенгрии и люди, и обращусь к Татхагате. Я хочу воздать за благодеяние родителям».

(С 22, л. 3б)

А вот тот же отрывок из китайского текста (стихи):

«После того как умерли отец и мать, Лапуг плакал три года, как требует ритуал, и до конца соблюдал траур; слыша веселье, не веселился, облик его исказился, желание еды не казалось ему сладким, и от этого болели его жилы и кости.

И услышав, что Татхагата находится в Оленьем саду и всех людей и тенгриев жалеет и утешает милостью, [он подумал]: пойду поищу Будду и буду учиться истине».

(Цзи, т. II, с. 714—715)¹⁹

Видно, как иногда, при сохранении ключевых слов и общей идеи, несколько меняется исходный смысл предложения.

Ниже мы приводим несколько параллельных фрагментов из ойратского и китайского текстов, показывающих их сходство.

Молон-тойн отправляется на небо, чтобы встретиться с отцом, и говорит в ойратском тексте:

«Я был человеком из Джамбудвипы, давно расстался с родителями, которые с детства [обо мне] очень заботились. Дом, имущество, друзья — все было, [но потом] я совершенно один униженный остался. Имя моей матери Баяни бельге. Родители прежде совершали добродетельные [поступки], после того как [они] умерли, отец родился среди высокорожденных, мать родилась среди обладающих плохой судьбой».

(С 22, л. 7а—7б)

Ср. китайский текст (стихи):

«Я смиренный монах из Джамбудвипы,
Когда я был маленьким, я потерял отца и мать,
Семья была состоятельная, но в ней не было сыновей и внуков,
Я обнаружил, что остался совершенно один, и не было никого
поддержать меня.

¹⁹ Перевод китайского текста дается по А. Уэйли; места, не переведенные А. Уэйли, — в переводе С. Е. Яхонтова.

Имя матери смиренного монаха было Стебель Пороя, отца моего звали
Коробка Оси²⁰.

Вся его жизнь прошла в деяниях с целью принести ему благословение,
После смерти он должен был переродиться где-нибудь здесь на небе».

[Уэйли, с. 218]

Отец сначала не узнает сына и взволнованно говорит:

«В Джамбудвипе у меня один сын есть. Но он не был гелонгом, Дея-
тель, подумай как следует, [ты] ошибся. Поскольку в мире множество
схожих имен и [названий] родов родителей, Деятель, [ты] ошибся».

(С 22, л. 76)

В китайском тексте (стихи):

«У меня, вашего ученика, в Джамбудвипе был сын.
Но я не знаю, чтобы у меня был сын, ставший монахом.
Ваше преподобие не возражает, если я задам несколько вопросов?
В мире существует множество различных видов человеческих отношений.
Когда я вдруг услышал то, что вы мне сказали, я был очень удивлен.
Сейчас, спокойно обдумывая это, я нахожу трудным в это поверить.
Очень часто различные люди имеют одинаковые имена,
Что касается внешности, то сотни людей выглядят совершенно
одинаково.

У меня впечатление, что вы действительно напоминаете кого-то, кого
я знал.

Однако, обдумывая это снова, я не уверен».

[Уэйли, с. 219]

Молон-тойн разыскивает свою мать в аду и встречает ничем
не занятых грешников, которые объясняют ему следующее:

«[Бывает, что], перепутав схожие имена людей и [названия] родов, из
мира [сюда] забирают. Пока исправят ошибки в именах и родах, семь
дней и семь ночей проходит. После этого тело [меняется, как будто] лето
переходит в зиму, вернуться [в него] уже нельзя. В этот промежуток здесь
без дела пребываем».

(С 22, л. 146—15а)

Китайский текст (стихи):

«Все произошло потому, что у нас были одинаковые имена и фамилии
[с теми, кто должен был умереть].
Просто из-за ошибки в именах нас доставили на Суд мертвых,
Чтобы рассмотреть наши дела, должно было пройти три или пять дней.
Обвинение было снято, и нам было разрешено вернуться,

²⁰ Русский перевод имен основан на английском переводе А. Уэйли, ко-
торый он рассматривает как только предположительный [Уэйли, с. 264, сн. 154].

Но мы попали домой только для того, чтобы обнаружить, что
 похороны уже прошли,
 И мы были брошены в это место, оставленные сами по себе,
 Без родственников и друзей».

[Уэйли, с. 220]

Эти же грешники затем говорят Молон-тойну следующее:

«Деятель, прошествуй отсюда в Джамбудвипу, приди в наши юрты,
 женам и детям такой наказ дай: „Сделав из хрусталя или из золота и се-
 ребра гроб, хороня кости, родственники и жена рыдают и плачут, и [их]
 крики и различные возгласы слышны нам. Если, думая о нас, [они] хотят
 избавить [нас] от различных адских страданий, то [они пусть знают, что]
 избавить от страданий могут только благие милосердные дела, все осталь-
 ное бесполезно“. Это скажи родственникам и детям».

(С 22, л. 166—17а)

В китайском тексте (стихи):

«Если вы когда-нибудь покинете ад,
 Передайте нашим детям и внукам,
 Скажите им, что нет нужды украшать наши гробы белой яшмой,
 Золото, закопанное в наших могилах, потрачено попусту,
 Их долгие причитания и скорбные вздохи не делают нам добра,
 Погребальные песни, музыка скрипок и барабанов не достигает наших
 ушей,
 Существует единственный способ прекратить муки проклятых —
 Совершать благочестивые поступки, чтобы помочь душе, находящейся
 в аду».

[Уэйли, с. 225]

Из разговора с Эрлик-ханом (Ямараджей):

«Деятель, здесь очень грязное место, зачем [ты] сюда пожаловал? Те-
 бя послал Татхагата ради наставления живых существ или [ты], Деятель,
 пожаловал по своему делу? Грешников внутри ада — полно. Деятель, [ты]
 сюда пожаловал, чтобы кого освободить? Этот ад грязен от гноя и крови,
 днем и ночью очень плохой запах [отсюда] разносится, поскольку [все]
 гниет, к чистой монашеской [дели] Деятеля грязь разве не пристает? Не
 лучше ли [будет], если [ты], Деятель, отсюда уйдешь?»

(С 22, л. 20а—20б)

В китайском тексте (стихи):

«Ваше преподобие, какая причина привела вас сюда?

Вы пришли как посланник Будды

Или, может быть, по собственному делу?

Здесь в течение бесконечной ночи зловонные потоки крови
И густого жира запачкают чистые одежды Вашего преподобия.
Вам нельзя долго находиться в аду,
Я смиренно советую вам отправиться домой».

[Уэйли, с. 222]

Владыка пяти путей сообщает Молон-тойну, что

«с тех пор как Меугал прошла, три года минуло. Сейчас наверняка в темном аду находится». Молон-тойн эти слова выслушал, опечалился так, что душа разрывалась, заплакал, рыдая и сострадая. Тогда [Владыка] с мощной каменной головой вместе с друзьями сказал: «Успокойся». Когда Молон-тойн отправился дальше, [он дошел до такого места, где] с устрашающим видом сидел один великий Хан мангусов, окруженный приближенными пятьюстами людьми. Когда они Молон-тойну не ответили, Молон-тойн мангусам так сказал: «За время пути [мне] повстречалось и со мной разговаривало много народа. На дороге мечей и сабель было много, как травы. Издалека был слышен распространяющийся в аду шум огненного ветра. Я решил, [что это] в душе огонь распространяется. Хан мангусов, хотя ты в руках саблю держишь, на змею сидишь, ты дорогу преграждаешь, я — ученик Татхагаты, три [области] знания постиг, освободился от [цепи] рождений и смертей. О том, что моя мать находится в этом Аюус-аду, мне сказал Владыка пяти основ пути. Еще те огромные стражники сказали: „Если бы мы знали, [как это сделать, мы] бы послали [тебя к ней]“. Вы меня защитите, что [мне] делать? Так как то, что [я] в мире сосал грудь [матери], действительно является очень [значимым], как только [я] услышал слова о том, что моя мать здесь страдает, во мне родилось ощущение страдания, [я] мучаюсь и скорблю». Когда [он] сказал, Мангус выслушал сказанные так слова и так сказал: «Деятель, подобное почитание [родителей] в мире встречается очень редко».

(С 22, л. 25а—26б)

В китайском тексте (стихи и проза):

«Хозяин тюрьмы [=ада] доложил монаху: „Три года назад некая госпожа Цин-ти тоже была в этой тюрьме. Она была затребована повесткой, [пришедшей из] ада Аби, и сейчас находится в аду Аби“. Мулянь в крайнем горе упал, через довольно долгое время дыхание вернулось к нему, постепенно он пошел вперед и тут встретил ракшу, охранявшего дорогу, и спросил его, и это было так:

Мулянь шел шаг за шагом в великой печали,
Ножи и мечи у дороги были, как дикая трава,
Наклонившись, он слышал вдали, как из ада
Время от времени, когда был сильный ветер, [доносились] стоны.
Из-за того, что он вспоминал о любящей родительнице, у него
разрывались внутренности.
Дорога впереди была недолгой, он скоро дошел [до места].
Вдруг он встретил царя-якшу.

Опершись на меч, тот сидел на змее²¹, преградив большую дорогу.

„[Позвольте] объяснить: бедный монах [=я] — ученик Будды

Шакьямуни Татхагаты,

Я своими глазами видел три аксиомы, вышел за пределы жизни и смерти.

Горе мне! Моя любящая мать, которую зовут Цин-ти,

Когда умерла, душа ее спустилась сюда.

Я только что посетил одну за другой все другие тюрьмы [=ады],

И когда я спрашивал, везде говорили: „Не здесь“.

Только что мне сказали, что мою мать отправили в ад Аби,

Великий генерал [=вы] должен знать об этом деле.

Так или нет, скажите по правде, не надо колебаться,

В мире людей вскармливание грудью — самая глубокая милость.

Когда я слышу о любящей родительнице, у меня болит мозг в костях.

Я пришел сюда, кто может понять чувства бедного монаха?“

Когда якша услышал это, его сердце дрогнуло:

„[Вот] прямые слова, [сказанные] без всяких церемоний.

[Такую] сыновнюю почтительность, [как ваша], монах, редко можно было встретить с древнейших времен и по сей день“.

[Цзи, с. 728—729]

Молон-тойн встречает свою мать в аду и не понимает, почему она так истощена.

«Я дома каждый день еду и питье предназначал для тебя, единственная мать, [ты] разве ее не находила? Как это могло быть?» Когда [он] сказал, [мать] выслушала слова, сказанные сыном, и сказала, неся [на себе] тысячу железных гвоздей: «Сын, когда смерть свершится, кто кому [что] даст? Не приходилось мне слышать в адской стране о водке и хлебе. Сын, то, что ты постоянно в доме подносишь еду и питье, это только [создает тебе] имя [совершающего] деяния [ради] помощи [родителям]. Хотя [ты] и подносил [мне] водку и хлеб без числа, пользы [мне] никакой не было. Если сможешь обратиться к корню благих дел, записанному в собрании высших сутр, только от этого будет большая польза».

(С 22, л. 346—35а)

В китайском тексте (стихи):

«Каждый день на могиле [я] делал постоянно жертвоприношения.

Мать, могла ли [ты] есть их?» —

.....

«Ты, в доме старательно делая жертвоприношения,

Только получил среди соседей славу сыновней почтительности.

Даже если бы ты на могиле кропил вином,

Лучше бы ты переписал одну строчку сутры».

[Цзи, с. 734—735]

²¹ Составители «Сборника дунхуанских бьянвэней» считают иероглиф «змея» употребленным ошибочно вместо графически похожего на него иероглифа «земля». Такая описка могла появиться только в китайском тексте. Эту ошибку добросовестно воспроизвели переводчики, поэтому в ойратском тексте Хан мангусов оказался сидящим на змее.

Молон-тойн приходит к Будде, и они разговаривают. Молон-тойн говорит Будде:

«Победоносный, поскольку в мире добрые дела родителей очень трудные, день и ночь мучаясь, [я] теряю надежду. Поскольку Победоносный — действительно отец и мать всем живым существам, живые существа подобно червям, изрыгающим хлопчатую бумагу, входят в круговорот сансары. Победоносный, милостивый, моя мать по причине непреодолимых препятствий охвачена страданиями в Аюус-аду, пока одна калпа не минует, [она] не выйдет, никто, кроме Победоносного, помочь не может».

(С 22, л. 366—37а)

В китайском тексте (стихи), Мулянь обращается к Будде:

«В мире что самое важное?

Чувства и благодеяния отца и матери — это самое глубокое.

Татхагата — любящий отец и мать всех живых существ.

Я хотел бы, чтобы он осветил мое глупое сердце размером
в квадратный дюйм».

Татхагата по своей природе обладает большой любовью
и способностью печалиться,

Услышав эти слова, он горестно нахмурил брови [и сказал]:

«Все живые существа возникают и исчезают в ободу колеса,
Подобно тому как шелковичные черви линяют и выпускают
шелковую нить».

Твоя мать в свое время делала много преступлений,

Ее душа, как только отлетела, опустилась в ад.

Эта вина, даже если пройдут калпы, все еще не будет искуплена.

Если бы не Будда, простой человек не мог бы это знать».

Будда позвал Ананду и других учеников:

«Я пойду по адской дороге и спасу ее».

[Цзи, с. 737—738]

В приведенных выше отрывках сохранены такие китайские реалии, как трехлетний траур Молон-тойна после смерти матери. (Китайская традиция запрещала предпринимать что-либо в течение трех лет после смерти родителей.) В нескольких местах упоминаются похороны в гробу, что не делалось в Монголии. На могилу матери Молон-тойн приносил водку и хлеб, что является традиционным китайским жертвоприношением на могилы в День поминовения. В ойратском тексте живые существа, вращающиеся в круговороте сансары, сравниваются с «червями, изрыгающими хлопчатую бумагу», что является искажением «шелковичных червей, которые линяют и выпускают шелковую нить» китайского оригинала.

Большая часть ойратского текста не имеет явных текстовых параллелей в китайском. И все же, кроме параллельных отрывков,

в этих двух редакциях имеются и общие эпизоды сюжета, отсутствующие в монгольской.

В них обоих Молон-тойн (Мулянь), попав к Эрлик-хану (Ямарадже), спрашивает о судьбе матери. Тогда последний приказывает поискать ее имя по спискам (в китайском — по документам).

Когда выясняется, что имени матери нет, Эрлик-хан (в китайском — Владыка пяти путей) объясняет, что существует два типа людей, которые не проходят перед ним: праведники и самые ужасные грешники.

Для того, чтобы открыть двери ада, Молон-тойн в обеих редакциях пользуется посохом Будды.

Когда мать Молон-тойна перерождается в собаку, для ее освобождения Будда советует Молон-тойну читать сутры (в ойратском тексте — 49 суток, в китайском — 7 дней и 7 ночей).

Ойратская редакция более лаконична, чем китайская, в ней меньше подробных описаний. Некоторые китайские реалии опущены или заменены. Например, в ойратской редакции нет упоминания о священной горе Тайшань, которая была предметом поклонения за много веков до знакомства китайцев с буддизмом.

Однако наиболее существенным отличием ойратской редакции от китайской является то, что в нее включены в сокращенном виде два эпизода из монгольской редакции.

Во-первых, это эпизод с грешным брахманом. В монгольском тексте 8-я глава рассказывает следующее:

«Затем, когда достопочтенный Молон-тойн отправился по приказу Победоносного, на дороге он встретил войско чертей, которые стали чертями силой судьбы и которые вели Усун оглигету брахмана. Ведя [его] за черную веревку, привязанную к шее брахмана, [они] следовали с востока на запад. С четырех сторон шли пятьсот жизнь забирающих чертей, которые держали в руках молотки или железные жезлы. Позади отплясывала тысяча чертей-послов Эрлика, впереди бежали и орали дурными голосами сто чертей, имевших облик лис. Из волосяных дырочек Усун оглигету брахмана сочилась кровь, изо рта и глаз клубился дым, из носа, подобно пущенным стрелам, струилась кровь. Сзади черти-проводящие так переговаривались: „Его быстро пригоним и будем бить. Всегда те, кто стремится к греху, не имеют добродетели. Думающих о том, как навредить живым существам, силой судьбы гоним. Тебя теперь не оставим, как следует побьем, изрешетим и убьем, изрубим и изничтожим, давайте поспешать и начнем по-разному мучить“, — так дурными голосами кричали войска эрликов. Усун оглигету брахман так печально рыдал: „О, о, увы, увы, раньше бывшее [у меня] имущество и родственники — бесполезны, с землей и людьми разлучен я. Сейчас, вероятно, подобным сетке стану“, — когда он так сказал, Молон-тойн войску чертей так сказал: „Мои слова как следует выслушайте. Не надо совершать злые поступки по отношению к этому живому существу. Какое зло он совершил, что вы ему так вредите? Постарайтесь отринуть злые мысли“. Когда он так сказал, черти ответили: „Тойн, очень хорошо послушай. Этого человека в Джамбудвипе звали Усун оглигету брахманом. Он,

как только родился, начал совершать греховные дела. Кормил соколов и ловил птиц, кормил собак и без счета убивал антилоп. Если видел хуvaraков, к ним выходил и унижал. Если видел нищих, ругал и бил. Невозможно перечислить подобные его греховные дела. Пятнадцатого дня прошлого месяца, когда было послано двести пятьдесят чертей, [они его] схватить не смогли. После этого послали в добавку еще пятьдесят чертей, [которые его] схватили и привели. О тойн, подожди немного. Этот Усун оглигету брахман был богатым. Мы расскажем о его жизни. Жил он в самом центре Джамбудвипы. В мире редки люди, обладающие таким богатством. Когда он шел, его сопровождала музыка и пение. Когда он находился в доме, счастливо пребывал вместе со многими друзьями. Многих животных убивал, их мясом дом свой наполнял, день и ночь без перерыва вкусное вино пил и радовался. Даже маленькой добродетельной мысли у него не было. Всю жизнь совершал греховные дела, добродетели не следовал. Если выходил из дому, скакал на коне, соколов и собак спускал, несметное число живых существ убивал. Вот такие грехи совершал этот человек. Тойн, живые существа невечны. Например, трава, деревья, лес, горы, море разве не разрушаются, когда приходит время? Почему тогда оспаривается невечность человека? Хотя в Джамбудвипе у этого человека жена, дети, родственники — все есть, но когда приходит время смерти, без друзей один страдает. Теперь ему никто и ничто не может помочь, кроме добродетели“ — так [они] сказали. Затем Усун оглигету брахман Молон-тойну так сказал: „О святой, ты передай жене, детям, родственникам, находящимся в Джамбудвипе: „Нет пользы обо мне очень печалиться“, и еще сказал: „О тойн, соизволь проявить ко мне сострадание. Из-за совершенных грехов я должен переродиться среди обладающих плохой судьбой. Никто из родственников спасти (меня) не может. Так накажи моей жене, детям и родственникам: пусть перестанут оплакивать меня. Пусть усердствуют в добрых делах, тогда прежде мной совершенные грехи искупятся. Если будут совершать подобные дела, мне будет помощь“. Как только это сказал, черти его уволокли».

(л. 17a—19a)

В ойратском тексте этот эпизод приведен почти полностью и так же подробно (ср. С 22, л. 96—12a).

Второй эпизод из монгольской редакции, включенный в ойратскую, — это начало 19-й главы, где рассказывается о том, как Молон-тойн видит в аду, как

«один эрлик превратился в прекрасного мужчину и сказал находящимся в аду [женщинам]: „Я в Джамбудвипе расстался с женой. Теперь я выберу из вас самую умную и возьму себе [в жены]“. Как только сказал, женщины стали врать, споря друг с другом из-за прекрасного мужчины. Каждая говорила: „Я — дочь Маш илагугсан хана, я — дочь Цогту брахмана, я — дочь отшельника, я — жена богача Маш илагугсан, я — дочь Тегус цогту брахмана... (И далее еще одиннадцать подобных высказываний, которые мы опускаем. — *Н. Я.*) Меня возьми, меня возьми“, — говорили они и дрались. В это время этот эрлик так в стихах сказал: „О девушки, идите за мной, которая окажется самой сильной, ту возьму. На девушке, которая мне понравится, я женюсь. Идите за мной“. Те женщины за ним дерясь побежали, а эрлик превратился в столб пламени, и никто его схватить не мог».

(л. 186—196)

Этот эпизод есть и в ойратском тексте, но совершенно в другом месте. Его, с небольшими сокращениями, пересказывает Молон-тойн Будде, причем две заключительные фразы оказались помещенными отдельно от других двумя листами ниже без всякой связи с окружающим текстом (ср. С 22, л. 38а—38б, 39б).

Есть и другие мелкие совпадения ойратской и монгольской редакций:

1. Перечень грехов матери, о которых в 6-й главе Молон-тойну рассказывает его отец, переродившийся на небе:

«Твоя мать всю жизнь жадные мысли имела; из-за плохого нрава не было ни одного родственника, с которым не поругалась бы; идущих по дороге грабила и ругала, родителей не почитала и очень сердилась, нищих убивала».

(л. 14б—15а; ср. С 22, л. 9а)

В китайском тексте о грехах в этом месте речи нет.

2. Когда Молон-тойн в 19-й главе, встретившись с матерью в аду Авичи, не может ее освободить, ему на помощь приходит Будда. В ойратской и монгольской редакциях Будда видит страдания Молон-тойна и посылает за ним Ананду, в китайской редакции Молон-тойн сам идет к Будде (л. 51б; ср. С 22, л. 36а—36б).

3. В конце, в 26-й главе, когда мать Молон-тойна счастливо переродилась дочерью Эрдэмийн далай (в монгольской — Далай эрдэмту) и восхвалила Будду, Будда улыбнулся.

«Будда улыбнулся. Свет его улыбки наполнил все миры, все живые существа обрадовались. Ананда встал с трона, Будде поклонился и сказал: „Победоносный, объясни причину своей улыбки. У нас сомнение, разъясни. Будда беспричинно не улыбается“. Будда ответил: „Живые существа и мать Молон-тойна освободились из ада, претов, скота, и [она] стала дочерью Далай эрдэмту. Через бесчисленное число калп она станет буддой Цэцэг эрихе“».

(л. 83а—83б; ср. С 22, л. 46а—46б)

Только в ойратской редакции есть эпизод, когда Хан мангусов объясняет Молон-тойну, что врата ада могут открыть только трое: Будда, Владыка пяти путей и Эрлик-хан. Услышав, что Будда может их открыть, Молон-тойн улыбается, а Хан мангусов интересуется причиной улыбки. Молон-тойн объясняет, что Будда — его учитель, и поэтому, услышав его имя, он улыбнулся. Этого интересного эпизода нет ни в китайской, ни в монгольской редакции.

Несомненно, что ойратская версия представляет собой самостоятельную редакцию, которая, с одной стороны, следует китайскому источнику (вероятнее всего, берет от него свое начало), но, с другой стороны, включает в себя эпизоды из монгольской редакции.

ПЕРЕВОД

Сутра о том, как Молон-тойн освободил свою мать из ада. // 1а
 На санскрите Arya Maṃyalyayana mahanahada naraka dhadu mobha 16
 sudra. На тибетском языке Phagspa Meiṃgal-gyi bu cen poi na ma
 dmya lkasns dbyeng pai mdo. На монгольском языке «Сутра о том,
 как святой великий сын Меугали вызволил свою мать из адской
 страны»¹. Первая часть. Так я слышал однажды². Жил прежде в
 Раджагрихе³ // один богатый хозяин дома. [Был он] из рода Экар, 2а
 звали его Баяни бельге⁴. [Был он] преисполнен большого богат-
 ства и счастья. Неисчерпаемая сокровищница его была неопишима.
 У этого хозяина дома был сын. Звали его Лапуг торогсон⁵. Когда
 ему исполнилось три года, сын отца лишился, стал жить вместе с
 матерью. Затем, [когда] еще подросток [и] взрослым стал, [собираясь] 26
 уехать, собрал все имущество и разделил на три части. // Одну
 часть многим бедным предназначил, одну часть предназначил
 Трем высшим драгоценностям⁶, еще одну часть оставил для пра-
 питания матери. После того как ее сын уехал, мать стала растр-
 ачивать имущество, злым духам и чертям приносила жертвы, хува-
 раков⁷ била, бедных жестоко грабила, греховные дела совершала.
 Затем, однажды заболев, слегла. Это сын видел. Затем, хотя в те-
 чение ста суток, // не снимая одежды, делал лекарство для мате- 3а
 ри, матери становилось все хуже, и [она] умерла. Затем, когда сын
 увидел, что его мать умерла, [он ощутил], как будто гора упала и
 море высохло. В течение трех лет усердно совершая деяния [ради]
 помощи [родителям], в душе думал так: «Думая о заботливых моих
 родителях, я родителям помогу. Прежде, когда я был маленьким,
 мои родители умерли. Теперь я, // чтобы получить духовное зва- 36
 ние, пойду-ка к мудрому Татхагате⁸ и спрошу-ка, куда отошли
 мои родители». Так [он] подумал. Лапуг торогсон, после того как
 умерли родители, в течение трех лет ежедневные обряды совер-
 шал, если слышал [звуки] веселья, [ему] не нравилось. Вид и дух
 [его] очень ослабли, еду не ел, дошло до [того, что его] кости и су-
 хожилия соединились. [Он] думал: «Пойду туда, [где] на горе Шаб-
 кара⁹ находится Татхагата [и куда] идут все тенгрии¹⁰ и люди, // и 4а

- обращусь к Татхагате. Я хочу воздать за благодеяние родителям. Пред глаза Татхагаты пойду и Татхагату увижу-ка». [Он] заторопился и пришел к мудрому Татхагате, дымящимися курительными палочками обкурил и преклонил голову к [его] ногам. На юге и на севере Победоносного¹¹ окружали Брахма¹², Хормуста¹³ с шимнусами¹⁴. На востоке и западе великие владетели княжеств разбрасывали цветы. На львином троне, [находящемся] посередине дворца и украшенном драгоценными знаками, испуская из середины лба свет, подобный драгоценности на лотосе с тысячью лепестков, на облаке, украшенном пятью годами¹⁵, // сидел хубилган¹⁶, достигающий края неба. [Это все Лапуг торогсон] увидел. Затем Лапуг торогсон Победоносному так сказал: «Я был остановлен пятью человеческими пристрастиями¹⁷. Я не воздерживался от страсти, гнева и глупости. Раскаиваюсь в том, что имею тело, рождающееся и умирающее в океанах страданий. Почитая греховные дела, я мать и отца в землю похоронил. Хочу, чтобы Победоносный, проявив милость, [меня] вел. Я хочу следовать по пути воздаяния Татхагате». // Когда [он] так сказал, Победоносный Лапуг торогсону так промолвил: «Если ты хочешь увидеть отца и мать, стань тойном¹⁸, тогда увидишь». Когда [он] так сказал, Лапуг торогсон Победоносному рассказал, что [хочет] получить духовное звание. И как только [тот] повелел: «Гелонг¹⁹, подойди сюда, твори добродетель, подобную чистоте!» — [так Лапуг торогсон] стал гелонгом, лишенным бороды и волос, одевающим три монашеских дела²⁰ и держащим патру²¹ и посох. После того как Победоносный разъяснил, какие есть четыре истины²², // [Лапуг торогсон] обрел достоинство Архата²³. Затем Победоносный дал [ему] имя «Великий сын Меугали²⁴ — высший среди обладающих волшебством». Затем Молон-тойн обратился к Победоносному с такой просьбой: «Мои родители умерли, [я] не знаю, куда они отошли²⁵. Победоносный, прояви ко мне милость, я хотел бы услышать, куда отправились мои родители». Когда [он] так сказал, Победоносный обратился к Молон-тойну: «Ты отправляйся [и], предаваясь созерцанию на горе „Ноги птиц“²⁶, достигни [его] вершины. Ты поймешь, [находятся] ли твои родители // среди высокорожденных²⁷ или в адской стране, если [оттуда] посмотришь на то, что происходит в мире». После того, как он так сказал, Молон-тойн, следуя повелению Будды, отправился на гору «Ноги птиц» и сел, поджав ноги, в одном пустынном месте. Мысли смирил, ничего не говорил, язык намертво упер в небо, сидел вплоть до того, что его кости побелели, [и] постиг [учение] о пустоте²⁸. Затем овладел волшебством, стал владыкой в небесной сфере. Приобрел власть над мыслью, которая существует самостоятельно, подобно ястребу вылетает из гнезда. // Вникнув, увидел, что его отец стал Эсруа-

ханом²⁹ и преисполнился счастья, а мать попала в страну обладающих плохой судьбой³⁰. [Молон-тойн] подумал: «Воздам-ка за благодеяния матери», и [еще] подумал: «Встречусь-ка я сначала с отцом, и поговорят отец с сыном». Когда я³¹ пришел в страну высокорожденных, то увидел, что [там] играют музыку. Это был многоярусный город пещер, двери которых [сделаны] из золота, а весь он построен из хрусталя. Я посохом, который держал, ударил в дверь и позвал Эсруа-хана, // но он не услышал, тогда я заплакал, [и слезы] по груди полились. Затем Эсруа-хан в ворота вышел, подошел [ко мне] и так сказал: «Святой, зачем ты сюда пожаловал?» Когда [он] спросил, я ему так ответил: «Я был человеком из Джамбудвипы³², давно расстался с родителями, которые с детства [обо мне] очень заботились. Дом, друзья, имущество — все было, [но потом] я совершенно один униженный остался. Имя моей матери — Баяни бельге³³. Родители прежде совершали добродетельные [поступки], // после того как [они] умерли, отец родился среди высокорожденных, мать родилась среди обладающих плохой судьбой. „Воздам-ка матери за благодеяние кормления грудью“ — так думая, пришел, чтобы найти родителей». Когда [он] сказал, Эсруа-хан, эти слова выслушав, очень заволновался и так сказал: «В Джамбудвипе у меня один сын есть. Но он не был гелонгом, Деятель³⁴, подумай как следует, [ты] ошибся. Поскольку в мире множество схожих имен и [названий] родов родителей, Деятель, [ты] ошибся». // Говоря [это], [он] сына не узнавал. Когда Молон-тойн услышал, что отец его не узнает, то [он] заплакал, рыдая так громко, как будто пять гор упали. Тут же высокорожденные тенгрии слезы пролили. Затем Молон-тойн своему отцу так сказал: «В том, что я сначала сказал, есть [одна] ошибка. Мое имя, данное мне прежде родителями, — Лапуг торогсон. Позже, когда я вырос, Будда, сделав [меня] тойном, дал [мне] имя Сын Меугали». Когда [он] сказал, [отец] мгновение подумал // и понял, что это, действительно, [его] сын. Сын с отцом друг друга обняли и заплакали. Отец с сыном обрадовались подобно тому, как солнце и луна, пропав, снова всходят. Затем сын своему отцу так сказал: «Отец, [ты] сейчас, переродившись среди высокорожденных, в спокойствии очень счастлив. Мать моя куда ушла?» Когда [он] спросил, отец сыну так сказал: «Твоя мать, когда жила в мире, не поступала так, как я. Я в человеческой жизни не выпускал из рук белый лотос собрания сутр, постоянно // совершал чистые [дела]. Оказывал почтение и приносил жертвы Трем высшим драгоценностям и хувааракам, давал подавание бедным. Благодаря этому собранию добродетелей [я] родился среди высокорожденных. Твоя мать во время пребывания в мире в своей жизни жадничала, из-за плохого нрава с соседями и родственниками ру-

7a

76

8a

86

9a

- гальсась. Не было такого, чтобы не грабила идущих по дороге. Если видела хувараков, осмеивала [их] и оскорбляла, отцу перечила, мать била, // бедных грабила. Из-за [этих] греховных дел сейчас страдает среди обладающих плохой судьбой». Когда [он] сказал, сын, услышав слова, сказанные отцом, из глаз пролил слезы, подобные дождю. Затем Молон-тойн, после того как рассвело, быстро спустился [вниз] и на дороге, ведущей в страну матери, повстречался с войском чертей³⁵, которые шли, ведя [человека] по имени Заншин джала³⁶. Привязав длинную веревку за шею Заншин джала, [его] вели с востока на запад. По обе стороны примерно пятьсот // чертей, жизнь забирающих, шли, держа железные жезлы³⁷ с острыми концами. Сзади — около тысячи чертей танец танцевали, спереди — около пятисот чертей, дико крича, бежали. Из каждой волосяной дырочки [на теле этого человека] капали капли крови, изо рта шел дым, из обеих ноздрей текла кровь, подобно стрелам. Множество чертей, [идуших] сзади, кричали: «Быстрее хватай!» Звук плача наполнил небо и землю. [Это] я³⁸ услышал, мои волосы [на теле] зашевелились, и [я] в страхе остановился. // Чертям так сказал: «Это кто? Какие греховные дела [он] сделал, чтобы испытывать подобные этому страдания?» Когда спросил, черти в ответ так сказали: «Этот человек в Джамбудвипе назывался Заншин джала. Он с рождения не делал ничего, кроме тяжких греховных дел. Спустив сокола, ловил зайца и ломал [ему] хребет. Ведя собак, диким свиньям вредил. Если видел хувараков, ругал и позорил, если видел бедных, чувствовал ненависть. Вот такие совершал различные греховные дела. // Пятнадцатого дня прошлого месяца посланное войско из пятисот чертей схватить [его] не смогло. Потом послали еще войско из пятисот чертей [и] схватили. Деятель, [ты] подожди, я объясню, каково было богатство и счастье Заншин джала. Его в Джамбудвипе звали Заншин джала. Обладающие таким богатством и счастьем в мире [встречаются] очень редко. Во время жизни жил, испытывая различные радости. Находясь в доме, был окружен множеством друзей и рабов. Жирных овец убивал и свой дом // [мясом] наполнял. День и ночь пил вкусную водку и радовался. [Никакие], даже маленькие, знания не продвинули его в сторону добродетели. Постоянно совершал греховные дела, добрые дела не делал. Выйдя из дома, сотнями спускал ястребов, тысячами седлал хороших коней, как будто летящих поверх травы, скакал во весь опор по грешной земле, не падая, во весь голос кричал. Это был человек, который постоянно и непрерывно совершал подобные этому греховные дела. Деятель, вот пример невечности существования в мире. // Когда приходит время, сохнут и гибнут леса, травы, деревья, горы и моря. Что такое невечность живых существ? В Джамбудвипе у этого человека же-

на, дети, друзья, родственники — все были, но никто [его] не разыскивает. Что бы ни было в мире — [здесь ничто] не поможет. Когда рассматриваются твои собственные совершенные добродетельные и греховные дела, каждое в отдельности, добродетель всегда имеет иной результат, [и] больше ничто другое не поможет». Сказали и, забрав Заншин джала, ушли. Затем Молон-тойн, расставшись с чертями, // отправился дальше. [Там] бесчисленное множество мужчин и женщин переправлялись через реку Вайтарани³⁹, сняв свою одежду, они [ее] на дерево вешали. Молон-тойн увидел этих людей, которые переправлялись через реку Вайтарани, и так спросил: «Есть ли среди вас женщина по имени Меугал?» Когда [он] спросил, грешники, не отвечая ему, каждый, свою одежду сняв, на ветви дерева вешал и без промедления переправлялся через реку Вайтарани. На берегу на другой стороне реки писарь-не-человек записывал имя каждого. Грешники, // видя это, раскаивались, из глаз слезы проливали. Глядя друг на друга, говорили друг другу: «Возможно, мы сегодня здесь умрем». Друг на друга глядя, громко рыдая и плача, так говорили: «Во время жизни мы владели накопленным имуществом, женами и детьми, родственниками, домами, колесницами, а теперь здесь можем превратиться в тонкую пыль». [Они] переговаривались: «Невозможно испытывать подобные этому тяжкие страдания». [Они], громко стеля и плача, так раскаивались: «Греховные [дела] совершавшие в ад попадают, благие [дела] // совершавшие роятся среди высокороденных. [Это] нам ясно». Переговариваясь, [они] друг друга били и ругались. На правом берегу реки [находился] один мангус⁴⁰ с головой быка, держащий в руках саблю и меч. [Он] сказал: «Если вас отпустить...»⁴¹ Когда [он] сказал: «Быстро хватайте», находящиеся в верховье реки люди испугались, заморгали, начали озираться. [Находящиеся] в воде люди из глаз слезы проливали и говорили: «Ай-ай-ай, как это так? Хотя [мы] знали о подобных страданиях, почему же не делали добрые [дела]?!» // — каялись и, глядя на небо, плакали. Затем Молон-тойн переправился через реку Вайтарани, отправился на север и увидел большой мост длиной пятьдесят сажений. На другой стороне этого большого моста росло дерево ива, под ним сидели около пятидесяти мужчин и женщин. [Это] Молон-тойн увидел и так подумал: «Если это действительно черти, то без дела» — [он] подумал. Затем черти к мудрому Молон-тойну подошли и поклонились, а Молон-тойн произнес такое пожелание: // «Пусть ваши грехи прекратятся, пусть [вы] преисполнитесь собрания добродетелей». Когда [он] пожелал, черти Молон-тойну так сказали: «Мы были людьми из Джамбудвипы, безвременно умерли и сюда попали». Когда [они] сказали, Молон-тойн так сказал: «Разве в мире без-

126

13a

136

14a

146

- временно умирают?» Когда [он] сказал, черти Молон-тойну так разьяснили: «[Бывает, что], перепутав схожие имена людей и [названия] родов, из мира [сюда] забирают⁴². Пока исправят ошибки в именах и родах, семь дней и семь ночей проходит. //
- 15a После этого тело [меняется, как будто] лето переходит в зиму, вернуться [в него] уже нельзя. В этот промежуток здесь без дела пребываем». Разьяснив, черти, глядя на Молон-тойна и плача, еще так сказали: «Деятель, люди, которые в мире собирали имущество и еду, добродетельные [дела] не делали, — они, действительно, глупые. После [их] смерти имуществом другие воспользуются. Хотя золото и серебро, прекрасные ленты и шелк без числа в землю закапывают, нам ни пользы, ни вреда не приносят. То,
- 15b что позже жена и дети // постигнут учение добродетели, нам едой станет, полезным будет. Еда и питье — подобным же образом. Добродетельные и греховные дела сейчас еще не понимаем. Нам сейчас еще не понятно, каков будет в будущем [результат] хорошего и плохого». Когда [они] сказали, Молон-тойн, слова выслушав, испугался, побледнел, немного подумал и такие слова сказал: «В Раджагрихе имя жены [человека] по имени Баяни бельге было Меугал. Вы [ее] видели?» Когда он спросил, те черти немного подумали [и сказали:] «Мы не знаем». Когда [они] сказали, //
- 16a Молон-тойн быстро, спеша отправился [дальше] и опять повстречался с бесчисленным [количеством] грешников. Молон-тойн [их] так спросил: «Не слышали ли вы о [женщине] по имени Меугал?» Когда [он] спросил, [они ответили:] «Мы не слышали». И дальше, кого бы Молон-тойн ни встречал, у всех спрашивал, но все постоянно отвечали: «Не видели». Тогда он очень опечалился и, видя грешников, заплакал в голос. Черти Молон-тойну так сказали: «Деятель, перестань плакать. За один день здесь проходит [столько]
- 16b [живых существ, сколько песчинок в реке Ганг. // Поскольку не было надобности каждого по одному расспрашивать, женщина по имени Меугал не запомнилась». Когда [черти] сказали, те грешники также Молон-тойну так сказали: «Деятель, прошествуй отсюда в Джамбудвипу, приди в наши юрты, женам и детям такой наказ дай: „Сделав из хрусталя или из золота и серебра гроб, хороня кости, родственники и жена рыдают и плачут, и [их] крики и различные возгласы слышны нам. Если, думая о нас, [они] хотят
- 17a избавить [нас] от различных адских страданий, // то [они пусть знают, что] избавить от страданий могут только благие милосердные дела, все остальное бесполезно“. Это скажи нашим женам и детям». Когда [они] попросили, Молон-тойн у грешников спросил: «Врата Эрлик[-хана]⁴³ отсюда близко ли, далеко ли, на каком расстоянии?» Черти так ответили: «Дорога очень дальняя, [они находятся] отсюда на юг в десять тысяч раз дальше, чем достигает

человеческий голос, на левом берегу реки Вайтарани. Деятель, если посмотреть на врата Эрлик[-хана], то [они] очень страшные. Врата охраняют примерно десять тысяч очень сильных ракшасов⁴⁴. // Также эти врата постоянно охраняет бесчисленное [количество] огромных стражников, которые не расстаются с палашами и саблями, держат луки, стрелами [колчаны] наполнен». Когда [они] сказали, Молон-тойн эти слова выслушал и, подумав: «Если отправлюсь [туда], неизвестно, встречу или не встречу [свою мать]», отправился. Около врат Эрлик[-хана] был каменный ров. К нему [Молон-тойн] подошел. Когда через врата проходило бесчисленное [количество] грешников, Молон-тойн выяснял, есть или нет его мать среди грешников, но ни самого человека, ни даже тени не было видно, и // Молон-тойн сидел, проливая слезы. Оставив грешных людей с их болезнями во дворце Эрлик[-хана], [он] издалека услышал голос, вопрошающий: «Говорите, что вами сделано греховного». Тогда Молон-тойн опечалился так, что душа разрывалась, пот по [его] телу, как вода, струился, одежда промокла. Затем, когда Молон-тойн оттуда дальше пошел, [он увидел], как по дороге вели бесчисленное [количество] людей, которые были закованы в железные кандалы по двое и по трое. Поднявшаяся сильная пыль небо и землю затмила. Небо и земля, затменные быстро гонимой пылью, // наполнились [раздающимся] среди пыли звуком пемакари⁴⁵, криками и скрипом. Грешники испугались и побежали, спотыкаясь в железных кандалах. За ними следом [бежало] около десяти тысяч чертей с головами быков, каждый держа в руках по молотку. [Молон-тойн] услышал ушами, не видя глазами, голос, кричащий: «Каждый несомненно грешил. Гони, бей, колоти, быстро хватай». Тогда у Молон-тойна [на теле] волосы зашевелились, [ему это зрелище] не понравилось, [он] заплакал, сострадав: «Не знаю, что за причина [происходящего]». Затем, когда [Молон-тойн] // достиг врат Эрлик[-хана], там стоял, охраняя дверь и держа в руках палаш, один эрлик с телом в семь локтей. Затем Молон-тойн у этого эрлика спросил следующее: «Великий страж, сколько времени прошло, как ты охраняешь дверь Эрлик[-хана]?» Когда [он] спросил, охраняющий дверь сказал: «[С тех пор как] я эту дверь охраняю, сорок калп⁴⁶ прошло». Затем Молон-тойн так сказал: «Что называется „калпой“?» Когда [он] сказал, привратник еще так сказал: «Если говорить о том, что такое калпа, [то я так скажу]. У этих дверей лежит одна большая каменная плита. Толщина [ее] — сорок бере⁴⁷. // [По ней] грешники проходят. Время, за которое эта плита сотрется, называется одной калпой». Затем привратник еще так сказал: «Деятель, ты очень святой. Являясь учеником Татхагаты, зачем сюда пожаловал? Если Хан услышит, меня обругает». Когда [он] сказал, Мо-

176

18a

186

19a

196

- лон-тойн так промолвил: «Я, исполняя долг почитания, пришел, чтобы найти свою мать. Я не уйду, не повидавшись со святым [Эрлик-ханом]. Соизволь проводить [меня] во дворец Эрлик[хана]. Привратник, объясню-ка я тебе, как стать Ханом учения⁴⁸ в будущем». Когда [он] сказал, привратник, хотя был действительно чертом, // услышав слова, обладающие подобной этому добродетелью, тут же отправился к святому Эрлик-хану и доложил: «Снаружи, у дверей — ученик Трех высших драгоценностей, которого зовут сын Меугали. [Он] хочет встретиться с Ханом, но встретиться не может, снаружи, за дверьми сидит». Когда [он] доложил, Хан эти слова выслушал и [Молон-тойна] внутрь пригласил. Затем Молон-тойн, поправив свою монашескую дели, внутрь вошел. Эрлик-хан Молон-тойна увидел, сложив ладони, с трона спустился и застыл в поклоне. Затем Эрлик-хан так сказал: «Деятель, здесь очень грязное место, // зачем [ты] сюда пожаловал? Тебя послал Татхагата ради наставления живых существ или [ты], Деятель, пожаловал по своему делу? Грешников внутри ада — полно. Деятель, [ты] сюда пожаловал, чтобы кого освободить? Этот ад грязен от гноя и крови, днем и ночью очень плохой запах [отсюда] разносится, поскольку [все] гниет, к чистой монашеской [дели] Деятеля грязь разве не пристаёт? Не лучше ли [будет], если [ты], Деятель, отсюда уйдешь?» Когда [он] сказал, Молон-тойн так // рассказал: «Родивший меня отец, когда был жив, день и ночь боролся с пятью видами желаний⁴⁹, постоянно почитал учение и религиозные обеты, совершал бесчисленные добродетели. Родители умерли. Когда [я] подумал, не родились ли [они] среди высокорожденных, [то я] понял, что отец наверняка среди высокорожденных, а мать не среди высокорожденных. Затем я [еще] поразмышлял и понял, что [мать] наверняка попала к тем, у кого плохая судьба. [Я] обошел всю адскую страну; спрашивая, искал [мать], но никто [ее] не видел, [все] говорили „нет“. Грешники сказали [мне]: „Не уходи, не встретившись со святым великим Ханом“. // Великий Хан, не запомнилась ли [тебе], святому, моя мать?» Когда [он] сказал, великий Хан эти слова выслушал, позвал писцов, которые [записывают] имена праведников и грешников, и так повелел: «Имя матери этого тойна — Меугал, посмотрите, есть ли в списке женщина по имени Меугал». Когда [он] приказал, писари по ханскому приказу поспешно побежали, посмотрели список праведников и грешников, имя Меугал не нашли. Тогда писари вернулись к святому Хану и доложили: «Имени Меугал нет». Тогда Молон- // тойн Хану так сказал: «Грешники всех видов по этой дороге проходят, почему же только моя мать по этой дороге не прошла?» Когда [он] спросил, Эрлик-хан так ответил: «Деятель, два вида людей [из существующих] в мире ко мне не приходят. Их судом я не ведаю.

Из этих двух видов людей первые — [это те, кто], появившись из чрева матери, постоянно стремился к добродетели и пребывал в чистоте, приносил жертвы Трем высшим драгоценностям, читая и переписывая собрание сутр, [их] из рук не выпускал, спасал подавленных бедностью и страданиями. // Они, как только умирают, рождаются среди высокорожденных. Еще один вид — [это те, кто] не почитает Будду и Учение, хувакаров бьет, бедных и страдающих грабит. Люди, [все это] делающие непрерывно, как только умирают, в одно мгновение, не медля, гонимые ветром судьбы, попадают в Аюус-ад⁵⁰. Я не ведаю судом этих людей». Когда [он] сказал, Молон-тойн выслушал слова, сказанные ханом, и очень заплакал, проливая из глаз слезы подобно дождю. Затем Молон-тойн так сказал: «Вероятно, не суждено мне узнать о месте, где находится моя очень заботливая единственная мать». // Сказав, [он] заплакал, жалуясь Эрлик[-хану] и обратившись к небу. Затем Владыка смерти⁵¹ эту жалобу услышал, Владыка смерти из глаз слезы пролил, снова приказал позвать писцов, [которые записывают] имена праведников и грешников. Писцы быстро прибежали, отправились в канцелярию, посмотрели все прежние и будущие списки и доложили Хану, что имя Меугал проходило три года тому назад. [Как только] Молон-тойн услышал о матери, [он] заплакал, обратясь к небу: // «О, как мне встретиться с моей единственной матерью?» Когда [он] говорил [это], глаза его были наполнены слезами. Владыка смерти так сказал: «Деятель, не рыдай. Отправляйся отсюда далеко в ту сторону и встретиться с Владыкой пяти основ пути⁵² с мощной каменной головой. У него узнаешь, где находится твоя мать». Когда [он] сказал, Молон-тойн оттуда быстро, поспешив, отправился и добрался до Владыки пяти основ пути с мощной каменной головой. Владыка пяти основ пути [имел] очень суровый вид. [Он] был одет в золотые доспехи, // в руках держал саблю, сверкающую, как огонь, его голос подобно голосу дракона сотрясал землю, блеск его глаз был подобен молнии. Если на него посмотреть, [он] отвратителен и страшен. Было видно, как справа и слева от него около пятисот [чертей] находившихся там людей очень быстро убивали. Некоторые потрошили человеческие животы и сердце вынимали, некоторые глодали кости живых людей. Грешники, нестерпимо страдая, [кричали]: «Ой-ой, ах-ах-ах, увы!» Слышно было, как вопли заполнили небо и землю. // Молон-тойн их увидел, очень испугался и опечалился. Затем Молон-тойн так сказал [находящемуся] с ними всеми Владыке пяти основ пути с мощной каменной головой: «Великий страж, ты в этой стране живешь бесчисленное количество калп, каждый из живых существ к [Владыке] пяти основ пути приходит. Мой отец стал Эсруа-ханом; страны, в которую отправилась моя

226

23а

236

24а

246

- 25a мать, [я] не нашел. Я слышал, что тебя, великий страж, называют Владеющий пятью основами пути. Я пришел издалека, соизволь сказать мне точно, куда отправилась моя мать». // Так [он] попросил. «Великий страж, пусть все твои грехи и препятствия⁵³ сразу исчезнут» — пожелал. Тогда [Владыка] с мощной каменной головой его слова выслушал, направо и налево так ответил: «Деятель, очень редко [бывает], что вот так спрашивают имя матери». Сказав это, [Владыка] с мощной каменной головой тоже позвал всех писцов и приказал: «По спискам посмотрите, есть ли там имя Меугал, и мне быстро дайте ответ» — [так он] приказал. Тут писцы внимательно посмотрели и сказали: «С тех пор как Меугал про-
- 25b шла, три года минуло. // Сейчас наверняка в темном аду⁵⁴ находится». Молон-тойн эти слова выслушал, опечалился так, что душа разрывалась, заплакал, рыдая и сострада. Тогда [Владыка] с мощной каменной головой вместе со [своими] друзьями сказал: «Успокойся!» Когда [Молон-тойн] отправился дальше, [он дошел до такого места, где] сидел с устрашающим видом один великий Хан мангусов⁵⁵, окруженный приблизительно пятьюстами людьми. Когда они Молон-тойну не ответили, Молон-тойн мангусам так сказал: «За время пути // [мне] повстречалось и со мной разговаривало много народа. На дороге мечей и сабель было много, как травы. Издалека был слышен распространяющийся в аду шум огненного ветра. Я решил, [что это] в душе огонь распространяется. Хан мангусов, хотя ты в руках саблю держишь, [ты] на змее сидишь, ты дорогу преграждаешь, я — ученик Татхагаты, три [области] знания⁵⁶ постиг, освободился от [цепи] рождений и смертей. О том, что моя мать находится в этом Аюус-аду, мне сказал Владыка пяти основ пути. Еще те великие стражи сказали: „Если бы мы знали, [как это сделать], мы бы послали [тебя к ней]“. // Вы меня защитите, что [мне] делать? Так как то, что [я] в мире сосал грудь [матери], действительно является очень [значимым], как только [я] услышал слова о том, что моя мать здесь страдает, во мне родилось ощущение страдания, [я] мучаюсь и скорблю». Когда [он] сказал, Мангус выслушал сказанные так слова и так сказал: «Деятель, подобное почитание [родителей] в мире встречается очень редко. Если имя матери действительно Меугал, то я [его] слышал, [с тех пор] три года прошло. Деятель, увидеть же [ее] очень трудно. Деятель, если посмотреть на этот Аюус-ад, то этот ад очень страшный. Вверху и внизу железные
- 26a и // медные котлы расставлены. В них ветер судьбы зажег огонь, все тела сжигаются, распадаются и варятся. Скажу Деятелю: „Не лучше ли будет отсюда дальше пойти, к святому Татхагате?“ Если себя мучить...⁵⁷» Еще Хан мангусов Молон-тойну так сказал: «Эту дверь могут открыть только три человека, больше никто открыть
- 27a

[ее] не может». Когда [он] сказал, Молон-тойн спросил: «Эти три человека — кто?» Когда спросил, Мангус ответил: «Один — Эрлик-хан, второй — Владыка пяти основ пути, // третий — могущественный Шакьямуни Будда. Когда [он] сказал, Молон-тойн, как только услышал слова, что Будда может открыть эту дверь, улыбнулся. Тогда Мангус у Молон-тойна так спросил: «Почему, когда [я] сначала сказал, что Эрлик[-хан] и Владыка пяти основ пути [могут] дверь открыть, [ты] не улыбался, а когда услышал имя Татхагаты, радостно улыбнулся?» Когда [он] сказал, Молон-тойн так ответил: «Так как я не знаю тех двух, о которых [ты] говорил сначала, [я] не улыбался. [А] Татхагата — мой учитель». Когда [он] // сказал, Мангус в ответ так сказал: «Если это так — иди быстро к святому Татхагате. Скоро встретишься с матерью». [Так он] сказал. В это время Победоносный около пары деревьев сала⁵⁸ проповедовал Учение четырем видам сподвижников⁵⁹. Тогда Молон-тойн силой волшебства явился к святому Татхагате, поклонился и так сказал: «Я очень раскаиваюсь в том, что в течение многих месяцев не оказывал почтение Победоносному. Я в поисках отца и матери достиг края неба и земли. // Отец стал Эсруаханом. Я спрашивал, может быть, известно, куда отошла мать. Как [я] сейчас услышал, [она] охвачена страданиями в Аюус-аду, сидит и лысеет. Когда я услышал эти слова, [мне] нестерпимо стало до того, что легкие и сердце разрывались, душа очень заболела. Если, Победоносный, [ты] являешься для всех живых существ отцом и матерью, как сделать, чтобы мать с сыном встретились?» Когда [он] сказал, Татхагата эти слова выслушал, поразившись, Победоносный так повелел: «Ты, взяв мой посох, быстро отправляйся. // Сосредоточься на одной мысли. Сможешь разрушить очень трудные восемь и тринадцать видов несчастий⁶⁰». Когда [он] приказал, Молон-тойн достиг дверей Аюус-ада, трижды постучал посохом, адские двери сами собой исчезли, на землю ключи упали. Из-за ограды адской страны и из ада около пятисот мангусов появилось. [Они] Молон-тойну так сказали: «Мы в течение двадцати калп здесь будем страдать. [Этот срок] еще не кончился. Деятель, [ты] сюда зачем пожаловал?» // Когда [они] сказали, Молон-тойн, сказав: «Благодетельный», сосредоточившись на одной мысли, три раза произнес имя Татхагаты. Когда один раз посохом ударил, дверь железного адского города открылась, ключ на землю упал. Когда еще раз ударил, та адская дверь рассыпалась. Молон-тойн внутрь не пошел, остался снаружи. Изнутри вышел один мангус с головой быка, держащий в руках железные щипцы, и встретил пришедшего. Молон-тойн так сказал: «Я пришел не просто так. Поскольку добрые дела матери очень трудные, // я пришел, чтобы найти свою мать». Когда [он] сказал, ман-

276

28a

286

29a

296

30a

- гус с головой быка так сказал: «Какое имя матери Деятеля?» Когда [он] сказал, Молон-тойн сказал: «Меугал». Мангус так сказал: «Если имя матери Деятеля действительно Меугал, [она] явно находится в стране Аюус-ада». Когда [он] сказал, Молон-тойн посохом ударил, тут же достиг двери ада, но около пятиста мангусов, которые охраняли дверь, Молон-тойна не пускали. Молон-тойн
- 306 на тех мангусов // посмотрел, громким голосом так сказал: «Этот ад — мое владение. Кроме [вашего мангуса] с головой быка, что есть? Что бы ни было, почему мне препятствуете, внутрь не пускаете?» Сказал и силой волшебства поднялся в небеса и посохом потряс. Мангусы волшебство увидели, испугались. В кучу сбились, подобно углю, брошенному в огонь. [Они] выронили из рук все железные остроги и шестиконечные шипцы, которые держали в руках. Тогда Молон-тойн так сказал: «[Меня] послал Татхагата,
- 31a чтобы я посмотрел, где находится [моя] мать. // Вы почему [мне] путь преграждаете, не даете пройти?» Когда [он] сказал, мангусы испугались, по [их] телам пот, подобно воде, заструился, глядя друг на друга, [они] стали переговариваться: «Неправильно, что [мы ему] путь преграждали». Тогда Молон-тойн, поговорив с мангусами, дальше отправился, достиг неподходящей адской местности⁶¹. В этом адском месте [все] было железное. Там был лес из сабель, который был очень высоким, как будто [достигал] облаков, и очень густой сандаловый лес [деревьев] из палашей и стрел. Очень много воткнутых гвоздей и иголок. Драконы и змеи
- 316 огонь // изрыгали, день и ночь, собравшись, [огонь] зажигали. Молон-тойн трижды повернулся, постучал посохом, и тут же железные шипы в небо воткнулись, сверла, которыми делали дырки в груди греховных мужчин и женщин, и молотки в небеса взлетели. [Молон-тойн] очистил адскую страну, в которой резали грешных мужчин и женщин, которые не знали воздержания в страстях. Войдя в красное пламя огня, всю страну, в которой мясо и кожа — все гниет, которая разрушает внутренности, всю сам очистил. Железные копья, и палаши, и сабли // замелькали, из горячей воды, из медных котлов птицы, крича дурным голосом, в небе кружили. Справа и слева от него находилось около десяти тысяч [чертей] с головами людей, с мордами тигра и другими. Они все, похолодев от страха, затрепетали. Затем появилось бесчисленное количество мангусов, которые сказали Молон-тойну так: «Деятель, [ты] зачем сюда пожаловал?» Когда [они] сказали, Молон-тойн
- 32a так ответил: «Я // пришел не просто так, [я] слышал, что моя мать находится в адской стране, и пришел, чтобы здесь сейчас мою мать разыскать». Когда [он] сказал, мангусы так сказали: «Имя матери Деятеля каково?» Когда [они] сказали, Молон-тойн сказал: «Имя моей матери — Меугал. Великие стражники, вы внутрь пой-
- 326

дите, позовите мою мать и [ей] со мной устройте встречу». Когда [он] сказал, мангусы его слова выслушали, внутрь ада направились. [Мать] сказала: «Здесь женщина по имени Меугал // — это я. Что случилось?» Тогда мангусы так сказали: «Снаружи пришел один гелонг. [Он] сказал: „Имя моей матери — Меугал. Она здесь. Позовите [ее]“. Когда [они] сказали, мать сказала: «Такого сына, ставшего тойном, [у меня] нет». Затем мангусы эти слова передали сыну. Молон-тойн так сказал: «Мое имя, [когда я был] маленьким, — Лапуг торогсон. Когда [я] вырос, [мне дали] имя тойна — Сын Меугал». Когда [он] сказал, мангусы назад внутрь вернулись и передали это известие [матери]. // [Мать] сказала: «Теперь, как бы [он] ни назывался, [он] мой сын». Мангусы, по одному держа иглы, извлекли из ада Меугал, в тело которой было воткнуто 360 гвоздей. Когда [ее] собирались доставить к сыну, она не могла ни одного шага шагнуть, горло Меугал вытянулось, как золотая нить, [а] когда она шла, члены ее тела издавали звук, как будто одновременно ехали 500 телег; мангусы ее тащили и принесли к сыну, [который находился] снаружи дверей. Затем Молон-тойн // мать увидел, много слез из глаз пролил и так сказал: «Если подумать, моя мать, попав в ад, искупила ли [ты] свои тысячелетние грехи, то [ясно], что еще не искупила, [у тебя] из девяти отверстий кровь льется. Также не кончились греховные дела прежних рождений, жадные и страстные мысли не исчезли, и теперь [ты] издаешь звук 500 телег. Матушка, [и ты] когда в какое-нибудь счастливое время домой пойдешь, пойдешь, украсившись разноцветными шелками под шелковым пологом. С тех пор как в ад попала, // еще трех лет не прошло, а это [твое] тело такое голодное и так хочет пить, как будто три тысячи лет прошло. Я дома каждый день еду и питье предназначал для тебя, единственная мать, [ты] разве ее не находила? Как это могло быть?» Когда [он] сказал, [мать] выслушала слова, сказанные сыном, и сказала, неся [на себе] тысячу железных гвоздей: «Сын, когда смерть свершится, кто кому [что] даст? Не приходилось мне слышать в адской стране о водке и хлебе. Сын, то, что ты постоянно в доме подносишь еду и питье, это только [создает тебе] имя [совершающего] деяния [ради] помощи [родителям]. // Хотя [ты] и подносил [мне] водку и хлеб без числа, пользы [мне] никакой не было. Если сможешь обратиться к корню благих дел⁶², записанному в собрании высших сутр, только от этого будет большая польза». После того как мать [ему это] сказала, мангусы-стражи ада сказали: «Ее схватите, в тело тысячу гвоздей воткните». Когда [они] сказали, Молон-тойн эти слова услышал, в грудь себя ударил и так сказал: «Стражи ада, вам я [хочу] сказать. Есть одна идея. Я три монашеские одежды оставляю, отправлюсь вслед за матерью, испытаю стра-

- 356 дания матери». // Когда [он] сказал, мангусы так сказали: «Дея-
тель, подобное твоему почтение и помощь очень редко в мире
встречается. То, что [ты хочешь], последовав за матерью, искупить
[ее грехи], это не то. Хотя у Деятеля есть [желание] почтительно
помочь, она [должна] раскаяться [сама] без того, чтобы [ты], Дея-
тель, побуждал ее к раскаянию. Зачем [тебе] нести страдания ма-
тери? Если бы в мире был один, который мог бы переменить гре-
ховные дела, все законы сансары⁶³ переменялись бы. Чтобы не
переменялись, дела матери и сына — [у каждого] свои». Сказав,
36a [они ее] уволокли. // Когда Молон-тойн увидел, что [мать] назад
увели, [он начал] себя бить, [у него] изо рта и из глаз кровь поли-
лась. В то время Победоносный находился в стране Магад⁶⁴; [он]
увидел, что Молон-тойн [хочет] почтительно помочь [матери].
Всесовершенный позвал Ананду⁶⁵ и послал [его] сказать Молон-
тойну, чтобы тот приходил. Тогда Ананда быстро достиг страны
Аюус-ада, Молон-тойна позвал и так сказал [ему]: «Молон-тойн,
не печалься, поднимайся вверх. Татхагата, помогая живым суще-
ствам, в мире находится. Ты не сможешь всегда наставлять свою
36b мать. Чем так мучиться, // не рассиживаясь, быстро вставай, так
велел Татхагата». Тогда Молон-тойн встал и вместе с Анандой от-
правился к святому Татхагате. В то время Татхагата, как было
принято летом⁶⁶, четырьмя видами сподвижников, тенгриям и дра-
конам восьми родов⁶⁷ Учение разъяснял. Тогда Молон-тойн, уви-
дев Победоносного, поклонился и подробно рассказал о страда-
ниях ада. [Он сказал]: «Победоносный, поскольку в мире добрые
дела родителей очень трудные, день и ночь мучаясь, [я] теряю на-
дежду. Поскольку Победоносный — действительно отец и мать
37a всем живым существам, // живые существа, подобно червям, из-
рыгающим хлопчатую бумагу, входят в круговорот сансары. Побе-
доносный, милостливый, моя мать по причине непреодолимых
препятствий охвачена страданиями в Аюус-аду, пока одна калпа
не минует, [она] не выйдет, никто, кроме Победоносного, помочь
не может. Расскажу о ее страданиях». Победоносный сказал: «Соиз-
воль рассказать». Молон-тойн так сказал: «Очень трудно помочь.
Татхагата, живые существа из адской страны так выглядят. Очень
37b похотливые, // не знавшие умеренности женщины на железном
столе лежат, в их тело железные гвозди воткнуты. Мужчинам, не
умеренным в страсти, льют расплавленный чугун; в груди и в жел-
удке, кожа и жилы — все распадается. Когда голодны, [им] льют
расплавленное железо. Когда испытывают жажду, [их] заставляют
пить поток чугуна. У нестарательных в чтении язык вытягивают и
жгут, раскаленным железным гвоздем колют, на языке пашню
пашут. Их очень сильные страдания без конца можно описывать.
38a К Победоносному, // над дворцом свет распространяющему, мило-

стливому о помощи зываю. Если еще подумать, [то это] подобно тому, как в страданиях сна не возникает добродетель. Еще однажды, когда я шел, один так сказал: „Деятель, немного посмотри“. Когда я туда пошел, то [увидел, что там был] один прекрасный мангус. За [этим] прекрасным хубилганом около сотни [женщин] следовало. [Он] шел по адской стране среди женщин. Идя среди женщин, мангус женщинам так говорил: „Я стал ханом, буду всем живым существам равно отцом и матерью. // Моя жена умерла, я один остался. Если среди вас есть [кто-нибудь, кто] хочет стать моей женой, пусть за мной в дом идет“. Когда [он] сказал, женщины, падая, побежали и подбежали к мужчине. Некоторые из них так говорили: „Я — увеселительница“, некоторые: „Я — хорошая“, некоторые: „Я — сирота“, некоторые: „Я — ханская дочь“, некоторые: „Я — дочь чиновника“, некоторые: „Я — дочь брамина“, некоторые: „Я — ханша“. [Так они] говорили». {} Когда [Молон-тойн] рассказал, Победоносный отправился туда, где находится адская страна. Владыка тенгриев // Хормуста приготовил драгоценный зонт, перед Победоносным увеселителей послал, Владыка тенгриев Хормуста сам держал Татхагату за край монашеской дели и следовал за ним. Можно сказать, что шел по-львиному, подобно единственной луне. Как только [Будда] достиг врат адской страны, расплавленное железо превратилось в драгоценность чиндамани⁶⁸. Поток чугуна стал очень чистым, подобно потоку мысли бодхи⁶⁹. Грешные живые существа, если о них говорить, летали над потоком мысли бодхи подобно гусям, уткам и турпанам. Те, кто был вечно мучим всевозможными // страданиями, и голодом, и жаждой, благодаря милости Победоносного переродились среди высокорожденных. И только одна мать Молон-тойна была охвачена страданиями. Пришел один мангус и так сказал Молон-тойну: «[Там] одна женщина, явно женщина из мира... {говоря о собственных заслугах, говорили: «Меня возьми, меня возьми»} ⁷⁰. Когда [мангус] сказал, Молон-тойн отправился забрать свою мать, {Мангус превратился в одну массу огня, и никто к нему не мог приблизиться}. // Молон-тойн ее [мать] увидел, опечалился и мангусу так сказал: «В течение бесчисленных калп [моя мать] не знала воздержания в подобном вожделении. Сейчас находится во власти адской страны. Находясь в этой стране, расчлающей страдания, когда же любимая от страданий освободится?» Сказав, Молон-тойн забрал страдающую от голода и жажды [мать] и быстро достиг Раджагрихи. Чтобы найти еду для матери, [Молон-тойн] отправился просить подаяние. Подойдя к дверям [одного] хозяина дома, посохом постучал, и вышел хозяин дома, который внутри веселился, // и [он] так сказал: «Деятель, время [сбора подаяния] прошло, почему ты просишь подаяние?» Тогда

386

39a

396

40a

406

- Молон-тойн так сказал: «Мою мать, которая после смерти попала в Аюус-ад, Татхагата освободил. Ее кости стали подобны высохшему дереву, ее рот стал подобен сухой нити. Хотя время сбора подаяния прошло, я пришел, чтобы найти еду-подаяние для матери, которая очень страдает от голода и жажды». Когда [он] сказал,
- 41a хозяин дома, эти слова услышав, очень удивился и так сказал: // «Все живые существа в мире — невечны. Ничто не есть реальность. Ни дома, украшенные золотом и серебром, ни любое другое, какое бы ни было, мирское счастье — после смерти ничто не поможет. Людей, связанных со своими страданиями — много, людей, ничего не говоря делаящих добрые дела — мало. Когда есть одежда — одеваются, когда есть еда — едят, подбирают имущество глупых людей, которые не могут [им] воспользоваться. Если [они] могут [так поступать] и если они преисполнятся добродетели, больше пользы, чем от этого, не будет [ни от чего]. Однажды
- 41b смерть придет, // когда наступит время сложить руки, и хотя голые кости украсят золотом и серебром и красивыми шелками, пользы никакой не будет». Когда [он] так сказал, направо и налево распорядился: «Быстро Деятелю [еду] поднесите». Когда [он] сказал, Молон-тойн поданную еду забрал и пришел к тому месту, где находилась мать. [Он] встал на колени и, держа [еду] двумя руками, дал матери. Мать, держа еду, одной рукой муку разминала и совала в рот, но из-за [ее] жадных мыслей и греховных препятствий // [еда] превращалась в красное огненное пламя, и [мать] еду есть не могла. Тогда Молон-тойн, эту еду взяв, почтительно сказал: «Матушка, так как [ты] и сейчас не оставила мысли о желаниях, из [твоего] рта и носа огонь вырывается и [ты] не можешь есть еду». Кто-то другой сказал: «В мире, кроме Молон-тойна, [никто] матери почтения не окажет. Когда воздаешь родителям за благодеяние, воздаешь подобно птице. Почитание — подобно сосанию груди. Хотя свою мать подобно этому почитал и различную
- 42b вкусную еду подносил, как только мать брала [еду] в руки, // [еда] превращалась в красное огненное пламя, рот и нос огонь исторгали». [Так он] сказал. Молон-тойн своей матери так сказал: «Матушка, сказано, что совершенные тобой в прежних перерождениях дела никто переделать не может». Сказав, так подумал: «Моя мать с того момента, как попала в эту область ада, испытывает сильную жажду, дам-ка я ей воды». Взяв свою мать, [он] подошел к краю воды. Почтительно смыв грязь, собирался [дать] матери воду. В этот момент Победоносный увидел, что мать Молон-тойна не уняла
- 43a жадные мысли и желания, // срезал один прутик и превратил [его] в приблизительно пятьсот нищих чертей. [Черти] делали вид, как будто пили воду у края воды. Мать Молон-тойна [пыталась] пойти в четыре стороны, чертям препятствовала, воду пить не давала.

Вода же, из-за невоздержания в жадности и желаниях, превратилась в красное огненное пламя, и пить [ее] стало нельзя. Тогда Молон-тойн своей матери так сказал: «Матушка, как можно описать эту огромную реку? Глубина и ширина [ее] с востока на запад и с юга на север десять тысяч бере. В этом неустанном мире // вода эта никогда не исчерпается. Мама, из-за твоих жадных мыслей и желаний нищим чертям препятствуешь, пить не даешь. Хотя здесь собрались грешники всей адской страны, [среди них] очень мало обладающих такими плохими страстями, как твои. [По причине] мыслей, не препятствующих подобным желаниям, хотя и течет вода в реке, наполняя берега, но выпить [себя] не дает, превращается в красное пламя огня. О матушка, подобное этому тело человека обретя, если [у тебя останутся] жадные мысли и [ты] не отбросишь сейчас же мысли о желаниях, когда же переродишься среди высокорожденных?» Когда [он] сказал, // мать Молон-тойна, устыдившись сына, раскаялась и заплакала. [Она] на берегу реки умерла и переродилась в большую черную суку в доме Халу⁷¹ в [городе] Раджагрихе. В то время сука эта была злая и кусачая, поэтому никто из городских жителей туда не ходил. В то время Молон-тойн, прося подаяние, подошел к двери того дома, и, когда сука [начала] лизать монашескую дели Молон-тойна, Молон-тойн понял, [что это] действительно [его] мать. [Он] очень опечалился, из глаз пролил слезы подобно воде. Затем Молон-тойн той черной суке так сказал: // «О матушка, хотя [ты] в собаку переродилась, [но] из-за того, что не прекратила плохие деяния, все соседи тебя боятся. Когда [ты] охраняешь дверь снаружи, все чужие называют тебя львом, все жители города говорят, что такой кусачей и злой суки, как эта, никогда не было, называют бешеной. О матушка, что делать?» Когда [он] сказал, сука выслушала сказанное и, хотя сказать [ничего] не могла, осознала свое поведение, голову повернула, на сына посмотрела, двумя передними лапами [его] обняла и монашескую дели [начала] лизать. Тогда Молон-тойн, глядя на свою мать и проливая слезы, // так сказал: «Весь день такие страдания вижу, почему [их] масса не исчезает?» Думая, [он] очень страдал. Затем, очень спеша, отправился туда, где находился Победоносный, поклонился и так сказал: «Победоносный, моя мать обрела тело одной суки. Победоносный, что я [должен] сделать, [чтобы ее] освободить?» Когда [он] спросил, Победоносный так повелел: «Если ты хочешь свою мать освободить от страданий, пригласи монахов и в течение 49 суток, раскрыв собрание сутр, // внимай чтению. Если [звук чтения] достигнет высокорожденных, этим собранием добродетелей освободишь [мать] от страданий [в рождении] суки. Когда [он] промолвил, Молон-тойн, как положено, совершил [обряд] почитания матери. Когда

- сделал, как велел Будда, мать освободилась от тела суки и переродилась, став дочерью домохозяина Цог оюту⁷², [ее] имя было Эрдэмийн далай⁷³. Она непрерывно молилась Победоносному, совершая подношения. «Я с любовью следую за Победоносным. Победоносный совершил благодеяние, освободив меня из [перерождений] в плохие живые существа // и поместив [меня] среди живых существ, обладающих спокойствием. Победоносный, соизволь разъяснить мне учение», — [она] попросила. Тогда Победоносный сокровенное учение разъяснил, у дочери [по имени] Эрдэмийн далай и у множества собравшихся там тенгриев и людей и множества живых существ прояснились глаза к Учению. Дочь Эрдэмийн далай восхвалила Будду в стихах. В то время Победоносный улыбнулся, свет [его] улыбки наполнил все страны мира. Там для всех живых существ наступило безграничное спокойствие. // Тогда Ананда со своего трона встал, поклонившись стопам Будды, произнес: «Победоносный, соизволь объяснить причину того, что [ты] улыбнулся». Когда [он] попросил, Победоносный Ананде поведал: «Ананда, дочь Эрдэмийн далай, освобожденная Молон-тойном из ада, из [образа] прета⁷⁴ и скота, в будущем, когда минует число калп, равное числу песчинок реки Ганга, появится в мире под именем будды Цэцэг эрхин⁷⁵, Победоносного, Татхагаты, Архата, Всесовершенного. [У нее] будет множество сотен десятков миллионов друзей шраваков⁷⁶». // Такое предсказание [он] произнес.
- 46а Сутра о том, как святой Молон-тойн помог своей матери, окончена.
- 466 Сутру о том, как, совершенствуясь благословением Будды Шакьямуни — защитника живых существ, святой великий Молон-тойн достиг освобождения и вызволил свою благодетельницу-мать из Аюус-ада, по приказу верующей от всего сердца в мудрую религию и милосердной ко всем убогим силой многих десятков миллионов хороших добродетелей ханши Сайхан чу, благословением равжи Зая, рашияной милостивых повелений высшего Богдо-всезнающего, насытившего живых существ из страны мрака, // сделав доступным, перевел Цултемжамц; совершенно единолично переписал переписчик Маш хурдуун. Да освободятся! Пусть утвердятся в добродетели живые существа! Пусть благодаря этому процветает государство и религия!
- 47а

КОММЕНТАРИЙ

¹ В этом, как и в других ойратских сочинениях, приводится традиционная монгольская формула: *enedkegiyin kelen-dü... töböд kelen-dü... mongyol kelen-dü...* 'на санскрите... по-тибетски... по-монгольски...'. Присутствие в ней слов «по-монгольски» является свидетельством общемонгольского назначения «ясного письма» [Санжеев, 1977, с. 12; Павлов, 1970, с. 46].

² Так я слышал однажды. — Несколько искаженное санскр. *Evam mayā śrutam. Ekasmin samaye Buddha... viharatī smā* 'Так я слышал. Однажды Будда... находился' — традиционное начало сутр, проповеданных Буддой.

³ Раджагриха — санскр. *Rājagṛha*, букв. 'царский дворец', ойр. *xāni xaṛši* (монг. *qayun-u balyasun*) — дословный перевод тиб. *gyal-pa'i khab*, которое в свою очередь является калькой с санскр. Раджагриха — название города — древней столицы княжества Магадха.

⁴ Баяни бельге — ойр. *bayani belge*, букв. 'знак богатства' — имя отца Молон-тойна. В монгольской версии — *Kaudiniy-a*, что есть транслитерация санскр. *Kauṇḍīnya*, где *Kauṇḍi* 'богатство'.

⁵ Лапуг торогсон — ойр. *lapuq* (или иногда *laraq*) *töḡqsön*, букв. 'Лапуг-рожденный' — имя Молон-тойна до принятия монашеского обета. В текстах из Дуньхуана он называется Лобу (по современному чтению, в древнекитайском чтении *la-puk*), что омонимично слову «репа». Интересно, что в более поздних китайских историях имеется сюжетный ход, объясняющий связь его имени с репой [Стулова, 1984, с. 296]. В санскритской традиции его называют *Kolita*. В монгольских текстах он назван либо *ebür-eče töḡögsen* (в пекинском ксилографе), либо *kölita* (в рукописи Руднева). В южно-монгольских он выступает либо под именем Лапуг, либо — Сын Меугал (*Meügaliyin köbegün*).

⁶ Три высшие драгоценности — ойр. *dēdū yurban erdeni* (монг. *yurban erdeni*, тиб. *dkon-mchog-gsum*, санскр. *triratna*) — Будда, Дхарма (учение) и Сангха (монашеская община).

⁷ Хувараки — ойр. *xuvaraḡ* (монг. *bursang quvaraḡ*, тиб. *dge-'dun*, санскр. *saṅgha*) — из уйг. *xuvraq* '(буддийская) монашеская община'.

⁸ Татхагата — ойр. *töḡünčilen boluqsan*, букв. 'Таким образом ставший' (монг. *teḡünčilen ireqsen*, букв. 'Таким образом пришедший' — перевод тиб. *de-bzhin gshegs-pa*, что соответствует санскр. *tathāgata*) — эпитет будд.

⁹ Гора Шабкара — ойр. *ša bka ga oula* — точно идентифицировать это название не удалось. Существуют две горы, которые могли бы здесь иметься в виду. Это, во-первых, 'Коршунья скала' (санскр. *Gridhrakūta*, тиб. *bya-rkod phyung ri*), которая на ойратский обычно переводится как *Хайг соқсо*. Во-вторых, 'Ноги птиц' (санскр. *Kukutarāda*, тиб. *bya gkang*). Но ойратская

транслитерация не имеет ничего напоминающего эти названия. В монгольских текстах Будда находится в месте, называемом *Raḡagaraḡ balyasun-u Vinuda-yin ceseḡḡ Kalandaka sibayun-u oḡon* 'Сад Венавана города Раджагриха — место птицы Каландака'. Но надо учесть, что этот эпизод находится в первой главе монгольской редакции, которая не имеет параллели в ойратском. В китайском тексте Будда находится в месте Шуанлинь, что переводится как «парный лес», т. е. лес, где деревья растут парами (санскр. *sālavana* — место, где умер Будда). В южномонгольской редакции вообще не указано местонахождение Будды.

¹⁰ Тенгри — ойр. *tenggeri* (монг. *tngri*) — небожитель.

¹¹ Победоносный — ойр. *ilayun töḡüsüqsen* или *ilayun töḡüsün üleqsen* (монг. *ilaḡu төḡүсү нөгүсгисен*) — калька тиб. *bcom ldan-'das*, что является переводом санскр. *bhayaḡant* — эпитет Будды.

¹² Брахма — ойр. *esüḡün* (монг. *esḡü-a*, тиб. *tshams*, санскр. *brahmā*) — владыка высшего небесного мира богов. *Esḡü-a* — уйгурское слово, заимствованное из согдийского.

¹³ Хормуста — ойр. *xurmusta* (монг. *qormusta*, тиб. *dbang-po*, санскр. *Indra*) — Индра, владыка тенгриев. Слово «Хормуста» из согдийского через уйгурский попало в монгольский. При принятии согдийцами буддизма Хормуста был отождествлен с Индрой.

¹⁴ Шимнус — ойр. *ḡumnus* (монг. *simnus*, тиб. *bdud*, санскр. *māra*) — злой дух, демон.

¹⁵ Слово *ḡil* 'год' употреблено ошибочно, но сказать, на какой стадии возникло искажение, трудно. В китайской версии это место выглядит так: «На востоке и на западе большие генералы распространяли благоволия. На груди [у Будды] был иероглиф 10 тысяч, а за головой — круглое сияние, подобное лунному диску. Если вы хотите знать, [что такое] 100 драгоценностей и 1000 цветов, то это было подобно пятицветным облакам на краю неба» [Цзи, с. 715].

¹⁶ Хубилган — ойр. *xubilyan* (монг. *qubilyan*, тиб. *sprul*, санскр. *prapañca*) — перерожденец, перевоплощение какого-либо буддийского святого. Здесь: Будда.

¹⁷ Пять человеческих пристрастий — ойр. *budaḡaliyin tabun küsel* — жажда богатства, прелюбодеяние, чревоугодие, честолюбие, желание спать (ср. примеч. 49).

¹⁸ Тойн — ойр., монг. *toyin* 'духовная особа' (тиб. *btsung-ba*, санскр. *śramaḡa*) — слово, заимствованное из уйгурского, обозначает монаха высокого ранга, который может быть наставником для монахов низшего ранга.

¹⁹ Гелонг — ойр., монг. *dḡeslong*, *ḡelüḡ*, заимствованное тиб. *dḡe-slong* (санскр. *bhikḡu*) — буддийский нищенствующий монах, порвавший с миром.

²⁰ Три монашеских дели — ойр., монг. *yurban nomtu debel* — дословный перевод тиб. *ḡsum chos ḡos* 'три духовных одежды' (санскр. *civaḡatḡaya*). Монах имел три одежды: сангати — одежда для публичных мест, уттарасангати — для духовных собраний и интаравасака — одежда, в которой монах находился в своей келье. Дели — монгольская национальная одежда типа халата.

²¹ Патра — ойр., монг. *badir* (тиб. *lhang bzed*) — заимствованное из санскр. *pātra* 'чашка для сбора подаяния'.

²² Четыре истины — ойр. *dörbön ünēn* (монг. *dürben ünēn*) — дословный перевод тиб. *bden-pa bzhiḡ*, что является переводом санскр. *satvāḡi āḡya satyāni*. Четыре догмата буддизма: 1) страдание (вся жизнь есть страдание), 2) причина страдания (страдание вызывается желаниями), 3) прекраще-

ние страдания (возможно прекращение страдания), 4) путь спасения от страдания (существует путь спасения от страдания).

²³ А р х а т — ойр. *dayini daruqsan* (монг. *dayin-i daruqsan*), дословный перевод тиб. *dgra bcom-pa* (санскр. *arhat*) — 'победивший своих внутренних врагов (т. е. страсти)' — эпитет Будды.

²⁴ М е у г а л — ойр. *meügal* — имя матери Молон-тойна, транслитерация тиб. *me'u-gal*, которое, в свою очередь, передает санскр. *Maudgal*. После принятия монашества Лапуг торогосоном Будда дает ему имя *Meügali-yin köböün* (монг. *Mudgal-un köbegün*, тиб. *Me'u 'gal-gyi bus*, санскр. *Maudgalyāyana*) 'Сын Меугал'.

²⁵ О т о ш л и — умерли и переродились.

²⁶ Н о г и п т и ц — ойр. *šobouni köl* (монг. *sibayun költü*, тиб. *bya rkang*, санскр. *Kukutarāda*) — название горы в Магадхе. В монгольских и южномонгольских текстах Будда посылает Молон-тойна созерцать на гору *Kadarigud* (тиб. *bya rgod phung gi*, санскр. *Gridhrakūṭa*) 'Коршунья скала', в китайском — в Голубые горы.

²⁷ В ы с о к о р о ж д е н н ы е — ойр. *öndör izourtan*: это словосочетание служит для перевода тибетского *mtho nis* 'небеса', 'обитель богов', букв. 'высокая область'. Ойратское словосочетание употребляется в том же значении, что и тибетское — 'небеса', 'страна тенгриев', хотя его буквальный перевод — 'имеющие высокий род', т. е. 'имеющие благородное происхождение' — отличается от тибетского.

²⁸ У ч е н и е о п у с т о т е — ойр. *xösun* (монг. *qoyosun*, тиб. *stong-pa puid*, санскр. *śūnyatā*) — центральная концепция абсолютной несубстанциальности в буддизме.

²⁹ В некоторых других текстах, например, в тексте, переведенном В. Хайсигом, сказано, что отец переродился в мире Эсруа.

³⁰ О б л а д а ю щ и е п л о х о й с у д ь б о й — ойр. *tau zuyātan* (монг. *tauü jauyān*, тиб. *ngan song*, санскр. *arāya*) — три плохих перерождения: в аду, среди претов и животных.

³¹ С этого места до прямой речи повествование ведется от первого лица.

³² Д ж а м б у д в и п а — ойр. *zambutib* (монг. *jambutib*, тиб. 'dzam-bu'i gling, санскр. *djambudvīpa*) — материальный мир.

³³ Имя моей матери — Баяни бельге — ошибка: Баяни бельге — имя отца Молон-тойна (см. примеч. 4).

³⁴ Д е я т е л ь — ойр. *üyiledüqçi*; ни в монгольских, ни в китайском тексте подобного обращения к Молон-тойну нет. В тибетском тексте из «Драгоценных четок» к нему обращаются *mkhan-bo* 'наставник' (санскр. *upadhyāya*). По-видимому, «наставник» переведено на ойратский как «деятель».

³⁵ Ч е р т — ойр., монг. *čidkür* (тиб. 'gong-po) — самое распространенное и наиболее общее название злых духов, чертей.

³⁶ З а н ш и н д ж а л а — ойр. *Zanšin jala* — имя грешника. В монгольских текстах в этом эпизоде фигурирует грешный брахман по имени *Usun öglige-tü*, букв. 'обладающий подающим воды'. Ойратский вариант имени возник как транслитерация санскрито-тибетского имени этого брахмана, где «джала» передает санскр. *jala* 'вода', а «заншин» — тиб. *zang zing* 'вещи', 'богатство'.

³⁷ Ж е з л — в тексте употреблено санскритское слово *kaṅgāra*, записанное как *kaḍam ka*.

³⁸ Эта фраза дана от первого лица.

³⁹ Р е к а В а й т а р а н и — ойр. *maši enelküi müren*, монг. *maši jobalang-tu müren* или *enelküyin müren*, тиб. *chu-klung rab med sogs*, санскр. *Vaitaraṇī* — река без брода, которая течет между землей и подземным царством.

⁴⁰ Мангус — ойр., монг. mangγus, тиб. sṅin-po — кровожадное чудовище, обитающее в подземном царстве.

⁴¹ Здесь, по-видимому, пропуск.

⁴² Эти души находятся в промежуточной области — ойр. zouratu-yin oḡon (монг. jaugatu-yin oḡon, тиб. bar do) — состоянии между прошлым и будущим перерождениями.

⁴³ Эрлик-хан — ойр. erliq xān (монг. erliq qaγan, тиб. bshin-rje, санскр. Yama) — Владыка ада — судья умерших и хранитель учения. Подробнее см. [Сазыкин, 1990, с. 231, примеч. 35]. Слово «эрлик» может обозначать и рядового черта.

⁴⁴ Ракшас — ойр. abuγus (монг. raγsas, тиб. sṅin-po, санскр. rākṣasa) — разряд демонов, пожирающих людей.

⁴⁵ Пемакари — в ойратском тексте написано pemakari. Идентифицировать это слово не удалось.

⁴⁶ Калпа — ойр., монг. kalab (тиб. bskal-pa, санскр. kalpa) — время существования мира (от момента его возникновения до момента, когда его сменяет другой мир).

⁴⁷ Бере — ойр. bere (монг. ber-e, тиб. dpaḡ-tshad, санскр. yōjana) — мера длины (около 14,5 км).

⁴⁸ Хан учения — ойр. nomiyin xān (монг. nom-un qaγan, тиб. chos-kyi rgyal-po, санскр. Dharmā rāja) — эпитет Эрлик-хана.

⁴⁹ Пять видов желаний — ойр. күseliyin tabun zүйil. То же, что «пять человеческих пристрастий» (см. примеч. 17).

⁵⁰ Аюус-ад — ойр. Ayuus tamu. Имеется в виду ад Авичи (санскр. Avīci). В монгольском он называется jabsar ügei tamu, что является дословным переводом тиб. mnag med dmyal-pa 'непрерывный ад'. Такое название ад получил за непрекращающиеся страдания в нем грешников, которые непрерывно умирают от страданий и снова там же перерождаются.

⁵¹ Владыка смерти — ойр. үkүliyin ezen (монг. үkүl-ün eḡen, тиб. gshin rze) — эпитет Эрлик-хана.

⁵² Владыка пяти основ пути — ойр. mör tabun üндүsünü ezen — эпитет Авалокитешвары. В монгольской версии он назван Ariy-a balu 'Арья балу' или qamuy amitan-a түг-үн eḡen 'Владыка путей всех живых существ'. Под «пятью путями живых существ» имеется в виду пять родов перерождений: в аду, претами, в мире животных, людьми и небожителями.

⁵³ Препятствия — ойр., монг. түyidker (тиб. sgrab-pa). Существует пять препятствий к достижению высшей жизни: неистовство, злоба, сон невежества, сладострастие и сомнение.

⁵⁴ Темный ад — ойр. xab xaranguyi tamu — другое название ада Авичи.

⁵⁵ Хан мангусов — ойр. Mangyušiyin xān (монг. Mangγus-un qaγan, тиб. sṅin-po rgyal-po, санскр. rākṣasa rāja). В китайской версии он назван «Царь якш».

⁵⁶ Три [области] знания — ойр. үrban uxān (монг. үrban uqaγan, тиб. ṅig-pa gsum, санскр. trividya): знание прежних рождений, своих и чужих; знание будущих рождений; знание того, как достигнуть освобождения от сансарического бытия.

⁵⁷ Здесь пропуск, что доказывает фраза из китайского текста: «Бить себя в грудь и терзаться — не знаю, какая от этого польза» (Цзи, с. 729).

⁵⁸ Сала — ойр., монг. sala (тиб. sa-la, санскр. sāla) — род пальмы.

⁵⁹ Четыре вида сподвижников — ойр. dörbön zүйil nököd — шраваки, бикшу, ученики и бодхисаттвы.

⁶⁰ Восемь и тринадцать видов несчастий — ойр. *paɣıman züyil arban ɣurban todxoriyin züyil*. Какие несчастья имеются в виду конкретно, нам выяснить не удалось.

⁶¹ Неподходящая адская местность — ойр. *colo ügei tamu-yin oɣon*. Ад является местом одного из пяти рождений, не подходящих для религиозных занятий.

⁶² Корень благих дел — ойр. *buyani ündüsün* (монг. *buyan-u ündüsün*, тиб. *dge-ba'i rtsab*, санскр. *kuśalamūla*) — корни добродетели, начавшие порождаться благими поступками.

⁶³ Сансара — ойр., монг. *sansara* (тиб. *srīd-pa*, санскр. *saṃsara*) — мир как круг перерождений.

⁶⁴ Страна Магад — ойр. *Maɣad oɣon* (санскр. *Magadha*) — крупнейшее государство древней Индии, столицей которого был город Раджагриха.

⁶⁵ Ананда — ойр., монг. *Ananda* (тиб. *kun-dga'bo*, санскр. *Ānanda*) — имя племянника Будды, его ближайшего ученика, который пересказал для записи сутры, проповеданные Буддой.

⁶⁶ Как было принято летом — ойр. *zuni yosun-du* (монг. *yamaı-yin ɕay*). В Индии летний сезон муссонных дождей использовался для учения.

⁶⁷ Тенгрии и драконы восьми родов — ойр. *tenggeri klu paııman aıımaɣ* (тиб. *lha sgrin-gyi sde brgyad*) — обычный перечень существ, слушающих проповедь Будды: небожители, драконы, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, киннары, махораги.

⁶⁸ Чиндамани — ойр. *zandamani* (монг. *čindamani*, тиб. *yod bzhin nor-bu*, санскр. *cinṭāmaṇi*) — волшебная драгоценность, исполняющая желания.

⁶⁹ Бодхи — ойр., монг. *bodhi* (тиб. *byang-chub*, санскр. *bodhi*) — совершенное познание, просветление.

⁷⁰ Части этого и следующего предложений, заключенные в фигурные скобки {}, судя по изложению этого эпизода в монгольском тексте, должны находиться выше (см. с. 51).

⁷¹ Халу — ойр. *halu* — имя владельца дома, у которого мать Молонтойна перерождается в собаку. В китайском тексте имени домохозяина нет, а в монгольском сказано, что это происходит в доме брахмана, имя которого не приводится. Только в тибетском тексте из «Драгоценных четок» приводится имя хозяина дома — Хабу, которое могло быть неверно передано в ойратском как Халу.

⁷² Цог оюту — ойр. *soɣ oıyoutu*, букв. 'прекрасноумный'.

⁷³ Эрдэмийн далай — ойр. *erdemiyin dalai*, букв. 'море учености'.

⁷⁴ Прета — ойр., монг. *birid* (тиб. *yi-dwags*, санскр. *preta*) — голодный дух, обитающий в преддверии ада и испытывающий постоянные мучения от голода и жажды.

⁷⁵ Цэцэг эрхин — ойр. *seseq erkin*, букв. 'цветок-власть'.

⁷⁶ Шравак — ойр. *sravaɣ* (монг. *siravag*, тиб. *nyan-thos*, санскр. *śrāvaka*) — ученик, непосредственно внимавший проповедям Будды.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

С 22 — ойратская рукопись, 47 листов, 26,5×10 (22×8), 19 строк, плотная бумага, красная и черная тушь, калам [Сазыкин, 1988, № 316].

Текст написан красивым ойратским почерком. Ошибок сравнительно мало (около двух десятков на весь текст). Диакритические знаки ставятся не всегда, но в этом видны определенные закономерности. При гласной *u* твердого ряда «черточка» слева не ставится, если *u* стоит после твердых гласных *o* или *u*, а также *i* непервого слога, где первый гласный твердый (напр., *ariuna*), и после согласных *γ* и *x*. Всегда отсутствует диакритика у *u* в суффиксе *-mui*. При гласной *ö* мягкого ряда «черточка» справа не ставится, только если *ö* стоит после согласных *g* и *k*. Последнее обстоятельство затрудняет различение после *g* и *k* гласных *ü* (у которой диакритики и не должно быть) и *ö*, так как, будучи «вписанными» в согласную, *ü* и *ö* по форме часто не отличаются друг от друга. Так, двойко могут быть прочитаны слова *nökür* и *nökör*, *čidkür* и *čidkör*, *tögüs* и *tögös*, *mönggün* и *mönggön*. В неясных случаях при выборе гласной непервого слога в транслитерации мы исходили, во-первых, из формы буквы в рукописи и, во-вторых, из гласной последующего суффикса, не допуская сочетаний *ögöqsen* (вместо *ögüqsen* или *ögöqson*). Случаи, кроме перечисленных выше, когда у гласных *u* и *ö* диакритика отсутствует, а у *ü* имеется лишняя, в транслитерации помечены подчеркиванием.

При переносе слова с одной строки на другую всегда, когда перенос приходится на сочетание «гласный-у-гласный *i*», передающее дифтонг, оно сокращается до «гласный-гласный *i*», т. е. дифтонг записывается так же, как в конце слова, например: *üyile* — *üi-le*, *sayixan* — *sai-xan*. И наоборот, при переносе на другую строку конечного гласного *i* в составе суффикса в конце слова он обретает вид *-yi*: *asaqbai* — *asaqba-yi*, *oqtoryui* — *oqtoryu-yi*, *čidamui* — *čidamu-yi*. Это может служить свидетельством того, что написания *ci* и *yi* являются двумя способами записи одних и тех же дифтонгов — в середине и в конце слова.

Слов с галиком в тексте мало. Буква, передающая тибетское *ka*, встретилась в словах *klu*, *ekar*, *petakari*, *kalab*, *ša bka ra*, *kübden*. Буква, передающая тибетское *pa*, употреблена в трех словах: *padma*, *lariq*, *petakari*. В словах *byeva* и *šakyatuni* галиком записано тибетское подписное *ya*. И, наконец, в двух именах, *jala* и *halu*, начальный согласный передан галиком.

Слова, выделенные в рукописи красными чернилами, в транслитерации подчеркнуты.

В квадратные скобки [] заключены слова или буквы, исправляющие ошибки рукописи.

В угловые скобки < > заключены слова, повторенные по ошибке.

Moloni toyin ekēn tamu-ēce yaryaqsan sudur orošiboi // 1a
 enedkegiyin kelen-dü: Arya Mayalyayana mamananhada naraka dhadu 1b
 mobha sudra: töbödiyın kelen-dü: Phagspa Meiŷal-gyi bu cen poi na ma
 dmya lkasns dbyeng pai mdo: mongyoliyin kelen-dü xutuqtu meŷyaliyin
 yeke köböün tamuyın oron-ēce ekēn yaryaqsan sudur:: nige baq bui: 2a
 eyin kemēn mini sonosuqsan nigen caq-tu: urida xāni xarši-du // bayan
 nige geriyın ezen bui: ekar yasutai nere inu bayani belge kemēkü: maši
 bayan jiryalang tögüsün ed erdeni ourxai sang inu ögüüleši ügei bui:
 geriyın ezen töün-dü nige köböün bui: nere inu lapaq töröqsön
kemēmüi: yurban jil bolōd: köböün eçige-ēce xayacan: eke-lügē xamtu
 orošiboi: tegēd ulam ösün yeke bolun yadaqši odçi ed ayourasu xurān:
 yurban xubi bolyon xubābai: // nige xubi-yi inu olon ügei yadou- 2b
 noyoudtu zorin nige xubi-yi inu dēdü yurban erdeni-dü zorin: basa nige
 xubi-yi inu ekeyın idēni ündüsün bolyon talbibai: eke köböün-yēn
 yadaqši oduqsan xoyino: ed ayoursun-noyoudi ebden: ada çidkür-
 noyoudi takin: xuvaraq-noyoudi köbden: ügei yadou-noyoudtu küçir
 ken bulān nüültü üyile-noyoudi barin üyiledbei: xoyino nige caq-tu
 ebeçin-yēr ebedçi kebtüküi-gi köböün üzebei: tegēd zoun xonoq boltolo // 3a
 (boltolo) beye-ēce xubcasu tayilal ügei: ekeyın em üiledbeçi eke xarin
 moujıran nasuni caq bolboi: tegēd köböün ekēn nasuni caq boluqsani
 üzēd: üligerlekülē oula unan dalai xataqsan metü bolboi: yurban jiyil
 [=jil] boltolo tusalaxui kündülel ulam üyiledçi: sedkil-dü ene metü
 sanabai: emgeniküi eçige eke-bēn sanaji: bi eçige eke xoyori: tusalān
 üyiledsü: urida mini bāxan-du eçige eke xoyor ülü möngkörökü bolboi:
 ödügē bi sayitur // yarun üyiledküi-dü: tögünçilen boluqsan-ni gegēn-dü 3b
 odçi: eçige eke xoyorōn xamiyā oduqsani ayiladxasu kemēn sedkiji:
 lapuq töröqsön eçige eke xoyori nasun-ēce nöqçiqsön xoyino: yurban jil
 boltolo xonogiyın nom üyiledün: cenggelge cü sonosxui ülü duralan:
 önggö zalı cü maši moujıran: idē ülü iden yasun şürbüsün barilduxuyın
 tödüi bolboi: tögünçilen boluqsani şa bka ra oula-du souqsan: tenggeri
 kümün bügüde tede odxui bi cü tende odçi tögünçilen // boluqsan-du 4a
 üge ögüülün: bi eçige eke xoyoriyin açi xariulxuya: tögünçilen boluqsani
 nidüni emüne odçi tögünçilen boluqsani üzeküye sedkin yāraji tögünçilen

- boluqsani gegēn-dü odçi: utuxui küjī-bēr utun xoyor ölmi-dü oroi-bēr mürgübei: ilayun tögüsüqseni baroun zöün-dü esürün xurmusta şumnus-luyā selte kürēlen: uryuxui şinggeküi-dü ayimagiyin yeke noyod ceceq sacun ordu xarşiyin dunda arsalan şirē erdeniyin belge tögüsüqsen-dü: manglayin dunda erdeni metü gerel yaryan erdeni mingyan talatai
- 4b padma // dēre xubilyan oqторыуин kizār-luyā saca xubilyan tabun jil-yēr çimeqsen öülen-dü souxui üzebei: tegēd lapuq töröqsön ilayun tögüsüqsen-dü eyin kemēn ayiladxabai: namai budayaligiyn tabun küsel tüyidün: tacāngyui urin mungxaq yurbani bi ese tebçibeı: zobolong-giyin dalai-noyoud-tu törökü üküküyin beye abuqsan ene coqco-du gemşiküi kilincetü üyile kündülün: eçige eke xoyori bi yazar doru bulabai: ilayun tögüsüqsen nigüülesün ayiladçi uduridxui küsemüi: bi tögünçilen
- 5a boluqsani açi xariulxui-du: // mör bütēye kemēn ayiladxaqsan-du: tegēd ilayun tögüsüqsen lapuq töröqsön-dü: eyin kemēn zarliq bolboi: çı eçige eke xoyori üzeküi duralaxulā toyin bol: üzeküi kemēn zarliq boluqsan-du: tegēd lapuq töröqsön ilayun tögüsün üleqsen-dü sayitur yarıxui ayiladxaqsan-du: dgeslong inaqşı irē ariun adali buyan üyiled: kemēn zarliq bolumaqca saxal üsün öbörön xaqzaran yurban nom-tu debel ümüsün badır dulduı bariqsan gelüng bolboi: ilayun tögüsüqsen ali bolxui dörbön ünēni nom üzüülüşen-dü: dayini daruqsani // üre olboi: tegēd ilayun tögüsüqsen nereı cü meüya[li]yın yeke köböün ridi xubilyātai dēdü kemēn öqböı tegēd moloni toyin ilayun tögüsün üleqsen-dü eyin kemēn zalbarıbai: mini eçige eke xoyor nasuni caq bolōd: xamiyā oduqsani ese medebei ilayun tögüsüqsen nada nigüülesün ayiladçi: mini eçige eke xoyor xamiyā oduqsan-ni bi sonosun üzesü kemēn ayiladxaqsan-du: ilayun tögüsüqsen moloni toyin-du eyin kemēn zarliq bolboi: çı odçi şobouni köl ouladu samadı teqşı bişilyaǰı oroi inu onon üyilēd: çini eçige eke // xoyor öndör izourtan-du buyu: tamuyin oron-du buyu kerbe yertüncüdü bayixui üzekülē çı onoxu boluyu: kemēn zarliq boluqsan-du: tegēd moloni toyin burxani zarliq metü şobouni köl ouladu odçi nige aqlaq oron-du zamılan souǰı: sedkil nomoyodxon youma zarliq ülü bolun kelberil ügeı kele tangnai-du tulyan: yasun-yēn caitala soun xōsuni üzebei: tegēd ridi xubilyāni erkeşil olōd oqторыуı xōsun-du ezebei: üligerlekülē xarcaya öür-ēce yarıqsan metü sedkiliyın öbörçilön-dü // öbör erkeşil olōd şınjileqsen-dü eçige esürünü xān bolun jıryalang xotolo tögös buı bolun: eke mou zayātani oron-du unaqsani üzēd: ekeyin açi xariuluya kemēn sedkēd: bi urid eçige-lügē zolyon eçige köböün xoyor-lügē ögüüeldüye sedkin bi öndör izourtani oron-du oduqsan-du: eldeb köq dou üyiledküi üzen dabxur balyasuni ayui: xamuq bügüde altan-yēr öüden: bügüdecü şül-yēr öüdüqsen: xonggil-toı balyasun amui: bi bariqsan dulduı-bēr öüde deledün esürünü xāni // doudaqsan-du: tere ese sonosuqsan-du bi nilbusu yarıçı ebcöün-dü cuburıbai: tegēd esürünü xān öüden-dü yarıçı ireǰı eyin kemēn ögüülebei: xutuq-tu youni tula ende ödö bolboi:
- 7a

kemēn asaɣuqsan-du tende bi eyin kemēn ögüülebei: bi zambutibiyin kümün bölügē ücüüken-ēce maši emgeniküi eçige eke xoyor-ēce önidö xayacabai: gēr nökör ed aɣuurasun xotolo tögös bui bölügē: bi ɣaɣcār dorodun xocoroboi: ekeyin nere inu bayani belge bui: eçige eke xoyor uridu nige caqtu buyan // üyiledün nasuni caq bolöd eçige öndör izourtan-du töröjï: eke mou zayātan-du töröjï: ekeyin kökö kökqösqön açi xariuluya kemēn sedkin: eçige eke xoyori erikei irebei: kemēn ögüüleqsan-dü tende esürüni xān tere ügei sonosöd: sedkil maši emginin bayasād eyin kemēn zarlıq bolboi: zambutib-tu nada nige köböün bui tere sayitur ɣarun dgeslüng boluqsan ügei bölügē: üyiledüççi sayitur sanan üyiled endörebüi: yertüncü-dü eçige ekeyin nere kigēd yasun adali maši oloni tula üyiledüççi // endörebüi kemēn köböün-düese medereqsan-dü tende moloni toyin eçige-bēn ese medereqsan töüni sonosöd: üligerlekülē tabun yeke oula unaqsan metü: yeke dou ɣarçi uyılaqsan-du: öndör izourtani tenggeri-noɣoudcü nige caq-tu nidün-ēce nilbusu ɣaryabai: tegēd moloni toyin eçigedēn eyin kemēn ögüülebei: mini urida ögöüleqsan üge endöü bolji: urida eçige ekeyin ögüqsan nere labaq töröqsön kemēmüi: xoino yeke bolun burxani toyin bolyoqsan nere inu: meügali-yin köböün kemēn öqböi: kemēn ögöüleqsan-dü: tende xurumxan // sanād: bayidal köböün müni medeji: eçige köböün xoyor közöün-ēce teberildün uyilaldubai: üligerlekülē nara sara nöqçid xarin nara sara uryuqsan metü eçige köböün xoyor bayasbai: tegēd köböün eçigedēn eyin kemēn ayiladxabai: eçige ödügē öndör izourtrandu töröjï maši amuɣuulang jïɣajï: mini eke xamiɣā odbo kemēn asaɣuqsan-du tende eçige köböün-dü eyin kemēn ögüülebei: çini eke yertüncü-dü souxui caq-tu: nadalai yabudal ülü neyilüldün: bi kümüni nige nasun-du suduriyin ayımaq çayān padmai ɣar-ēce xayacoulul ügei: nasuda // ariuna yabun üyiledbei: dēdü ɣurban erdeni kigēd xuvaraq-tu sayin kündüel üyiledün takin: ügei yadou-noɣoudtu ögligö ögüqsan tere buyani cuulyan-yēr öndör izourtan-du töröböi:: çini eke yertüncü-dü axui caq-tu: nige nasun-du xaram üyiledün mou yabudal-yēr ayil xoşö kigēd uruq sadun-luyā ese kerüldüqsan ügei: zamiyin cuburıldu yabuxui-du bulāxu tonoxui üyiledüqsan-dü ülü gedeq bölügē xuvaraq-noɣoudi üzekülē sonjın üyiledün sökön üyiledün: eçigedü üge xariucan ekei nançin: ügei // yadou-noɣoudi bulān nücügülüqsan kilencetü üyile-bēr: ödügē mou zayātan-du zobon üyiledümüi: kemēn köböün-dü ögöüleqsan-dü: tende köböün eçigeyin ögöüleqsan üge töüni sonosöd: nidün-ēce nilbusu xura metü asxaruulbai:: tegēd moloni toyin ödür çayıqsan xoyino tere ötür buuji: ekeyin oron-du odxui zamdu: çidküriyin çeriq zangşin ğala kemēküi bariji kötölün ireküi-lügē zolyoboi: zangşin ğalayin küzöün-ēce urtu arıamalji uyaji urıyxui şinggeküi-dü kötölün: xoyor tala-ēce cü tabun // zou üderen ami abuççi çidkür xurca üzüür-tei tömör kadam ka barin yabubai: xoyino-ēce cü mingyan üderen çidkür böjıq böjıqlön: emüne-ēce cü tabun zou üderen çidkür mou dou ɣarun güyiji yabubai:

7b

8a

8b

9a

9b

10a

- nizēd šara üsüni nükün-ēce cusuni dusul dusun: aman-ēce utā yarun: xabariyin xoyor nükün-ēce sumun metü cusun yōjin: xoyino-ēce olon čidkür ötür abči yabu kemēn xaškirun: uyilaxui doun oqtoruyi yazar
- 10b** döüreqseni bi sonosun: mini cü šara üsün ködölön ayoun toqtobai: // čidkür-noyoudtu eyin kemēn ögöülebei: ene ken bui ene metü zobolong-du oroxui üyile you üyiledbei kemēn asaγuqsan-du: čidkür-noyoud xarin eyin kemēn ögöülebei: ene kümün zambutib-tu zangšın ĵala kemēkü mün: ene töröqsön-ēce xōru nüül-tü üyile you bese üyiledbei: xarcaya talbiĵi tuulai bariulun nurayu xuyulun: noxoi kötölĵi yaxai angnan-noyoudtu xor üiledbei: xuvaragi üzekülē sökōn sonĵil üyiledün: ügei yadou-gi üzekülē kilinglen öšiböi: ene metü nüültü üyile
- 11a** eldeb üyiledüqsen // bölügē: uridu sarayin arban tabun ödör tabun zoun čidküriyin ceriq ilgeqsen bariĵi ese čidabai: xoyino basa tabun zoun čidküriyin ceriq ilgeĵi baribai: üyiledüqči türgen tüdün üyiled zangšın ĵala öüni bayan ed ĵıryalang yamāru-yi bi nomloyo: ene zambutib-tu zangšın ĵala kemēkü mün: ene bayan ed ĵıryalang tögüsüqsen yertüncü-dü maši cuxaq bölügē yabuxui caq-tu eldeb cenggelge üyiledün: yabümü: ger-tü souxui-du nökör bōl olon-yēr kürölölün soumui:
- 11b** taryun xoni alaĵi ebden balyasun // -yēn döürgebei: ödör söni cü ügei amtatai araki uun ĵıryabai: buyani züq-tü xurān medeküi üçüüken cü ülü ködölün: ürgülĵi nüül-tei üyile üyiledün buyan-tai üyile ese üyiledbei: yadaqši odči zouryād xarcaya talbin öböünü toloyoi giškileküi niskü metü mingyād sayin mori unaĵi: mou yazar keyiskedü unal ügei dobtolun: badaraxu-yi dou yarun: caq üryülĵi tasural ügei tere metü: nüül-tü üyile eldeb üyiledüqsen kümün mün bölügē: üyiledüqči
- 12a** yertüncü-dü ülü möngköröküiün üliger inu: oi // šuyui öböün modun oula dalai cü caq-tu kürkülē: ülü möngkörön xataxui-luyā adali: amitani ülü möngköröküiyi xaraxu ögöülekü youn:: zambutib-tu ene kümün-dü eme köböün nökör sadun tögös bui bolbo ken cü nekeküi ülü üyiledün: yertüncü-dü youn bolbocu tusa ülü bolxu: öbör öböriyin buyan kilince you üyiledüqsen üyile tere öbörö öbörö odxui-du: buyan imaqta nököcöl bolxui-ēce busu: biši youn cü tusa ülü bolxu kemēn ögöülēd zangšın ĵala-yi-gi abči odboi: tende moloni toyin čidkür tedēn-ēce xayacād:
- 12b** tende // -ēce cāru oduqsan-du: tōloši ügei ere eme-noyoud: maši enelküi müreni yatulun: öböriyin xubcasu tayilĵi modun dēre ölgübei: tende moloni toyin neyileküi [=enelküi] müreni yatulxui kümün tedeni üzēd: eyin kemēn asaqbai: tani dotoro meüyal kemēkü nayiĵinar bui buyu: kemēn asaγuqsan-du: kilincetü kümün tende xariu ögüülel ügei: öbör öböriyin xubcasu tayilĵi moduni gešöün dēre ölgön: önidö udal ügei neyileküi [=enelküi] müreni yatulbai: müreni tere talaki zaxadu
- 13a** kümün busu bičiči tusburiyin nere bičiküi cü: kilince-tü kümün // tede üzēd tusburi gemšın nidün-ēce nilbusu cuburiulbai: nige nigēn üzen bida ene ödör ende ükükü bolultai kemēn ögöüledün: nige nigēn xaran önidö kücütei orkiraĵi uyilan eyin kemēn ögöülebei: amidu caqtu

- xurāqsan ed ayouurasun eme köböün uruq sadun ger balyasun kölgön-
noyoudi bida edlen bölügē: bida ene ödör ende narin tōsun metü bolxu
 kemēldün maši enelküi zobolong ene metü üzeqseni ülü bolxu
 kemēldün: kücütei ekirçi uyılan eyin gemšibeı kilince üyiledüqsen
 tamudu unan: buyan // üyiledüqsed öndör izourtan-du törökü: bidan-du 13b
 mayad kemēldün: nige nigēn deledün kereldübei: müreni baroun zügiyin
 zahadu üker toloyoyitoi nige mangyus yartān ildü kigēd mese barin: tani
 talbin üyiledküle kemēn ögöülen ötür abçi yabu kemēküyidü: müreni
 ekin-dü souqsan kümün-noyoud ayoun: nidü-bēn čirmülün üyiledçi:
 xōru urālu xaraqsan-du: usun dortoroki [=dotoroki] kümün-noyoud
 nidün-ēce nilbusu yaryan: aya yayaya kemēn souji: ene metü zobolong-
 gi medeküle youn-du buyan // ese üyiledüleı kemēn gemšin ama-bēn 14a
 oqtorıyui-du xaraji uyilabai: tegēd moloni toyin enelküi müreni yatulād:
 zōün züq-tü oduqsan-du: tabin alda örgön nige yeke gür baixu-yi
 üzebei: tere yeke güri-yin xoi-tu [=xoyitu] züq-tü nige yeke buryasun
 modun bayim töüni doro ere eme tabi üdüren souxui-gi moloni toyin
 üzēd: sedkil-dü eyin kemēn sedkibeı: ede ada čidkür mün bolxulā
 colotoı bayınai kemēn sedkibeı: tende ada čidkür-noyoud moloni toyini
 gegēn-dü ireji mürgüqsen-dü: moloni toyin eyin kemēn iröl // talbibai: 14b
 tani kilince baraqdan buyani cuulıyan tögüskü boltıya-yi: kemēn
 iröqşön-dü: ada čir[=d]kür tede moloni toyin-du eyin kemēn ayiladxabai:
 bida zambutıbiyin kümün mün bölügē: caq-tu kürül ügeı ükün ende
 irebei kemēn ayiladxaqsan-du: moloni toyin eyin kemēn ögöülebei:
 yertüncü-dü caqtu kürül ügeı ükükü buyu kemēqsan-dü: čidkür-noyoud
 moloni toyin-du eyin kemēn ayiladxabai: yertüncü-dü kümüni nere yası
 adalı-yi: tere endöüren ireji abçi iren: nere kigēd yasun endöüreqseni
 xarin talbixui-du: dolön ödör dolön soni boltolo bo [] // töüni xoyino 15a
 maxamud zun-du ün übüldü kürün xarin xariulji ülü bolxu: tere
 zabsar-tu ende colotoı souxu bui: kemēn ayiladxād basa ada čidkür-
 noyoud moloni toyini xaraji uyılan eyin kemēn ayiladxabai: üyiledüqçi
 yirtüncü-dü ed idē xurān: buyan ülü üyiledüqçi kümün tede mungxaq
 mün: üküqsen xoyino ed ayouurasui busud edlemüi: altan mönggön kigēd
 sayin kib torıyo tō ügeı yazar doro bulaba cü: bidan-du tusa xor you bese
 ülü bolxu: xoyino-ēce eme köböün // -noyoudiyin buyan nom keqseni 15b
 mandu idēn bolun tusa bolxu: idēn undān inu tere metü bui: buyan
 kilinceyin üile ödügē nebterēd ödüi: sayin mou xoyino yamāru bolxui
 ödügē bidan-du nebtreqsen ügeı kemēn ayiladxaqsan-du: moloni toyin
 ügeı sonosōd: ayoun önggö cü buuran önişiq sanād ügeı eyin kemēn
 ögöülebei: xāni xarşi-du bayani belge kemēküyın najınariyin nere
 meıyal kemēkü bölüge: ta üzebüü kemēn asaıuqsan-du tende čidkür-
 noyoud önişiq sanād bida ese medebeı: kemēn ögöüleqsan-dü: // tegēd 16a
 moloni toyin ötür yāran oduqsan-du: basa tō ügeı kilinceten-lügē
 zolıyōd: moloni toyin eyin kemēn asaıqba-yi: ta meıyal kemēkü neretüi
 sonosbou kemēn asaıuqsan-du: bida ese sonosboı: tegēd moloni toyin

- ken učiraqsan bügüde-ēce asaYuqsan-du: tede nasuda ese üzebei kemēqsen-dü: sedkil maši emgenil töröjï kilince üyiledüqçi tendeni üzēd dou yarči uyilabai: ada čidkür-noyoud moloni toyin-du eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçi xailun bü e[=ü]yiled: nige ödör-tü cü yangya
- 16b müreni xumakiyin tödüi amitan ende-ēce // getülün odxui-du: nige nigēn asaYulcaxu učir cü ügeyin tula meüyal kemēkü nayiĵinari-yin sedkildēn ese toqtōboi: kemēn ögöülēd: basa moloni toyin-du kilincetü tede eyin kemēn ayiladxabai: üiledüqçi öün-ēce xarin zambutib-tu ödö bolun: mani ger-tü ödö bolĵi: eme köböün-dü eyin kemēn zakā üge ögöüle: cayān šel buyu altan mönggön-yēr xayırcaq öüdcï: yasu barin uruq sadun kigēd nayiĵinar orilun uyilaxui doun eldeb cenggelge üiledüqsen cü: bidani čikin-dü sonostonoi: bidani sanaĵi tamuyin eldeb
- 17a zobolong öün // -ēce tonilyoxu-yi: duralaxulā: buyan kešigiyyin üyile imaqta zobolong öün-ēce tonilyon čidaxu: busu youn cü tusa ügei: kemēn bidani eme köböün-dü ögöüle kemēn ayiladxaqsan-du: tende moloni toyin kilincetü kümün-noyoudtu: ende-ēce erligiyyin öüden oyiro xolo kedüi činēn bui kemēn asaYuqsan-du: čir[=d]kür tede eyin kemēn xariulbai: zam maši xolo bui: ende-ēce baroun züq tümen tösör dourisxui-du enelküi müreni zöün züq-tü bui: üyiledüqçi erligiyyin öüden töüni üzekülē maši ayoul-tai bui: tüme üderen yeke kücütei: abur yus öüde // sakin: basa yeke tüšimed tölöši caqlaši ügei-noyoud seleme kigēd ildü beye-ēce ülü xayacoulun: sumu barin numu düürgen nasuda tere öüde sakiqsan bui: kemēn ögöüleqsen-dü: tende moloni toyin tere üge sonosöd odxulā zolyoxu ülü zolyoxu medē ügei kemēn sedkin oduqsan-du erligiyyin öüden-dü čiloun cubaq bui töüni dergede kürbei: tölöši ügei kilincetü kümün-noyoud öüden dotoro oroxui-du: moloni toyin eke-bēn kilinceteni dotoro bui buyu kemēn šinĵileqsen-dü:
- 18a kümüni beye kigēd söüder cü ülü üzeqden: tende // moloni toyin nilbusu cuburiulun soubai: erligiyyin xarši-du kilincetü kümün-noyoudi ebečitei orkin: kilince you üyiledüqsen-yēn ögöülen üyiled: kemēn asaxui dou xolo-ēce čikin-yēr sonosboi:: tende moloni toyin sedkil tasuraxuyin tödüi yaşalang törön: beye-ēce kölösü usun metü cuburin xubcasun cü norboi: tegēd moloni toyin: tende-ēce činaqši yaraqsan-du tölöši ügei kümün-noyoudi tömör čidör-yēr xošöd yurbādi yar-ēce kelkin: zamdu oroulun: kücütei köqsön tösun inu oqtorYu-yi yazar
- 18b ködölgön tösun töüni // dotoro pemakariyyin doun kigēd: xayikirun cargixui dou-tai: türgen köqsön tösutai oqtorYu-yi yazar döürüqsen-dü: kilincetü kümün-noyoud ayoun tömör čidör-töi büdürin güibeï: töüni xoyino-ēce üker toloyoi-toi tümün üdüren čidkür yartān tömör aluxa nizēd bariĵi: öbör öböri-yin üyiledüqsen kilince mün: güq deled gübde ötör abči yabu kemēküi dou nidün-yēr üzel ügei čikin-yēr sonosboi: tende moloni toyin šara üsü ködölün: ülü tālan yambar üyile bolxu
- 19a medē ügei kemēn enelküi sedkil töröjï uyilabai: tegēd erligiyyin // öüden-dü kürüqsen-dü: dolōn toxoi beyetei nige erliq: yartān nige

- seleme barin öüde sakin bosçi bayibai: tende moloni toyin erliq töün-
 ėce eyin kemĕn asaqbai: yeke tüşimel ċi erligiyin öüde sakiċi kedüi
 ċinĕn bolbo kemĕqsen-dü: tende öüde sakiċi tere eyin kemĕn
 ögüülebei: bi ene öüde sakiċi döċin ħalab bolboi: tende moloni toyin
 eyin kemĕn ögüülebei: yamāruī ħalab kemĕkü bui kemĕqsen-dü: tende
 öüdeċi tere basa eyin kemĕn ögüülebei yamāruī ħalab kemĕkü bui
 kemĕbĕsü: ene öüden-dü nige yeke ũker ċiloun bui zuzān nimegen inu
 döċin bere // bui: kilincetü kümün-noħoud ħatulun tere ċiluun 19b
 baraħdaxu-yi caq-tu: nige ħalab kemĕmüi: tegĕd basa öüdüċi tere eyin
 kemĕn ögüülebei: üyiledüċi ċi maši ariun: tögünċilen boluqsani šabi
 mün atala: youni tula ende ödö bolbo: kerbe xān sonosxulā mani šödxu
 kemĕn ögüüleqsen-dü: tende moloni toyin eyin kemĕn ögüülebei: bi
 kündüleküi yosu üyiledün: ekĕn erikĕ irelei: bi gegĕni üzel ügei ülü
 xarixu erligiyin xarši-du ilgen soyi[=o]rxo: öüdeċi ċimai cü irĕ ödüi
 caqtu: nomiyin xān bolxu üzeülüye kemĕqsen-dü: tende öüdüċi: tere ada
 ċidkür mün bolbo cü: // tere metü buyan-tai üge töüni sonosöd: 20a
 urid erliq xāni gegĕn-dü odċi eyin kemĕn ailadxabai: ħadana öüden-dü dĕdü
ħurban erdeniyin šabi: meüyaliyin köböün kemĕkü nigen xān-luyā
 zolyoxui duralaba cü: zolyon ülü ċidan ħadana öüden-dü amui kemĕn
 ayiladxaqsan-du: tere ügei xān sonosöd dotoro zalabai: te[n]de moloni
toyin nom-tu debel-yĕn y[=z]asan dotoro oduqsan-du: tende erliq xān
 moloni toyini üzĕd: alixa xabsurun širĕ dere-ėce büüċi mürgün bosçi
 bayibai: tegĕd erliq xān eyin kemĕn ögüülebei: üyiledüċi ende maši cü
 burtaq oron mün // atlan [=atala]: youni tula ende ödö bolbo: 20b
tegünċilen boluqsan amitani udurir[=d]xuyin tula ende ilgebüü ese böĝö
 sü üyiledüċi öböriyin kereq-tü ende ödö bolbou: kilinceten tamu
 dotoro düüreng bui: üyiledüċi keni ħarħan üiledküyin tula ende ödö
 bolbo: ene tamu öri cusun-yĕr buzar bolun: ödör söni ügei maši cü mou
 ünür anggilun ün ilċireqsen-ni tula: üyiledüċi-yin ariun nom-du öün-dü
 buzar ülü xaldaxu buyu: üyiledüċi ende-ėce xarın ödö bolxulā sayin
 busu buyu: kemĕn ögüüleqsen-dü: moloni toyin eyin kemĕn // 21a
 ayiladxabai: mini töröqsön eċige amidu caq-tu: ödör söni ügei küseliyin
 tabun züyil tasulun: nasuda nom kigĕd šaqšābad sakin buyan caqlaši
 ügei üyiledün: eċige eke xoyor nasuni caq bolöd: öndür izour-tan-du
 töröqsön buyu kemĕn sedkikülĕ: eċige imaħta öndür izourtandu bui
bolun: eke öndür izourtan ügei boluqsan-du: tende bi šinċileċi dam ügei
 mou zayātan-du unaqsan buyiza kemĕn sedkin: xamuq tamuyin oroni
 kerün asaħun eriqsen-dü: ken cü ülü üzen ügei kemĕqsen-dü: kilince
 üyiledüqsen inu yeke xāni gegĕn-dü // zolyol ügei ülü odaxu kemĕmüi: 21b
 yeke xān tani gegĕn sedkil-dü mini eke tere oroxu buyu: kemĕn
 ögüüleqsen-dü: tende yeke xān tere ügei sonosöd: buyan kilinceyin nere
 biċiċi-ni doudaċi eyin kemĕn zarliq bolboi: toyin öüni ekeyin nere
 meüyal kemĕmüi meüyal kemĕkü nayiċinar bui buyu biċiq dotoro üze
 kemĕn zarliq boluqsan-du: tende biċiċin tede xāni zarliq metü yāran

- güüjji: buyan kilinceyin biçiğ üzen meüyal kemēkü nere ese olun: tende biçičün tede xāni gegēn-dü irejji: meüyal kemēküi nere ügei kemēn
- 22a ailadxaqsan-du: tende moloni // toyin xān-du eyin kemēn ayiladxabai: xamuq kilincetei kümün-noyoud bügüde: ene zam dārixu atala: youni tula mini eke yaqcār ene zam-du ese irebei: kemēn ayiladxaqsan-du: tende erliq xān eyin kemēn ögüülebei üyiledüqçi yertüncü-dü xoyor züyil kümün mini dergedü ülü iredeq: töüni zaryu bi ülü medekü: xoyor züyil kümüni nigen inu: ekeyin umai-ēce yarād: nasuda buyan-du züqlen ariuna yabun: dēdü yurban erdeni-dü: takil örgön suduri-yin ayımaq bičün ungşin yar-ēce ülü xayacoulun: yadou zobolong-du
- 22b daruqdaqsani // asaran üyiledüqsen tere: nasuni caq bolumaqca öndör izour-tu törökü: basa nige züyil: burxan kigēd nomiyin cü ülü bişiren xuvaragi gübten sökön: yadou zobolong-toni tonon bulān: zabsar ügei üyiledüqsen kümün tere: nasuni caq bolumaqca: nige aqşin-du cü ülü tüden zayāni kei köjji: ayous tamudu unaxu: tere kümüni zaryui cü bi ülü medekü: kemēn ögüüleqsen-dü: tende moloni toyin xāni ögüüleqsen üge töüni sonosöd: nidün-ēce nilbusu xura metü asaxaroulun: yeke uyilabai:: tegēd moloni toyin eyin kemēn ögüülebei: maşi emgeniküi
- 23a yaqca eke xamiyā // oroşiqson: tere oroni bi: sonosun üzekü xubi ügei bolultai kemēn ögüülēd: erligi enelküi üge-bēr ama oqtoryui-du züqlen uyilaqsan-du: tende üküliyin ezen tere enelküi üge töüni sonosöd: üküliyin ezen tere cü nidun-ēce nilbusu yaryabai: xarin basa buyan kilince xoyoriyin nere biçičini doudan zakiqsan-du: biçičini tede yāran güyji bičigiyin balyasun-du odöd: uridu xoi-tu biçiğ bügüdei üzebei: meüyal kemēkü nere odöd yurban jil bolji kemēn xān-du ayiladxabai:
- 23b tende moloni toyin ekeyin sonosöd: ama oqtoryui-du xaraji uyilan // aya yaqca eke-lügē zolyoxui: arya youn bui kemēn nidü nilbusun-yēr düürgeqsen-dü: üküliyin ezen eyin kemēh ögüülebei: üyiledüqçi xayilun bü üyiled: ende-ēce töşör činaqşi ödö bolji: mör tabun ündüsünü ezen oboyor čiloun toloyoi-luyā zolyon üyiled: üyiledüqçi ekēn xamiyā axui oroni töün-ēce sonosxu boluyu kemēn ögüüleqsen-dü: tende-ēce moloni toyin ötör yāran odji: mör tabun ündüsünü ezen oboyor čiloun toloyoyituyin dergede kürüqsen-dü: mör tabun ündüsünü ezen töüni
- 24a yabudal cü şürüün: altan toborou-tai // nigeni ümüsün: yartān yal metü badaraxui nige ildü bariqsan: ögüüleküi doun inu kluyin doun metü yazar cü ködölün: nidü-bēn telen gilayiqsan inu cakilyān metü bükün-dü töüni üzekülē jügüürken ayouxu metü:: töüni baroun zöündü tabun zou üderen souqsan kümün tede: maşi ötör ebden alxuya üzeqden: zarim inu kümüni gedüsü cubun züreken cü yaryan: zarim inu amidu kümüni yasu möljin kemeliküyidü: kilincetü kümün tede ülü tesün yo yo xalaq yayalai ebei abuyai kemēn zobon üyiledüqsen: mou doun
- 24b oqtoryui yazar düürküi // sonosboi: tende moloni toyin tedeni üzēd: maşi ayoun sedkil cü yangsarabai: tende moloni toyin tede bügüdetei mör tabun ündüsün ezen oboyor čiloun toloyoi-tu-du eyin kemēn

- ögüülebei: yeke tüşimel či tōloši ügei Ʒalab-tu ene oron-du orošin: xamuq amitan tusburi mör tabun ündüsün-dü odxui-du mini eçige esürüni xān bolun: mini eke xamiyā oduqsan oroni ese olboi bi sonoşxui-du yeke tüşimel çimai: mör tabun ündüsün-dü erkeşiqsen kemēn ögüüleküi-dü: bi xolo-ēce irebei: mini eke xamiyā oduqsani nada mayad ögüülen // soyirxo kemēn iröl eyin kemēn talbibai: yeke tüşimel 25a
çini xamuq kilince tuiydker nigen caq-tu baraqdaxu boltuyai:: kemēn iröl talbiqsan-du: tende oboyor çiloun toloyoi-tu: üge töüni sonosöd: baroun zöün-dü xarin eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçi ene metü ekeyin nere asaqxui cü maşi cuxaq kemēn ögüülen: tegēd basa oboyor çiloun toloyoi-tu: biçiči büküni doudaǰi eyin kemēn zarliq bolboi:: biçigiyyin dotoro meüyal kemēkü nere bui buyu: üzeǰi nada ötör xariu öq kemēn zakibai: ende biçiči tede cü niqta üzēd: meüyal kemēkü odöd // 25b
Ʒurban ǰil bolǰi: ödügē maşi ilerkei xab xarangyui tamu dotoro bayinai kemēn ögüüleqsen-dü: moloni toyin tere üge sonosöd: sedkil tasuraxu-
yın tödüi ebden: enelküi sedkil törön oriloxui dou Ʒarçi uyilabai: tegēd oboyor çiloun toloyoi-tu nököd selte amuyuland souqtun kemēn ögüülēd: çinaqşi oduqsan-du mangyüşiyin nige yeke xān tabun zou üdüren kümün-yēr kürēlöülün maşi ayoutai soubai: tende moloni toyin-du ügeyin xariu ese xariuluqsan-du: tende moloni toyin mangx[=Ʒ]us-noƷoud-tu eyin kemēn ögüülebei: yabuxui caq-tu nadalā // 26a
ayayoulun üyiledüqçi olon kümün-dü ögüüledün: zamdu ildü kigēd seleme öböşün metü olon bui: xolo-ēce sonoşxui-du tamuyin dotoroki Ʒaltai kei nige caq-tu: xuryuçin kürçiginen badar[a]xui dou bi sanaxulā sedkil-dü Ʒal badaramui: mangyüşiyin xān či Ʒartān ildü barin moyoi dēre soun zam xān üyiledkü böğösü: bi töğünçilen boluqsani şabi mün Ʒurban uxāni meden onöd törökü üküküi-ēce getübei: mini ekei ene ayous tamuyin oron-du axui-gi: mör tabun ündüsünü ü[=e]zen [ezen] tede ögüülebei: basa yeke tüşimed tede cü bida medekü böğösü ilgekü 26b
bölügē // kemēmēlei: ta namai xāǰi you üiledkü: yertüncü-dü kökö kököqsön-ni maşi yeke münü tula: mini eke ene ende zoboxui üge sonosöd mini maxan dotoro zobolong törön enelün emdemüi kemēqsen-dü: tende mangyus tede teyin kemēküi üge sonosöd: eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçi ene metü kündülel üyiledküi cü yertüncü-
dü maşi cuxaq: üyiledüqçi-yin ekeyin nere meüyal kemēkü mün bolxulā: bi sonosöd Ʒurban ǰil bolboi: üyiledüqçi üzeküi cü maşi berke: üyiledüqçi ayous tamu töüni üzekülē: tamu tere maşi ayoul-tai bui: dēre kigēd doru tös[=m]ör // kigēd zes toyōn kemēkü bui: töün-dü zayāni 27a
kei Ʒal asān beye büküni tüleǰi ilǰirölün çinan üyiledümüi:: üyiledüqçi-
dü bida üge ayiladxaya ende-ēce çinaqşi töğünçilen boluqsani gegēn-dü odxulā sayin busu buyu: beye deledün zobōn üiledkülē: basa moloni toyin-du mangyüşiyin xān tere eyin kemēn ögüülebei: ene öüdeyigi Ʒurban kümün nēküi-ēce busu: busu ken cü nēn ülü üyiledkü: kemēqsen-dü: tere moloni toyin asaǰbai: Ʒurban kümün kemēkü tede

- ken bui kemēqsen-dü: mangyus tere ögüülebei: nigen inu erliq xān mün:
 27b xoyoduḡar inu mör tabun mön dürseni [=ündüsüni] // ezen mün:
 ḡutayār inu čidaqči šākyamuni burxan mün kemēn ögüüleqsen-dü:
 tende moloni toyin burxan tere öüdeyigi nēn čidaxu üge sonosöd:
 mišigilzen üyiledüqsen-dü: tende mangyus tere moloni toyin-ēce eyin
 kemēn asaqbai: urida erliq kigēd mör tabun ündüsüni ezen öüde nekü
 kemēkü-dü ülü inēn: tögünčilen boluqsani nere sonosöd: tālan
 mišigilzen üyiledüqsen youn bui: kemēqsen-dü: moloni toyin eyin
 kemēn ögüülebei: urida ögüüleqsen tere xoyori bi: ülü tanixu-yin tula
 28a ese üyiledbei: tögünčilen boluqsan inu mini baqši mün kemēqsen-dü: //
 tende mangyus tere xariu eyin kemēn ögüülebei: tere metü bolxulā ötör
 tögünčilen boluqsan-ni gegēn-dü od: önidö udal ügei eke-lügē zolyoxu
 kemēn ögüülebei: tere caq-tu:: ilayun tögüsün üleqsen xos sala moduni
 dergede dörbön züyil nöködtü nomiyin kürdü ergiülün abai: tende
 moloni toyin ridi xubilyān-yēr: tögünčilen boluqsani gegēn-dü odči
 mürgüd eyin kemēn ayiladxabai: ilayun tögüsün üleqsen-dü bi olon tötoi
 sara kündülel ese üyiledüqsen-dü maši gemšimüi: bi ečige eke xoyori
 28b eriži oqtorıyui ḡazariyin muxur-tu kürüqsen // ečige esürüni xān bolun::
 eke xamiḡā oduqsan mayad ügei boluqsan-ni bi asayun: ödügē
 sonosxulā ayous tamuyin oron-du zobolong edlen buralun köböqsen tere
 üge: bi sonosöd tesül öški züreken tasuraxuyin tödüi bolun: sedkil maši
 enelbei: ilayun tögüsün ülüqsen xamuq amitani ečige eke mün böğösü:
 yamāru üyiledkülē: eke mün köböün xoyor zolyoxu kemēn
 ayiladxaqsan-du: tende tögünčilen boluqsan tere üge sonosöd: ilayun
 tögüsün üleqsen maši yeke ḡayixamšiq bolji eyin kemēn zarliq bolboi::
 29a či mini duldui töüni ötör abči odči: nigen // üzüüre sedkil-dēn sanan
 üiled: maši berke nayiman züyil arban ḡurban todxoriyin züili
 butaroulun čidaxu kemēn zarliq boluqsan-du: tegēd moloni toyin ayous
 tamuyin öüden-dü kürün: duldui ḡurban-ta xangginouluqsan-du:
 tamuyin öüden öbörön aldaran tülküür-noyoud ḡazar-tu unabai:
 tamuyin oron töüni kürē kigēd: tamu töüni dotoro-ēce tabun zou
 üderen mangyus ireži: moloni toyin-du eyin kemēn ögüülebei: bida
 xorin ḡalab boltolo ende zobolong edlen ese dousun atala: üyiledüqči
 29b ende youni tula ödö bolbo // kemēn ögüüleqsen-dü: moloni toyin
 buyantai kemēn ögüülen: tende nigen üzüür-tü sedkil-yēr tögünčilen
 boluqsani nere ḡurban-ta ögüülen: duldui nige xangkinouluqsan-du tere
 tamuyin tömör balyasuni öüden aldaran tülküür ḡazar-tu unabai: basa
 nige xangkinouluqsan-du tere tamuyin öüden cucarabai: tende moloni
toyin dotoro ülü odun ḡadana bayiqsan-du: dotoro-ēce üker toloyoi-toi
 nige mangyus ḡartān nige tömör erelbi [=örölbi] barin: ḡadana ḡarči
 ireküi-lügē zolyon: moloni toyin eyin kemēn ögüülebei: bi busuyin tula
 30a ireqsen busu: ekeyin ači cü maši // kündü müni tula: bi eke-bēn
 eriküyin tula irebei kemēqsen-dü tende üker toloyoi-tu mangyus tere
 eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqčiyin ekeyin nere youn bui kemēqsen-

- dü: tende moloni toyin meüyal kemēbei: mangyus eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçiyin ekeyin nere meüyal kemēkü mün bolxulā ödügē ilerkei ayous tamu-yin oron-du bui kemēqsen-dü: tende moloni toyin duldui xangkinoulun daruyida tamuyin öüden-dü kürüqsen-dü: tabun zou üderen mangyus öüde sakiqsan tende: moloni toyini xāji ese yabuulbai: tede moloni toyin mangyus tedeni // xaraji: yeke doun-yēr 30b
eyin kemēn ögüülebei: ene tamu mini balyasun mün: üker toloyoyitu tani yadana youn bui: youni bui: youni tula namai xāji dotoro ülü ilgekü kemēn ögüülēd: ridi xubilyan-yēr xōsun oqtoruyi-du odun: duldui xangkinouluqsan-du: mangyus ridi xubilyani üzēd sedkil ebderen: üligerlekülē yal dotoro orkiqson nüürsün metü buçiginan xuralzan e[=ü]yiledçi: yar-tu bariqsan tömör širē [=serē] kigēd zuryan üzüür-tü tömör örölbi bükün-yēn yar-ēce aldabai: tende moloni toyin eyin kemēn ögüülebei: tögünçilen boluqsan ekei xamiyā // axui-gi üzen 31a
kemēn ilgeqsen bölügē: ta youni tula zam xāji ese yabuulbai kemēn ögüüleqsen-dü: mangyus-noyoud ayoun beye kölösün usun metü asxaran nige nigēn xaraji zam xāqsan buruu bolji kemēldübei: tende moloni toyin mangyus-noyoudtu ögüülēd: inaçši odun colo ügei tamu-yin oron-du b[=k]ürüqsen-dü tamuyin balyasun-du tere tömör amui: maši öndöriyin üliger inu öülen metü ildüyin oi kigēd seleme: sumun kigēd zandayin oi ulam dabxur bui: xadxaxui xadāsun kigēd zoun maši olon bui: klu kigēd moyoi-noyoud yal // böljin: ödör söni 31b
ürgülji kürēlün asaqnai moloni toyin yurban-ta erigin duldui-bēn xangkinouluqsan-du: tömör örgösün-noyoud oqtoruyi-du takiran odboi: kilincetü ere eme-noyoudi-yin ebcöü nüküleküi öröm kigēd aluxa-noyoud xōsun oqtoruyi-du xalin: küsel-dü šilibkin bölilön ülü medeküi kilincetü ere eme-noyoudi tasulun kerçiküi tamuyin oron cü arilbai: yaliyin ulān coq dotoro oron: maxan kigēd arasun bükün iljirin: xōsun gedesün büküni tasulxui oron bükün cü öbörön arilbai: tömör jida kigēd seleme ildü // serbelzeküi kigēd zes toyōni xaloun usuni šoboun-noyoud 32a
mou dou yarun oqtoruyi-du xalin ergibei: töüni baroun zöün-dü tüme üderen kümün: toloyoyitoi kigēd baras xongšör-toi terigüütēn souqsan: tede bükün cü jügüürken ayoun sedkil cü çiçirebei: tegēd tōloši ügei olon mangyus ireji: moloni toyin-du eyin kemēn ayiladxabai: üyiledüqçi youni tula tende ödü bolboi kemēqsen-dü: moloni toyin eyin kemēn ögüülebei: bi // busudiyin tula busu: eke[=ē]n tamuyin oron-du buyigi 32b
sonosçi: ödügē ende eke-bēn eriküyin tula ireqsen bölögē kemēqsen-dü: tende (tende) mangyus-noyoud eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçiyin ekeyin nere youn bui kemēqsen-dü: moloni toyin ögüülebei: mini eke-yin nere meüyal kemēbei: yeke tüşimel-noyoud ta dotoro odçi: mini eke doudan nadalā zoļyoulun üyiled: kemēqsen-dü: tede mangyus-noyoud üge töüni sonosöd: tamuyin dotoro odçi: ende meüyal kemēkü nayijinar // bi bui you üyiledkü kemēbei: tende mangyus-noyoud eyin kemēn 33a
ögüülebei: yadana nige dgeslong ireji: mini eke meüyal kemēkü ende

- bui doudaʃi ire kemēbei: kemēqsen-dü: eke ögüülebei: tere metü toyin boluqsan köböün ügei kemēbei: tende mangyus-noyoud tere üge köböün-dü ögüüleqsen-dü: moloni toyin eyin ögüülebei: mini ücüükeni nere lapuq töröqsön kemēmüi: yeke bolöd toyin nere: meüyaliiyin köböün kemēqsen-dü: tende mangyus tede xarin dotoro odçi: zanggi
- 33b töüni ögüüleqsen-dü // ödügē yayam kemēgēd mini köböün mün kemēbei: tende mangyus-noyoud nizēd zöü barin: meüyaliiyin beyedü yurban zoun jıran xadāsu xadan axui-gi: mangyus tede tamuyin dotoro-ēce yarıyaʃi: köböüni dergede abçi abuxui-du meüyaliiyin xōloi inu altan utasu sungyaqsan metü: yabuxui-du üye gešöü inu tabun zoun terge nige caq-tu çirüqseni dou yarıun: alxudal cü alxun ülü çidaxui-gi: mangyus-noyoud çirçi öüdeni yadana köböün-ni dergede abçi irebei::
- 34a tende moloni toyin ekeyin // üzēd: nidü nilbusu yekede cuburiulun eyin kemēn ögöülebei: mini yaqca eke tamuyin oron-du unan mingyan jiliyin kilince arilbuu kemēn sedkikülē: ödügē ese arilun yesün sübe-ēce cusu cuburin amui: basa uridu töröliyin kilincetü üyile ese dousun: xaram kigēd tacāngyui sedkil ese baraqqan: ödügēd tabun zoun terge çireqsen dou yarıumui:: eke yamāru jıryalang edleküi caqtu ger zoura yabuxui-du kib köšögö kigēd: eldeb buduq-tu kib-yēr çimeʃi yabun
- 34b bölügē ödügē tamu ende ire[=ē]d: // yurban jil ese bolun atala: ene beye yurban mingyan jil boluqsan metü ölö[=s]kü undāsxu bolʃi: bi gertü ödör büri idē undān yaqca eke çimadu zorin ögüüleqsen töüni cü: ese olbuu yamāru bolboi kemēn ögüüleqsen-dü: tende köböüni ögüüleqsen üge sonosöd mingyan tömör xadāsun-yēn çirün eyin kemēn ögüülebei: köböün üküküyin üyile üyiledçi ödügē ken-dü ken ögün: tamuyin oron-du ariki kigēd yuliri bi ese sonosun atala: köböün çini nasuda ger-tü idē
- 35a undān ögüqsen tere tusalan kündüleküi // nereyin tödüi mün ariki kigēd yulir tōloši ügei öqböcü tusa you bese ese bolboi: çidaxulā dēdü nom suduriyin ayımaq biçiqsen buyani ündüsüni zorin üyiledkülē: tusa töün-ēce yeke you bese ügei amui kemēbēsü: tende eke ögüüleqsen xoyino tamuyin sakousun mangyus tende öüni abçi yabu beyedü mingyan xadāsu xada kemēn ögüüleqsen-dü: üge töüni moloni toyin sonosöd: beye-bēn deledün aman-ēce eyin kemēn ögüülebei: tamuyin sakuusun-noyoud ta (du) * bi ayiladxamui: nigen züyil bui: bi ene nom-tu debel-yēn tayilʃi: ekeyin xoyino-ēce daxan ekeyin // zobolong öüni bi üzüüye kemēn ögüüleqsen-dü: tende mangyus tede eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçi çini metü kündülen tasulxui [=tusalexui] inu yertüncü-dü cuxaq bolboi: ekeyin xoyino-ēce daxan arilyaxui tere inu tere metü busu:: üyiledüqçi-dü kündülel tusalexui bui böğösü: üyiledüqçi ese gemšiułbe cü gemšikü boluyu: youni tula ekeyin zobolong üürkü: kerbe yertüncü-dü kilinceyin üyile öüni urbuulun çidaxu nigen bui böğösü: sangsar yertüncü-yin xamuq nom cü urbaxu: ülü urbaxuyin tula eke

* Вставлено сбоку.

- köbön xoyoriyin üyile tere öbörö mün: kemēn ögöülēd abçi odboi // 36a
 tende moloni toyin xarin abçi odxui üzēd beye deledün ama nidün-ēce
 cü sun [=cusun] cub[u]ribai:: tere caq-tu ilayun tögüsüqsen mayad
 oron-du souqsan: moloni toyin kündülen tusalaxui üiledün axui-gi:
 ilayun tögüsüqsen üzēd ānandai doudaǰi moloni toyini ire gekē ilgebei:
 tende ānanda dab dēre ayous tamuyin oron-du kürēd: tende ānanda
 moloni toyini doudaǰi eyin kemēn ögüülebei: moloni toyin ene metü
 enelküi üyile üyiledül ügei dēqši bos: tögünçilen boluqsan amitani tusa
 üyiledün yertüncü-dü sounai: çî ekēn imaqta uduridun ülü çidaxu: youn
 ene metü // enelküi üyiledçi: soul ügei ötör bos kemēn tögünçilen 36b
 boluqsan zarliq bolulai kemēbei: tende moloni toyin bosōd: ānandatai
 xamtu tögünçilen boluqsani gegēn-dü irebei: tere caq-tu tögünçilen
 boluqsani zuni yosun-du oron-du dörbön züyil nököd kigēd: tenggeri
 klu nayiman ayimaq-tu nom nomlon oroşiboi:: tende moloni toyin:
ilayun tögüsün üleqseni üzen mürgün tamuyin zobolong-gi bürin
 ayiladxaqsan-du:: ilayun tögüsüqsen yertüncü-dü eçige ekeyin açi maşi
 cü kündüyin tula: ödör söni ügei yaǰıran sedkil cököböi: ilayun
 tögüsüqsen xamuq amitani // eçige eke münü tula: amitan tede xoroxui 37a
 köböng böljikü metü orçilong-du orçin oroxui üyiledümüi: ilayun
 tögüsüqsen nigüülesün ayiladçi: mini eke küçir tüyidkeriyin tula ayous
 tamuyin oron-du zobolong-du daruqdan: yalab boltolo ülü yaru bögö
 sü: ilayun tögüsüqsen-ēce busu: (busu) ken cü tusalān ülü çidaxu:
 tedeni zobolong ayiladxamui: ilayun tögüsüqsen ayiladun soyirxo
 kemēgēd moloni toyin eyin kemēn ayiladxabai tusa kürgekü maşi kerbe
 [=berke] amui: tögünçilen boluqsan tamuyin oroni amitan tede eyin
 üzeqdemüi: yeke yeke tacāngyui-tai // bölilön ülü medeküi nayıǰınar- 37b
 noyoudi: tömör şirēdü kebtēǰi tömör xadāsu beyedü xadaǰi bayinai
 tacāngyui-du ülü bölilölqçi ere-noyoudtu: xayiluqsan şiremü cudxuǰi
 em[=b]cöü xotodu kigēd: arasu şürbüsün bükün ilǰireǰi bainai: ölösküi
 caq-tu xayiluqsan tömör zalkiulǰi bayinai: undāsxui caq-tu şiremen usu
 cudxaǰi bayinai: neyin [=eyin] unǰıixui-du ülü kicēqçi-ni kele sungyan
 tüleǰi: yal badaraxui tömör γ[=x]adasu-bēr xayalun: kelen-dü tarālang
 tariǰi bayinai: tedeni maşi zobon enelküi zobolong-gi: nomloǰi ögüüleǰi
 dousuşi ügei bayinai: ilayun tögüsüqsen // ordu xaşı dēre genel 38a
 sacuroulǰi: yaǰıraqsan öröşökü metü teden-dü tusalaxui ayiladxamui:
 basa xarin sanaxulā zöüdüni zobolong-du buyan oyoŋo ülü bolxu metü::
 basa nige caq-tu namai yabuxui-du nige eyin kemēbei: üyiledüqçi
ücüüken nige üzen üyiled kemēbei: tende bi yaraqsan-du: nige ere
 mangyus maşi saixan üzekülē üzeskülengtei nige xubilyan xoyino-ēce
 zou ürdeni [=üderen] daxoulǰi: tamuyin oron-du emeşiyin dotoro
 odboi: emeşiyin dotoro odöd emes-tü eyin kemēn ögüülebei: bi xān
 bolǰi xamuq amitani teqşi eçige eke // boluya kemēn sedkikülē: mini 38b
 eme mou bolun bi yaqcār bolboi: tani dotoro mini eme bolxu duratai
 bui bolxulā: mini xoyino-ēce ger-tü ire kemēbei:: tende emes tede

- gedergü uruu unan güüj̄i: ereyin dergede odun oroşiboı: tede zarim inu eyin kemēn ögüülemüi: bi cenggelgeçi mün kemēmüi zarim inu [bi] sayin mün zarim inu bi üneçi mün zarim inu bi xāni okin mün: zarim inu tüşimeliyin okin zarim inu bi biramani okin zarim inu bi xāni xatun mün kemēn ögüülemüi: kemēn ayiladxaqsan-du:: tende ilayun
- 39a tögüsüqsen tamuyin oron xamiyā bui tende ödö bolxui-du: tenggeriyin // erketü xurmusta erdeni kükür beledçi: ilayun tögüsüqseni emüne cenggelgeçi-ni yabuulād: tenggeriyin erketü xurmusta öbörön tögünçilen boluqsani nomtu debeliyin zaxa-ēce barij̄i: xoyino-ēce daxan yabubai: üligerlekülē yaqcār sara metü: arsalani yosōr yabuji tamuyin oroni öüden-dü nige caq-tu kü[r]eqsen-dü tende xayiluqsan tömör zandamani erdeni bolboı: şiremün usun bodhi sedkiliyin usun metü maşı ariun bolboı: kilince-tü amitan-noyoud üligerlekülē: yaloun noyosun kigēd
- 39b anggir metü: bodhi sedkiliyin usun dēre xalibai: ulbarin kölbörüküi // zobolong kigēd ölösküi undāsxui-bēr önidö yaşıraqsad: ilayun tögüsüqseni nigüülesküi-beř öndör izourtan-du töröböi:: tende moloni toyin-ni eke yaqcār tamuyin zobolong edlen axui-du: nige mangyus irēd: moloni toyin-du eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçi yertüncüiyin nayişinar mün kemēküi nige nayişinar:: öbörüiyin erdem ögüülen namai ab namai ab kemēn ögüülelei kemēqsen-dü: tende moloni toyin ekēn abxā odxui-du: tende mangyus nige yaliyin coqcodu: xubilji töün-dü
- 40a ken cü şidardan odçi ülü çidaxu bolboı: tende // moloni toyin töüni üzēd: sedkil tumayun mangyus-tu eyin kemēn ögüülebei: tōloşi ügei yalab-tu ene metü tacāngyui-du bölilöküi ülü meden: ödügē tamuyin oro barilduulun: ene metü zobolong edleküi oron-du soun tālaqçin kezē zobolong-ēce tonilun getülkü: kemēn ögüülēd: tende moloni toyin ölösün undāsxui-bēr yaşıraqsan abçi xāni xarşi-du dab dēde kürbei: tegēd ekedēn öküi idē erikē teqşi buyan-du odun: geriyyin ezeni öüden-dü kürçi duldui-bēn xangkinouluqsan-du: geriyyin ezen dotoro cenggelge
- 40b üyiledün souqsan yadaqşi yarçi // ireji eyin kemēn ögüülebei: üyiledüqçi caq-ēce önggöron atala: youni tula teqşi buyan üyiledkü kemēbei: tende moloni toyin eyin kemēn ögüülebei: mini eke nasuni caq bolōd ayous tamudu unaqsani tögünçilen boluqsan yaryaqsan bölügē: töüni yasun xubaxai modun metü aman xuurai utasun metü boluqsan-du: bi teqşi buyan üyiledküi caq önggöröböcü: eke ölösün undāsxui-bēr maşı yaşıraqsan-du: teqşi buyani idē erikē irelei kemēqsen-dü: geriyyin ezen tere üge töüni sonosōd: maşı yeke
- 41a yaixamşiq bolun eyin kemēn ögüülebei: // yertüncüiyin oroni xamuq amitan ülü möngkörön: youn cü ünēn busu böğösü: altan mönggön-yēr çimeqsen ger balyasun kigēd: yertüncü sangsariyyin jiryalang you üyiledbe-cü nasuni boluqsan xoyino youn cü tusa ülü bolxu böğösü: öbörüiyin zobolong-luyā barilduuluqçi kemēn [=kümün] olon: aman-ēce you bese ögüülen buyan üyiledüqçi kümün cön: xubcasun bui caq-tu ümüsün idēn bui caq-tu iden: edleküi ülü çidaxui mungxaq kümüni edi

- abçi: čidaxulā buyan xotolo tögös üyiledkülē: töün-ēce yeke tusatai ügei
 amui: nigen ödör nasuni üyile irejī: // ɣar sungyan xumixui caq 41b
 boluqsan-du: xōsun yasun-du altan mönggön kigēd: sayin kib talbibacu
 tusa you bese ügei kemēn ögüülēd: baroun zōün-dü ögüülen ötür
 üiledüqçi-dü örgün üyiled: kemēn ögüülebei: tende moloni toyin teqši
buyan üyiledüqsən idēn töüni abçi eke xamiyā axui oron-du irejī:
 öbödöq-yēn sögödön xoyor ɣar-yēr barijī: ekedēn örgübei: tende eke
 idēn töüni barijī: xaramnaxui sedkil-yēr örösün ɣar-yēr yulir töüni 42a
 nuxujī aman-du dürüqsən-dü basa kilince tüyi[d]ker-yēr // ɣaliyin ulān
 coq bolun idē iden ese čidaqsan-du: tende moloni toyin idēn töüni abçi
 kündüleküi yosōr ayiladxabaxa-yi: ebei ödügē cü küsel-tü sedkil ese
 ariluqsani tula ama xabar xoyor-ēce ɣal ɣarun idē iden ülü čidamu-yi:
 busu nigen ögüülebei: tusa kündeleküi inu yertüncü-dü moloni toyin-
ēce eke ügei: üliğerlekülē ečige ekeyin ači xariulxui-du: šoboun metü-
 bēr xariulmuyi: sögüdün kündüleküi inu kökö kökoku metü: ekēn tere
 metü maši yeke kündülen: eldeb amtatai idēni kündülel üyiledbecü: eke 42b
 ɣar-tu abumaqca: // ɣaliyin ulān coq bolun: aman xabar ɣal badarabai
 kemēbei: moloni toyin ekedēn eyin kemēn ögüülebei: ebei čini uridu
 töröliyin üyile öüni: ken cü urbuulun ülü čidamui: kemēgēd: eyin
 kemēn ögüülebei: mini eke ene tamuyin oron-du axui caq-ēce ödügē
 kürtele: maši undāsxui nige usu ögüye kemēn sedkikülē: eke-bēn abçi
 usuni zaxadu odçi: kündüleküyün yosōr ekeyin kir ukān: ekedü usu
 sedkiqsən-dü: tere caq ilayun tögüsüqsən moloni toyin-ni eke: xaram 43a
 kigēd küsel-tü sedkil ese nayirouluqsani // üzēd: nige öbösüni salā
 tasulād: tabun zou üderen turuqsan čidkür-tü xubiljī: müreni zaxadu
 usun ouxu metü üyiledüqsən-dü: tere caq-tu moloni toyin-ni eke
 dörbön züq odbo cü: čidkür tede xājī usu ese uulyabai: usun tere cü
 xaram kigēd küsel-dü bölilöküi ülü medeküyün erkēr: ɣaliyin ulān coq
 bolun uun ese čidabai: tende moloni toyin eke-dēn eyin kemēn
 ögüülebei: ebei yambar g[=k]em-yēr ene dalai müren: gün kigēd örgön 43b
 inu: uryuxui šinggeküi kigēd: baroun zōün-dü tümen bere bolun: ülü
 alzaxui yertüncüyün // oron-du ene usun kezē cü ülü baraqdaxu atala:
 eke cini xaram kigēd küsel-dü sedkiliyin erkēr: turuqsan čidkür xājī ülü
 uulyamui: tamuyin oroni kilince-tü bükün ende xuran düürebe cü eke
 čini metü mou abiyās-tai maši cön bolxu: tere metü küsel-dü ülü xaaxu
 sedkil-yēr: müren usun cü enggi-bēn düürün urusba cü: oulyan ögül
 ügei xarin ɣaliyin ulān coq bolunai kemēgēd aya ebei ene metü kümüni
 beye olōd: tere metü xaram ügei kigēd küsel-dü sedkil ödügē cü ese
 tebčikülē: kezē ödör [=öndör] izourtan-du törökü kemēqsən-dü: 44a
 tende // moloni toyin-ni eke tere köböün-ēce ičün gemšiküi sedkil
 töröjī uyilan: tere moduni [=müreni] zaxadu nasuni caq bolōd: xani
 xarši-du halugiyin gertü nige yeke xara ölöqčün-dü törön abai: tere caq-
 tu ölöqčün tere zoudaq doqšini tula balyadiyin ulus bügüde tende ese
 yabubai: tere caq-tu moloni toyin teqši buyan üiledün: gerin [=ger] töüni

- öüden-dü ireqsen-dü: ölöqçin moloni toyini nom-tu debel dolõqsan-du: moloni toyin eke müni medeji: maši yasalun enelji nidün-ēce nilbusu usun metü cuburiulbui: tegēd moloni toyin tere xara ölöqçin-dü eyin
- 44b kemēn ögüülebei: // aya ebei noxoi-du töröbö cü mou yabudali ese orkiqsoni tula: ayil xošo xamuq çimān-ēce ayoumui: öüdeni yadana sakixui-du: yadā-du kümün bükün çimai arsalan genei: balyadiyin kümün bükün cü ene metü ölöqçi-ni zoudaq doqşini inu üliġer ügei yani genei: aya ebei yayabaçi kemēn ögüüleqsen-dü: ölöqçin tere teyin kemēküi sonosōd: ögüülen ese çidaba cü öböriyin yabudaliyin yosu medeji toloyoi-bēn örgöji köböün-dü xaraçi: xoyor xa[=ā]-bēr teberin nom-tu debel dolõboi: tende moloni toyin eke-bēn xaraçi nilbusu
- 45a cuburiulun // eyin kemēn ögüülebei: ene ödör ene metü zobolong üzen atala: coqco ene youn-du ügei ülü bolxu bolunai: kemēn sedkin maši enelbei: tegēd ötör yāran ilayun töġüsüqsen xamiyā bui tende odōd: mürġün eyin kemēn ayiladxabai: ilayun töġüsüqsen mine eke tere nige ölöqçin noxoyin beye abun amui: ilayun töġüsüqsen bi yamāru üyiledkülē tonilxu kemēn ayiladxaqsan-du: ilayun töġüsüqsen eyin kemēn zarim [=zarliq] bolboi: çi ekēn zobolong-ēce tonilxui küsekülē:
- 45b yaruqsadi zalaçi döçin yeşün xonoq boltolo: suduriyin aymaq // öüni nēn unġışqani dou edlen öndör izourtan-du: odxui üyiledkülē: tere buyani cuulyan-yēr ölöqçini zobolong-ēce tonilxu boluyu: kemēn zarliq boluqsan-du: tende moloni toyin ekeyin kündülel yosōr üyiledün: burxani zarliq metü üyiledüqsen-dü: eke ölöqçini beye-ēce tonilji geriyin ezen coq oyoutuyin okin bolji töröböi: nere erdemiyin dalai kemēn xadabai: tere ilayun töġüsün üleqsen-dü takil caqlaşi ügei üyiledçi zalbarād: bi ilayun töġüsüqseni daxaxui tālamui: ilayun
- 46a töġüsüqsen namai mou // amitan-ēce tonilyoçi amuyoulang-tu amitan-du zokõqson yeke açitai: ilayun töġüsüqsen nada nom üzülün soyirxo kemēn zalbariqsan-du: ilayun töġüsüqsen ġün nom nomloqson-du okin erdemiyin dalai teriġüütēn tende cuuluqsan tenggeri kümün olon kigēd olon amitandu nomdu nomiyn nidün maši arilbai: okin erdemiyin dalai burxani şülüqleji maqtabai: tere caq-tu ilayun töġüsüqsen müşēn üyiledçi müşēqsen genel yertüncüyin xamuq oron-du tüġēmel bolboi:
- 46b tende xamuq amitan-du amuyoulang kigēd amuyoulang // caqlaşi ügei bolboi: tegēd ānanda souri-ēce bosçi burxani ölmidü mürġüd ayiladxabai: ilayun töġüsüqseni müşēn üyiledüqseni uçir udxa nomlon soyirxo: kemēn zalbariqsan-du: ilayun töġüsüqseni ānada-du zarliq bolboi: ānada moloni toyin tamu birid kigēd adousun-ēce tonilyoqson erdemiyin dalai okin ene irē ödüi yangya müreni xumakiyin tödüi yalab-ēce nõqçiqsōn xoyino: ilayun töġüsüqsen töġünçilen boluqsan dayini darun sayitur dousuqsan burxan cecey erkin kemēkü yertüncü-dü
- 47a bolxu: şaravagiyn // nõküd olon zoun byēva bolxu kemēn eşi üzüülbei: xutuqtu moloni toyin ekedēn tusalan üyiledüqsen sudur dousbai: : ::

amitani ibēl boluqsan šakyamuni burxani adistid-yēr bolbosuran
getülüqsen: yarād [=arya] yeke moloni toyin tere caqtu açitu ekēn ayous
tamu-ēce ɣarɣaqsan sudur öüni:: sayin byeva olon buyani kücün-yēr
sāral ügei xamuqtu eneriqçi: sayin oyoutuyin sayin šajin-du züreken-ēce
süzülüqçi: sayixan cü xatuni zarliq-yēr: xamugi medeqçi dēdü boqdošiyin:
xayirtu zarligiyin aršān-yēr: xara[n]gyui zügiyin amitan-noyoudi xangyan
üyiledüqçi: rab gbym za ya-yin adistid-yēr // tōm bolɣon orčiulbai: zül 47b
krim rgyamzo: tong ɣaɣcār bičibei maši: xurdun bicēçi toniltuyai::
amitan-noyoud buyan-yēr toqtotuyai: törö šajin xoyu[=o]r öün-yēr
delgerekü boltuyai:: : :

БИБЛИОГРАФИЯ

Винтерницц, 1913 — *Winternitz M. Geschichte der Indischen Litteratur. Bd. 2. Leipzig, 1913.*

Владимирцов, 1918 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от проф. А. Д. Руднева // *Известия Российской Академии наук. Пг., 1918.*

Владимирцов, 1921 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из Raṇṇatantra // *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. 5. Пг., 1921.*

Владимирцов, 1927 — *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи // *Известия АН СССР. Л., 1927.*

Зуун билиг — *Damdinsüring C.* Mongyol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orosibai // *Corpus scriptorum mongolorum. Т. 14. Ulaanbayatur, 1959.*

Кара, 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.

Лёренц, 1982 — *Lörincz L.* Molon toyin's journey into the hell. Altan gerel's translation. Vol. 1, 2 // *Monumenta Linguae Mongolicae collecta. Vol. 8. Budapest, 1982.*

Ло Чанпэй, 1933 — *Luo Charmpeir.* The Northwestern dialects of Tarng and Five dinasties. Shanghai, 1933.

Лувсанбалдан, 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975.

Махавасту, 1882 — *Le Mahāvastu: Texte sanscrit publié pour la premier fois et accompagnе d'introductions et d'un commentaire par E. Senart. Т. 1—3. Paris, 1882—1897. Société Asiatique Collection d'ouvrages orientaux, 2de ser.*

Меньшиков, 1963 — Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из дунхуанского фонда Института народов Азии) / Изд. текста, предисл., пер. и коммент. Л. Н. Меньшикова // *Памятники литературы народов Востока: Тексты. Малая серия. Т. 8. М., 1963.*

Меньшиков, 1972 — Бяньвэнь о воздаянии за милость (рукопись из дунхуанского фонда Института востоковедения). Ч. I. Факсимиле рукописи / Исслед., пер. с кит., коммент. и табл. Л. Н. Меньшикова // *Памятники письменности Востока. Т. XXXIV. М., 1972.*

Меньшиков, 1984 — Бяньвэнь по лотосовой сутре. Факсимиле рукописи / Изд. текста, пер. с кит., введ., коммент., прил. и слов. Л. Н. Меньшикова // *Памятники письменности Востока. Т. LXIX. М., 1984.*

Мифы, 1984 — *Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1, 2. М., 1988.*

Молон тойн, 1992 — *Молон тойны эхийн ач хариулсан судар. Улаанбаатар, 1992.*

Мостарт, 1937 — *Mostaert A. Textes oraux ordos. Monumenta serica. Monograph series. N 1. Veip'ing, 1937.*

Павлов, 1970 — *Павлов Д. А. Зая-Пандита — создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкой литературного языка // 320 лет старокалмыцкой письменности: Матер. науч. сессии. Элиста, 1970.*

Позднеев, 1883 — *Позднеев А. М. Монгольская летопись «эрденийн эрихэ». СПб., 1883.*

Поуха, 1967 — *Poucha P. Von Jaya-pandita zum Neukalmückischen // Archiv Orientalni. N 35. 1967.*

Ратнабадра, 1967 — *Biography of Caya Pandita in Oirat Characters // Corpus scriptorum mongolorum instituti linguae et litterarum academiae scientiarum republicae populi mongolici. T. 5. Fasc. 2—3. Ulanbator, 1967.*

Сазыкин, 1979 — *Sazykin A. G. Hell-imaginations in non-canonical Mongolian literature // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. XXXIII (3), 1979.*

Сазыкин, 1985 — *Сазыкин А. Г. Сюжет «видений ада» в монгольской литературе XVII — начала XX века // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 8. М., 1985.*

Сазыкин, 1988 — *Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М., 1988.*

Сазыкин, 1990 — *История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи / Транслитерация текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина // Памятники письменности Востока, ХС. М., 1990.*

Санжеев, 1977 — *Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.*

Стулова, 1979 — *Баоцзюань о Пу-мине. Факсимиле / Изд. текста, пер. с кит. и коммент. Э. С. Стуловой // Памятники письменности Востока, VI. М., 1979.*

Стулова, 1984 — *Стулова Э. С. Аннотированное описание сочинений жанра баоцзюань в собрании ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники Востока. 1976—1977. М., 1984.*

Тойм, 1976 — *Монголын уран зохиолын тойм. II. Улаанбаатар, 1976.*

Трипитака Тайсё — *заново составленная Трипитака годов Тайсё. Токио, 1924.*

Уэйли, 1960 — *Waley A. Ballads and Stories from Tun-huang. London, 1960.*

Хайссиг, 1954 — *Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache // Asiatische Forschungen. Bd. 2. Wiesbaden, 1954.*

Хайссиг, 1961 — *Heissig W., Sagaster K. Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten. Wiesbaden, 1961.*

Хайссиг, 1962 — *Heissig W. Helden, Höllenfahrts- und Schelmengeschichten der Mongolen. Zürich, 1962.*

Хайссиг, 1971 — *Heissig W., Bawden C. R. Catalogue of Mongol books, Manuscripts and Xylographs: Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs etc. in Danish Collections. Vol. 3. Copenhagen, 1971.*

Хайссиг, 1972 — *Heissig W. Geschichte der Mongolischen Literatur. Bd. 1. Wiesbaden, 1972.*

Хамаганова, 1986 — *Хамаганова Е. А. Сборник «Драгоценные четки» и его место в тибетской литературе: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.*

Цзи, 1957 — *Дуньхуан бяньвэнь цзи (Собрание дуньхуанских бяньвэнь). Т. 2. Пекин, 1957.*

Чэнь, 1968 — *Ch'en K. Filial Piety in Chinese Buddhism // Harvard journal of Asiatic Studies. Vol. 28. 1968.*

Шаркози, 1976 — *Sarközi A.* A mongolian picture book of Molon-toyin's descent into Hell // *Acta Orientalia*. Т. 30. Fasc. 3. Budapest, 1976.

Шмидт, Бётлинг — *Schmidt I., Bötling O.* Verzeichniss der tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg. Bd. 1.

Эйтель, 1904 — *Eitel E. J.* Handbook of Chinese buddhism. Tokyo, 1904.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сказанная Буддой Сутра об Улламбане

(перевод Л. Н. Меньшикова)

При Западной Цзинь наставник в Трипитаке Чжу Фа-ху из Юэчжи перевел.

Вот что я слышал. Однажды, когда Будда пребывал в государстве Шравасты в подаренном сироте парке Джетавана. Великий Маудгальяна впервые обрел «шесть проникновений» и захотел перевести [на тот берег] отца и мать, в воздаяние за их милость вскармливания его. И вот с помощью Глаза Пути обозрел весь этот мир и узрел свою усопшую мать, родившуюся среди голодных духов, где она не видела ни еды, ни питья, оставались только кожа да кости. Мулянь горько заплакал и, наполнив патру кашей, отправился кормить свою мать. Мать приняла патру с кашей и тут же закрыла кашу левой рукой и схватила правой рукой, но каша, не попав еще в рот, превратилась в горящие угли, и есть ее стало нельзя. Маудгальяна громко зарыдал, заливаясь слезами, и, спешно возвратившись к Будде, все изложил ему, как было здесь сказано.

Будда сказал: «У твоей матушки глубоко вошли корни греха, силами твоими, одного человека, здесь ничего не сделать. Хотя весть о твоей сыновней почительности растрогала Небо и Землю, но небесные духи и духи земли, злые демоны и стоящие на „внешних“ путях мужи [истинного] Пути и духи четырех небесных царей тоже ничего не могут поделать. Необходима могучая и чудесная сила всех монахов в десяти сторонах, чтобы ей обрести освобождение. Я сегодня изложу для тебя способ ее спасения, который позволит ей отдалиться от всех возможных бед и уничтожить все невзгоды и преграды греха».

Будда поведал Муляню: «Пусть все монахи десяти сторон в седьмую луну пятнадцатый день в час, когда их распустят, ради отцов и матерей семи поколений и отцов и матерей нынешнего времени, пребывающих в мучениях, соберут миски с едой, пятью плодами ста вкусов и питьем, ароматные масла и благовонные свечи, постели для ложа — все, что в этом мире сладко и прекрасно — и, сложив в большой таз, преподнесут высокодобродетельным монахам десяти сторон. И как раз в этот день сонмы святых: или в горах предающихся дхьяне, или обретшие плоды четырех Путей, или совершенствующиеся под деревьями, или же свободно сами себя преобразующие в шести проникновениях, Внимающие Гласу и Самопрозревшие, или же бодхисаттвы десяти

земель, великие мужи, явившие власть бхикшу, — на виду у великого сонма людей они все единодушно должны принять патры и сложить в сеть пищу, ибо на пути сонма святых, принявших обет очищения, их благость, как океан, и когда они почтут всех этого рода монахов, получивших самостоятельность, отцы и матери нынешнего времени, и отцы и матери семи [прошедших] поколений, и шесть видов родственников обретут выход из мучений трех дорог, в должный час освободятся от природой данных одежды и еды — будь то отцы и матери нынешнего времени, счастливо радующиеся своим ста годам, будь то уже усопшие и родившиеся на Небе отцы и матери семи поколений — они свободно переродятся и войдут в сияние Неба. Когда они примут безмерное наслаждение, Будда повелит всем монахам десяти сторон, чтобы они наперебой становились подносящими дарения и молились об отцах и матерях семи поколений и совершали установление в дхьяне, а после этого приняли бы пищу. Едва они примут этот большой таз, они впервые обретут покой перед пагодой Будды, а после окончания молитв монахов и сами примут пищу».

И тогда бхикшу Мулянь и сонм великих бодхисаттв на этом великом собрании все возликовали, и звуки скорбного плача Муляня таким образом были рассеяны. И в это время у Муляня его матушка в тот же день обрела освобождение от мук голодного духа в эту калпу.

И тогда Мулянь опять обратился с речью к Будде: «Отец и мать, родившие меня, ученика, удостоились воспринять силу благих заслуг Трех драгоценностей вследствие силы великой святости всех монахов. Если все ученики Будды грядущего мира будут следовать сыновней почтительности, они тоже будут иметь возможность сделать подношение этого таза — Улламбаны, спасти и перевести [на тот берег] отцов и матерей нынешнего мира, а также отцов и матерей семи поколений. Будет ли им это позволено?»

Будда сказал: «Великий в доброте, спрашивай скорее, я сразу же готов отвечать на то, что ты сейчас спрашиваешь. О добрый человек! Если будут бхикшу и бхикшуни, цари стран и их наследники — принцы, дети царей, великие сановники-министры, трое высших и сто обычных чиновников, тьмы народа и простолюдины, следующие сыновней почтительности, и все они ради родивших их отцов и матерей нынешнего времени, отцов и матерей минувших семи поколений в седьмую луну пятнадцатый день, в день ликования Будды, в день предоставления свободы монахам возьмут питье и пищу ста вкусов, сложат в таз-улламбану, поднесут отпущенным монахам десяти сторон и будут умолять, чтобы отцы и матери нынешнего времени обрели долголетие на сто лет без болезней и не имели бы никаких бед и тревожностей, и тогда

отцы и матери семи поколений отдалятся от мучений голодных духов и обретут рождение среди небожителей и счастье их будет беспредельно».

Будда объявил всем добрым людям и добрым женщинам, то есть следующим сыновней почтительности ученикам Будды: «Должно в каждом помысле всегда вспоминать подношение, сделанное отцом и матерью, а также отцами и матерями семи поколений. Каждый год в седьмую луну пятнадцатый день неизменно с сыновней почтительностью любовно поминать родивших тебя отца и мать и отцов и матерей семи поколений и ради них делать подношение в тазу-улламбане Будде и монахам, чтобы воздать отцу и матери за их милость постоянного прокормления твоего. И все какие ни есть ученики Будды должны воспринять этот закон».

И тогда бхикшу Мулянь и ученики четырех поколений, услышав сказанное Буддой, возликовали и последовали этому.

(Трипитака Тайсэ, XVI, № 685, с. 779)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Рассказ о Молон-тойне из сборника «Драгоценные четки»

Erte Raǰagriq-a balyasun-a nigen erke bayaliy gerün eǰen kiged: Mudggal qoyar-ača Lapüing neretü köbegün törölüge: köbegün-i ǰurban nasulaysan čay-tur ečige inu üküǰüküi: tere köbegün yeke boloyad: ediyen ǰurban qubi bolǰayǰu nigen qubi-yi ǰurban erdeni-de ergül: nigen qubi-yi ügegü yadayun-a öglige: nigen qubi-yi eke-yin kereglel bolyan talbiǰu bürün: bičig sanayan surur-a odoyad ergiǰü irebesü eke inu eldeb kili[n]če üiledüged ebečün kürteǰü amui: tere nayiman qonoy qubčad-iyen tayilul ügegüi-e eke-yügen ebedčilen: ǰasabasü ber tusa ülü bolun üküǰüküi: köbegün ǰurban ǰil-dür mašida qasiyudan ayad: tendeče tegünčilen iregsen-ü dergede toyin bolǰu ner-e-yi ber Ridi qubilyatu maaha-a mudgalayani kemen nereyidbei tegünčilen iregsen burqan ber // ünün-ü nom-i üǰegülügen-iyer tere arqad-un ür-e-yi olbai: ečige eke minu qamiy-a töröbei üǰegülün soyorq-a kemen öčibesü: či By-a rga ayulan-a degsi ayuluǰtun üǰekü boluyu: tere teyin üiledügsen-iyer: ečige anu Esrün-a töröged eke-yügen tamu-da törögsen-i medeǰü: ridi qubilyan-iyar ečige-yügen dergede odču učirabai: tendeče eke-degen

- oçirqu-yin tulada Erlig-ün qayaly-a-da kürbesü:: doloyan toqoi bey-e-tü nigen erlig sakin amui: tegün-eçe ayaǰu [=asayuj] tüsimel-e či ene qayalay-a-yi sakiǰu kedüi çinegen bolbai kemebesü: döçin kalab boluluy-a kemebei: kedüi çinegen-i kalab kememüi kemebesü: dörben qayaly-a-da döçe[=i]n ber-e yoǰayan çilayun bui bölüge: tegün-ü kilinçe-tü tere kümüs inaysi çinaysi getülügseger ilegeǰu baraydabasu nigen kalab kememüi kemebei: tere qayalyaçi Erlig qayan-a öçiged jolyar-a odbasu: Erlig qayan uytun mürgüǰü: masida buǰar ene oron-a yayun-u tulada
- 58a irebei ubadani-a // -a nom debel-dür çinu buǰar bolomui-ǰ-a jiči açarabasu sayin busuqu-uu kemen ögülegesen-dür: eke minu ende ireǰüküi edüge qamiy-a büküi-yi jıyaǰu ögtügei kemebei: qayan biçigçin-degen erigtün kemen ĵakirbasu: tede biçigçin eriǰü ese oloyad: Munggali qatuytai kemekü ügei bolai kemegesen-dür: tegün-e qamuy kilinçe-ten ende irekü keregtü bögetele: minu eke ende ülü irekü yayun bui kemen asayubasu: qayan ögüler-ün: qoyar jüil kümün ende ülü irekü bui: tegünü ĵaryu nadur qaray-a ügei buyu: nigen inu imaqta buyan-i üiledtü öndür iǰayur-tur törögçin bolai: nöğüge inu imayta kilinçe üiledtü ayus tamu-da törögçin bolai kemebei biçigçin uridu qoyitu qamuy biçig-degen eriged olǰu: Munggali qatuytai odoysayar ĵurban jil bolǰuqui kemegesen-dür tere ukilabai: Erlig qayan: ubadani-a ülü ukilan açarayad tabun ündüsün-ü mör-dür erkesigsen mgon diü zong gün-dür oçiraǰu
- 58b asayuytun: eke çinu qamiy-a bui-yi tere // medeǰü öggümüi kemebei: tende yayaran odçu: tedeger-eçe asayubasu: tedeger biçigçin-iyen dayudaǰu biçigçin-iyer öçigülügesen-dür Munggali qatuytai odoysayar ĵurban on bolǰuqui: edüge masi qab qarangyui tamu-dur amui kemebei: teyin sonosuyad yeke dayubar ukilan: tendeçe odbasu tabun ĵayun nökur-iyer küriyelegülügesen rags-un nigen qayan idqaysan-dur: bi eke-yügen yaryaqu-yin tula odomui ilegegtün kemebesü: eke çinu Munggali qatuytai mön ele bögesü odoysayar ĵurban on bololuy-a: tamu-yin qayaly-a-yi negeküy-e berke bolai kemebei: tegün-i ken negemüi kemen asayubasu: negen çid[aly]çi inu imayta ĵurban bölüge: Erlig nom-un qayan kiged: tabun ündüsün-ü mör-tür erkesigsen ba: tegünçilen iregsen bolai: kemegesen-dür iniyedün aldabai: yayun-dur iniyemüi kemegesen-dür: tegünçilen iregsen negen çidaqu ele bögesü minu baysi bölüge
- 59a kemen ögüleged: ridi qubilyan-iyar tegünçilen iregsen-ü // dergede odçu eke-degen uçarqu-yin ary-a-yi öçibesü: minu ene duldui-yi abçu odoytun oçiramui kemen ĵarliy bolbai: duldui-yi abçu odbasu: toy-a tomsi: ügei rayşas qayabai: tendeçe oytaryui-da qalin nisüged duldui-ban çinggilǰayulun: ene ger minügei ger bölüge: üker terigütü tan-dur yayun qaray-a kemen aytayanan iniyegesen-dür ragşas-nuyud ayujǰu ĵar[=m]-i idqan ese çidabai: tendeçe odçu ayus tamu-da kürbesü yada-yur anu eldeb mese-iyer toyoriyuluysan egülen-e kürüm-e öndür nigen temür qota bayin aǰuyu: duldui-ban çinggilǰayuluysan-dur meses-nügüd ügei bolun: tamu-yin sakiyulsud ber ayujǰu: ubadani-a-a ende yayun-u

tulada irebei kemegsen-dür: eke-yügen eriñü irebei oçirayuluýtun kemen
 jarliy bolbasu: tedeger eke-yin bey-e-de ýurban ýayun ýiran temür
 qadayasun qadaşu dergede inu çarçu irebesü: toloyai inu sümir ayula-yin
 tedüi: küjügin inu // torýan utasun-u tedüi: bey-e sümir ayula-yin
 çinegen kötelñü ülü çidan büküi-yi üjged: nilbüsün-iyen qor-a metü
 çuburiyuluysayar: eke-degen ögüler-ün: erten-ü üile-ber ene metü
 boljuqui: bi çimadur edür büri idegen umdayan-i jorişu bölüge tusa
 bolbaqu-uu eke inu ögüler-ün: tamu-degen-e idegen umdayan-u ner-e
 çü ügei bögesü ele: çinu joriýsan idegen umdayan yayun-i tusa: tegün-
 eçe buyan-i üiledbesü tusa-tu bolomui kemebei: eke-yin jobalang-i bi
 absuyai kemebesü tamu-yin sakiyulsud ögüler-ün: üile açi ür-e-yi öber-
 iyen amsaqu keregtü kemeded eke-yi inu dotayşi çirçu odbai: köbegün
 bey-e-ber-iyen yaşar taladun ukilan bükü-yi tegünçilen iregsen medeged
 dayudar-a Ananda-yi ilegeñküi: tere dayudaysan-iyar tegünçilen
 iregsen-ü dergede ireñü: eke-yi minu uduridun soyorq-a kemen öçigsen-
 dür tegünçilen iregsen ögede boloyad: tegün-ü adistid-iyar tamu-yin
 qamuy qayalyas nigen çay-tur negeged: tamu dakin busud bügüde öndür
 işayur-tur töröbei: Mudgalayani-yin // eke birid-e töröñü toyalasi ügei
 od-tur ölüskü umdayasqu-yin jobalang-iyar joban abai: Mudgalayani
 binyad abuyad: eke-dür-iyen kürgeñü ebüdüg-iyen sögüdçü ögbesü: eke
 inu ideküi-dür ýal-tu urm-a boloyad ideñü ülü bolomui: usun mören-ü
 dergede usun-i uuyulyar-a abçu odbasu tabun ýayun birid usun uuyur-a
 irekü-yi eke inu üjged: dörben jüg-tür güyün sakimui: eke-yin qaram-
 un küçün-iyer tere usun ber ýal-tu urm-a bolomui: eçi-e ene mören
 dalai-luy-a jalaladun buyu baraşu ülü bolqu bögetele tedüi çinegen
 qaramlaqu çinu yayun kemegsen-dür: eke inu içenggüreñü usun
 uuyusayar mön kü tende üküñküi: tegün eçigen Raazagriq-a balýasun-
 a Edebü-yin ger-tür nigen masi ýayuday ölüyçin noqai bolun töröged
 qamuy kümün-i ýayuqu ajuyu: tende Mudgalayani binyad-un tulada
 iregsen-dür taniyad Mudgalayani-yin dergede ireñü nom-tu debel-i
 doliyan nilbusun yaryaşu bayimui: Mudgalayani medeged yayaran
 tegünçilen iregsen-ü dergede odoyad: eke minu noqai-dür töröñküi:
 tegün-eçe tonilqu arý-a-yi // kerkiñü üiledümüi kemen öçibesü döçin
 yisün qonoy-tur sudur-un ayimay-i dayun tasural ügegüy-e unşibasun
 tonilqu boluyu kemen jarliy bolbai: Mudgalayani teyin üiledügsen-iyer:
 kümün-ü nigen üjesküleng-tü okin bolun töröged: tendече jerge-ber
 yeke kölgen-ü nom-luy-a uçıraşu bodiçid-i olbai:

59b

60a

60b

Перевод

Давно в городе Раджагрихе у богатого влиятельного хозяина
 дома и [его жены] Мунгал родился сын по имени Лабунг. Когда
 сыну исполнилось три года, его отец умер. Сын вырос и разделил
 имущество на три части. Одну часть [он] оставил на подношение

Трем драгоценностям, одну часть — на подаяние неимущим и бедным, одну часть — в пользование матери. [Сын] отправился учиться грамоте. Когда он вернулся, [он обнаружил], что его мать совершала различные грехи и заболела. Он восемь суток, не снимая одежд, лечил свою мать, но хотя лечил, [все] было без пользы, и [мать] умерла. Сын в течение трех лет пребывал в печали, а затем у Татхагаты стал тойном и был назван «Владеющий волшебством Махамаудгальяяна». В результате разъяснения Татхагаты-Буддой истинного учения, он получил степень архата. [Маудгальяяна] сказал: «Соизволь разъяснить [мне], где переродились мои родители». [Будда ответил]: «Ты созерцай на горе „Ноги птиц“ и увидишь». Он поступил таким образом и узнал, что его отец переродился в Эсруа, а мать [находится] в аду. Силой волшебства [Маудгальяяна] отправился к отцу и [с ним] встретился. Затем, для того чтобы встретиться со своей матерью, достиг врат Эрлик-хана. [Их] охранял один эрлик с телом в семь локтей. У него [Маудгальяяна] спросил: «Стражник, сколько времени прошло, как ты эти ворота охраняешь?» Когда [он] сказал, [стражник] ответил: «Сорок калп прошло». Когда [Маудгальяяна] спросил, какой период времени называется калпой, [стражник ответил]: «В четырех воротах есть камень [размером с] четыре бере. Грешники, преодолевая его, сглаживают [его], [время, за которое он] исчезнет, называется одной калпой». Этот стражник доложил Эрлик-хану и пригласил [Маудгальяяну]. Эрлик-хан, приветствуя, поклонился: «Ради чего ты пришел в эту очень грязную страну? Упаданья, твоя монашеская одежда может испачкаться, хорошо ли, что [ты] пришел?» Когда [он это] сказал, [Маудгальяяна в ответ] сказал: «Моя мать сюда пришла, сейчас где [она] находится, укажи». Хан распорядился писцам найти [имя матери]. Писцы поискали, но не нашли. Когда [они] сказали: «Нет женщины [по имени] Мунгал», [Маудгальяяна] спросил: «Если все грешники должны сюда приходить, почему моя мать сюда не пришла?» Хан ответил: «Люди двух видов сюда не приходят. Их суд мне не подвластен. Одни — [это те, кто] всегда творил добродетель и переродился на небе. Другие всегда совершали грешные дела и переродились в Аюус-аду». Писцы поискали во всех первых и последних списках и нашли. «С того времени как проходила женщина Мунгал, три года минуло», — когда [они это] сказали, он заплакал. Эрлик-хан сказал: «Упаданья, перестань плакать, встретиться с Владыкой на пути пяти основ — Мгун диу зунг гун и спроси [его]. Он знает, где находится твоя мать, и скажет [тебе]». [Маудгальяяна] туда спеша отправился, и когда у него (Владыки) спросил, он (Владыка) позвал писца. Велел писцу доложить, [писец] сказал: «С тех пор как прошла женщина Мунгал, три года минуло. Сейчас

в очень темном аду находится». Услышав это, [Маудгальяяна] зарыдал громким голосом. Когда [он] оттуда отправился [дальше], ему воспрепятствовал один Хан ракшасов, окруженный пятьюстами сподвижниками. Когда [Маудгальяяна] сказал: «Я иду, чтобы освободить мать, пропусти», [Хан] сказал: «Если твоя мать действительно Мунгал, [с тех пор как] она прошла, три года минуло; трудно будет открыть ворота ада». [Маудгальяяна] спросил: «Кто может открыть их?» — «Могущих открыть всегда было трое: Эрлик-хан, Владыка на путях пяти основ и Татхагата». Когда [Хан] [это] сказал, [Маудгальяяна] усмехнулся. «Почему [ты] смеешься?» — спросил [Хан]. «Если Татхагата может открыть [ворота], [то он] мой учитель», — сказал [Маудгальяяна]. Силой волшебства [Маудгальяяна] перенесся к Будде и спросил о том, как встретиться с матерью. [Будда] сказал: «Иди, взяв мой посох, и встретишься». Когда [Маудгальяяна], взяв посох, отправился, [ему] преградили [путь] бесчисленные ракшасы. Тогда [Маудгальяяна], поднявшись в небо, полетел и потряс посохом: «Этот дом — мой дом. У вас, бычьеголовых, что вижу?» — сказав, рассмеялся, ракшасы испугались и не могли дорогу преграждать. [Маудгальяяна] оттуда отправился и достиг Аюус-ада. Снаружи находилась высокая железная стена, достигающая облаков, окруженная различными мечами. Когда [Маудгальяяна] своим посохом потряс, мечи исчезли. Стражники испугались и спросили: «Упаданья, ты сюда зачем пришел?» И когда [Маудгальяяна] ответил: «[Я] пришел в поисках матери. Хочу [с ней] повстречаться», они к нему привели [мать], в тело матери было воткнуто 360 железных гвоздей. Голова ее была размером с гору Сумеру, шея ее была подобна шелковой нити. [Маудгальяяна] увидел, что [мать] не могла передвигать [свое] тело размером с гору Сумеру, и, проливая слезы подобно дождю, сказал своей матери: «Подобное произошло из-за прежних дел. Я тебе каждый день еду и питье предназначал, [от этого] польза была ли?» Его мать сказала: «Так как в аду нет таких слов, „еда“ и „питье“, какая [может быть] польза от поднесенных тобой еды и питья? Если бы вместо этого [ты] творил добродетель, польза была бы». [Маудгальяяна] сказал: «Я приму [на себя] эти страдания матери». Тогда стражники сказали: «Необходимо, чтобы [каждый] вкушал результат своих собственных поступков», — и утащили мать внутрь [ада]. Татхагата узнал, что сын рыдает, бросившись телом на землю, и послал Ананду позвать [Маудгальяяну]. По его зову [Маудгальяяна] к Татхагате пришел. Когда [Маудгальяяна] попросил [Татхагату]: «Мою мать соизволь вывести [из ада]», Татхагата [в ад] прошествовал и его благословением все ворота ада разом открылись. Все другие, находившиеся в аду, переродились на небе, а мать Маудгальяяны переродилась в [образе] прета и

бесчисленное число лет испытывала страдания от голода и жажды. Маудгальяна взял милостыню и, подойдя к матери и отпустившись на колени, дал [ей еду]. Но когда мать ела, [еда] превращалась в огненное пламя, и [мать] есть не могла. Когда [Маудгальяна] подвел мать к реке, чтобы напоить водой, мать увидела, что пришли 500 претов, чтобы попить воды, и [стала] охранять [воду], бегая в четыре стороны. Из-за силы жадности матери та вода стала огненным пламенем. Когда [Маудгальяна] сказал: «Магушка, эта река обширна, как море, и не может иссякнуть. Откуда у тебя такая жадность?» — его мать устыдилась, воду начала пить и тут же умерла. После этого [она] переродилась в очень злую суку в доме Эдебу в городе Раджагрихе и кусала всех людей. Когда Маудгальяна пришел туда за милостыней [и мать об этом узнала, она] подошла к Маудгальяне и начала лизать его монашескую одежду, проливая слезы. Маудгальяна [ее] узнал и спешно отправился к Татхагате. «Моя мать переродилась в собаку, что надо делать, чтобы [ее] от этого освободить?» — спросил он. [Татхагата] ответил: «Если в течение 49 суток непрерывно читать собрание сутр, [мать] освободится». Благодаря тому что Маудгальяна так поступил, [мать] переродилась, став одной прекрасной девушкой. Затем постепенно познакомилась с учением Махаяны и обрела святость.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Таблица соотношения редакций

Монгольская	Южномонгольская	Китайская	Ойратская
1	2	3	4
1—3-я гл. Два молодых человека хотят стать монахами и идут к Будде.	Сын богача после смерти отца живет с матерью. Перед отъездом из дома делит имущество на три части. Мать в отсутствие сына совершает греховные поступки. Возвращение сына. Ложная клятва матери (в ойратской версии этого нет) и ее смерть. Сын оплакивает мать.		
4-я гл. Встреча с Буддой, который делает двух молодых людей тойнами. Одного из них нарекает Сыном Меутали или Молон-тойном.	Сын идет к Будде, чтобы стать монахом, и становится им. Получает новое имя Молон-тойн (китайское Мулянь). Становится архатом.		

Продолжение таблицы

1	2	3	4
5-я гл. Разговор с Буддой. Молон-тойн спрашивает, где его грешная мать. Будда посылает Молон-тойна для созерцания на гору Катаригуд.	Молон-тойн хочет идти на гору Катаригуд для созерцания. Будда одобряет это.	Став монахом, Мулянь погружается в созерцание в Голубых горах.	Разговор с Буддой. Молон-тойн хочет узнать, где его родители. Будда посылает Молон-тойна для созерцания на гору Катаригуд.
6-я гл. Из созерцания узнает, что его отец переродился на небе в стране Эсруа.			
Из созерцания узнает, что мать переродилась в аду.	Не может определить, где находится мать, и спрашивает у Будды, который говорит, что мать в аду Авичи.	Из созерцания узнает, что мать переродилась в аду.	
Переносится на небо и встречается с отцом.			
		Отец сначала не узнает сына.	
Перечень грехов матери и заслуг отца.		Перечень заслуг отца и грехов матери.	
7-я гл. Разговор с Буддой. Молон-тойн спрашивает, как освободить мать. Будда посылает его в ад.			
Молон-тойн идет в ад. По дороге встречает различных грешников и спрашивает их, не видели ли они его мать, но ее никто не видел.			
8-я гл. Встреча с грешным брахманом.			Встреча с грешным брахманом.
9-я гл. Встреча с грешниками на берегу реки Вайтарани.			Встреча с грешниками на берегу реки Вайтарани.
10-я гл. Встреча с грешниками, еще не знающими свою судьбу.	Встреча с грешниками в узком проходе, где они ожидают решения своей судьбы.	Встреча с грешниками, попавшими в ад по ошибке.	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
10-я гл. Грешники просят передать, что накопление имущества при жизни бесполезно после смерти. Нужно совершать добродетельные дела.		Грешники просят передать родственникам, что накопление имущества при жизни бесполезно после смерти. Нужно совершать добродетельные дела.	
		Молон-тойн выясняет у этих грешников, где Яма.	
11-я гл. Еще одна встреча с грешниками, у которых Молон-тойн выясняет, где Яма.			Еще одна встреча с грешниками, у которых Молон-тойн выясняет, где Яма.
Переносится к вратам Ямы и видит множество мучений грешников.	В поисках матери Молон-тойн посещает 8 горячих и 8 холодных адов. Видит мучения грешников, стражники объясняют причину их страданий. Матери нигде нет.	Переносится к вратам Ямы и видит мучения грешников.	
Встреча с Ямой.			
12-я гл. Яма не может помочь освободить мать.	Поиски имени матери по документам. Имени нет, т. к. два типа людей не проходят перед Ямой: праведники и самые большие грешники. Следовательно, мать находится в аду Авичи.	Поиски имени матери по документам. В документах имени нет.	Поиски имени матери по спискам. В списках нет, т. к. два типа людей не проходят перед Ямой: праведники и самые большие грешники.
Посылает Молон-тойна к Арья-Балу.	Посылает Молон-тойна к Будде.	Посылает Молон-тойна к Арья-Балу (<i>кит.</i> — генерал пяти путей).	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
		<p>Молон-тойн встречается грешников у реки Вайтарани (кит. — Найхэ). Они говорят, что накопление имущества бесполезно после смерти; нужно совершать добродетельные дела.</p>	
<p>13—15-я гл. Встреча с Арья-Балу, который посылает Молон-тойна в ад Авичи.</p>		<p>Встреча с Арья-Балу, который говорит, что мать находится в аду Авичи.</p>	
		<p>Арья-Балу объясняет, что два типа людей не проходят перед Ямой: праведники и самые большие грешники.</p>	
		<p>По дороге в ад Авичи проходит четыре других ада.</p>	
		<p>Встречает Хана якшей, который советует обратиться за помощью к Будде.</p>	<p>Идет к Хану якшей и спрашивает, как открыть врата ада. Хан объясняет, что только трое могут открыть дверь: Будда, Арья-Балу и Яма.</p>
	<p>Встреча с Буддой. Будда дает свой посох, чтобы открыть врата ада.</p>		
<p>Молон-тойн появляется у врат ада и освобождает страдающих.</p>		<p>Молон-тойн открывает врата ада.</p>	

Молон-тойн просит эрлика привести свою мать. Мать сначала отказывается идти, не предполагая, что Молон-тойн ее сын. Встреча Молон-тойна с матерью.

Продолжение таблицы

1	2	3	4
17-я гл. Мать раскаивается.			
18-я гл. Эпизод Эрлика с грешницами.			
19-я гл. Будда посылает за Молон-тойном Ананду.		Молон-тойн переносится к Будде, рассказывает о страданиях в аду.	Будда посылает за Молон-тойном Ананду. Молон-тойн рассказывает о страданиях в аду. Пересказывает эпизод Эрлика с грешницами.
		Будда идет в ад и освобождает грешников.	
20-я гл. Молон-тойн спрашивает Будду, где его мать. Будда отвечает, что его мать переродилась в стране претов.	Мать Молон-тойна перерождается среди претов.		
21-я гл. Описание страданий претов.			
Сбор подаяния для матери. Попытка накормить ее и напоить водой из Ганга. Мать раскаивается и умирает. Перерождается собакой.			
22-я гл. Встреча с Буддой. Молон-тойн спрашивает у него, как освободить мать. Будда дает совет:		Встреча с Буддой. Молон-тойн спрашивает у него, как освободить мать. Будда дает совет:	
Проповедуй Учение.	Совершай добродетельные дела.	7 дней и 7 ночей Молон-тойн молится у пагоды в городе Раджагрихе.	49 дней внемли чтению сутр.
Молон-тойн выполняет требуемое.			Молон-тойн выполняет требуемое.
24-я гл. Поучения Будды. 25-я гл. Молон-тойн измеряет расстояние, на которое распространяется голос Будды.			

Окончание таблицы

1	2	3	4
Молон-тойн спрашивает у Будды, где его мать. Будда отвечает, что она переродилась как дочь богача Цог оюту в городе Кабалиг. Молон-тойн встречается с ней.		Мать из собаки становится человеком.	Мать из собаки перерождается как дочь богача Цог оюту.
Будда с улыбкой делает предсказание о будущем перерождении матери Молон-тойна на небе.		Грехи матери искуплены, и ее принимают на небе.	Будда, улыбнувшись, предсказывает ей перерождение на небе.
26—28-я гл. Поучения Будды.			

The Oyrat Version of the "Molon-toyn Story"

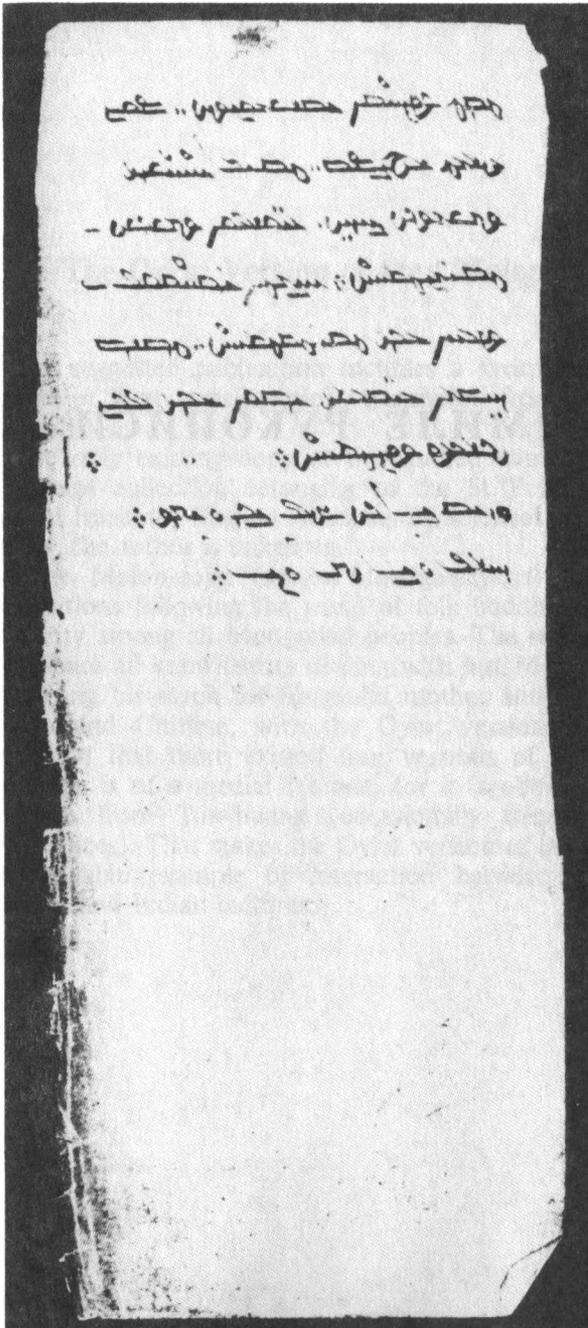
The suggested publication includes a facsimile reproduction of the manuscript, text transliteration, translation from Oyrat, commentaries and study.

The only existing copy of the studied composition is kept in the manuscript collection belonging to the St. Petersburg Branch of the Oriental Institute, Russian Academy of Sciences. It is dated of the 18th century, the author is unknown.

"The Molon-toyn (sanskrit. Maudgalyayana) story" is one of the compositions following the trend of folk buddhism and enjoying great popularity among all Mongolian peoples. The study is the first attempt to compare all known texts dealing with just Molon-Toyn's visit to the hell during his search for his sinful mother and written in Mongolian, Tibetan and Chinese, with the Oyrat version. The outcome is the conclusion that there existed four versions of the text, and that the Oyrat one is of a special interest, for it is obviously close to Chinese pian-wen from Tun-huang (occasionally there appear even literal coincidences). That makes the Oyrat version of the "Molon-toyn Story" a remarkable example of interaction between Mongolian, Tibetan, Chinese, and Indian cultures.

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ

47b



الحمد لله

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

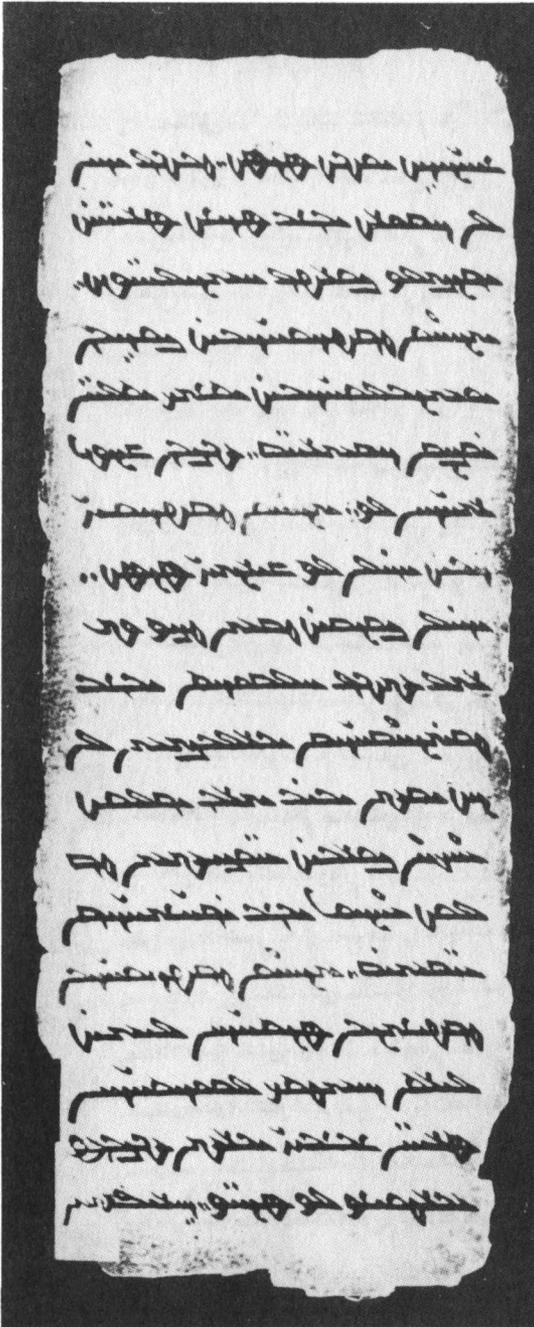
و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

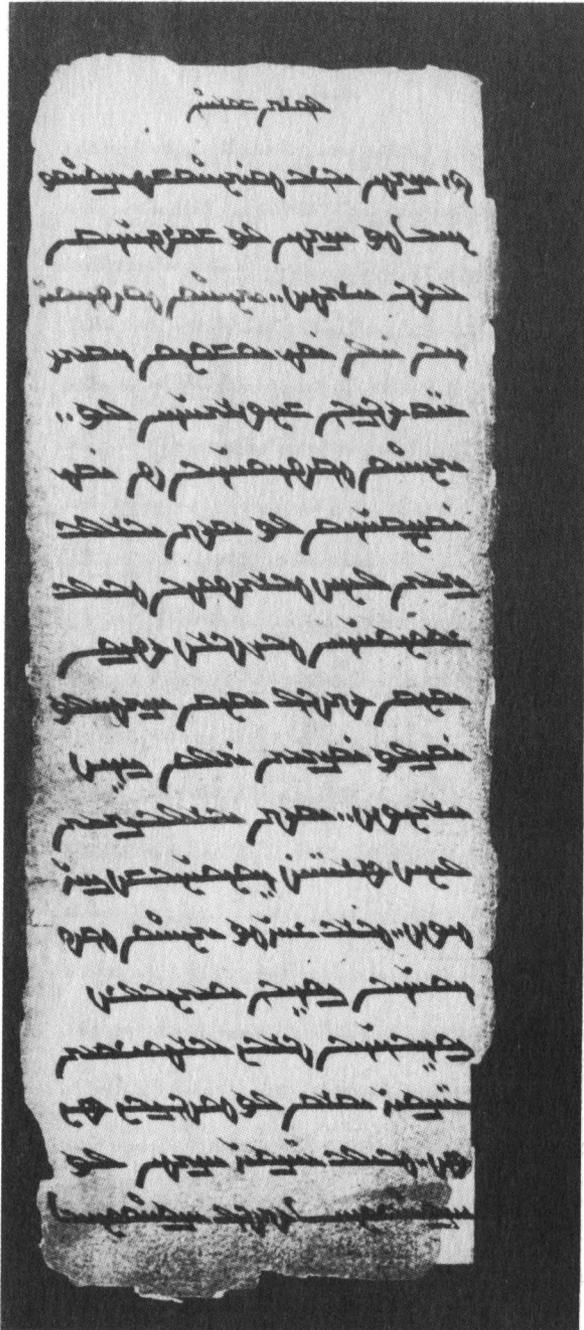
و انزلنا من السماء ماء فاصبر على ما وعدناك واثق بالله

تو واثق بالله انما الله هو الصبور

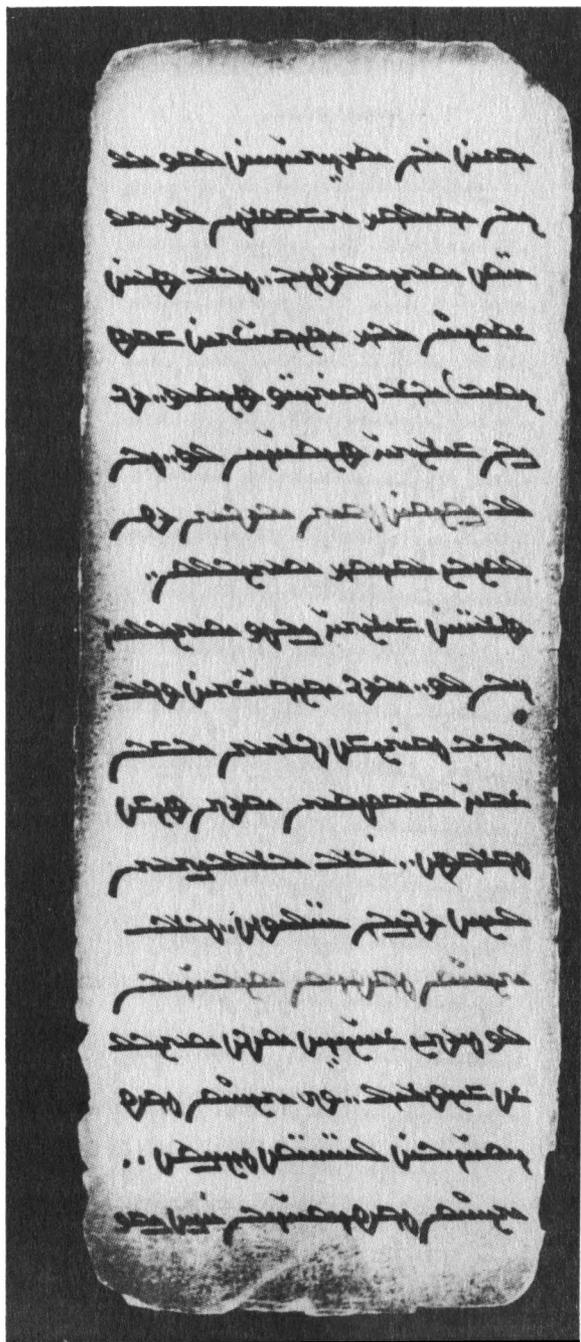
46b

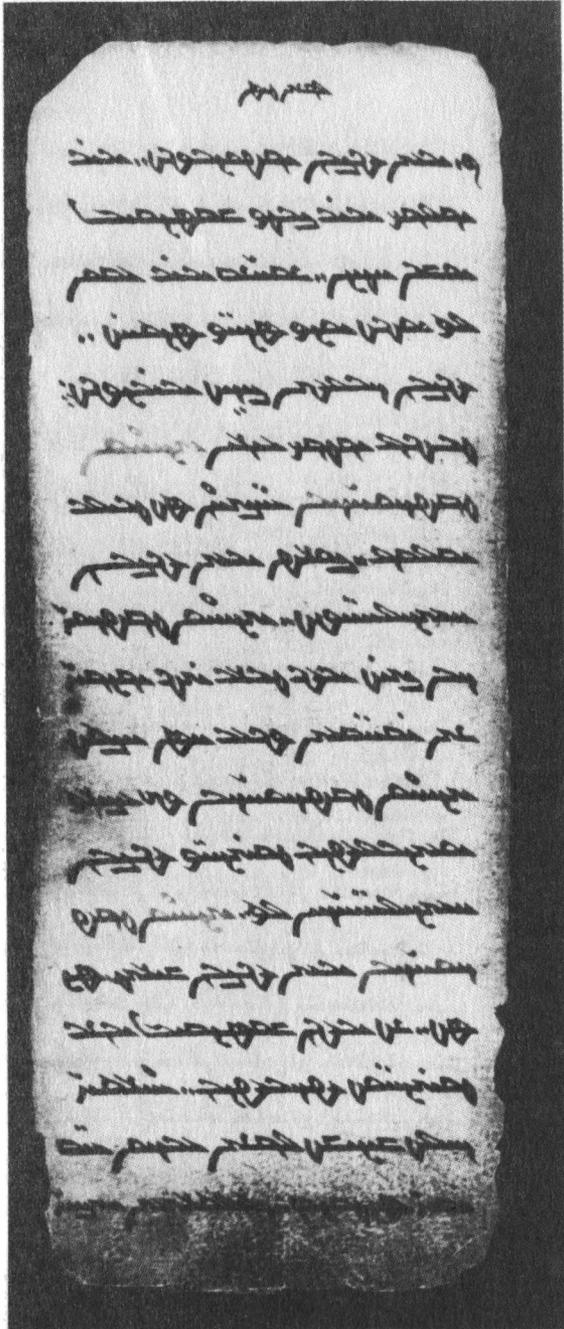


Handwritten text in a cursive script, likely Oirat, arranged in 18 horizontal lines on a vertical strip of paper. The script is dense and characteristic of the 17th-18th century Mongolian/Oirat manuscripts. The paper is aged and shows some wear at the edges.

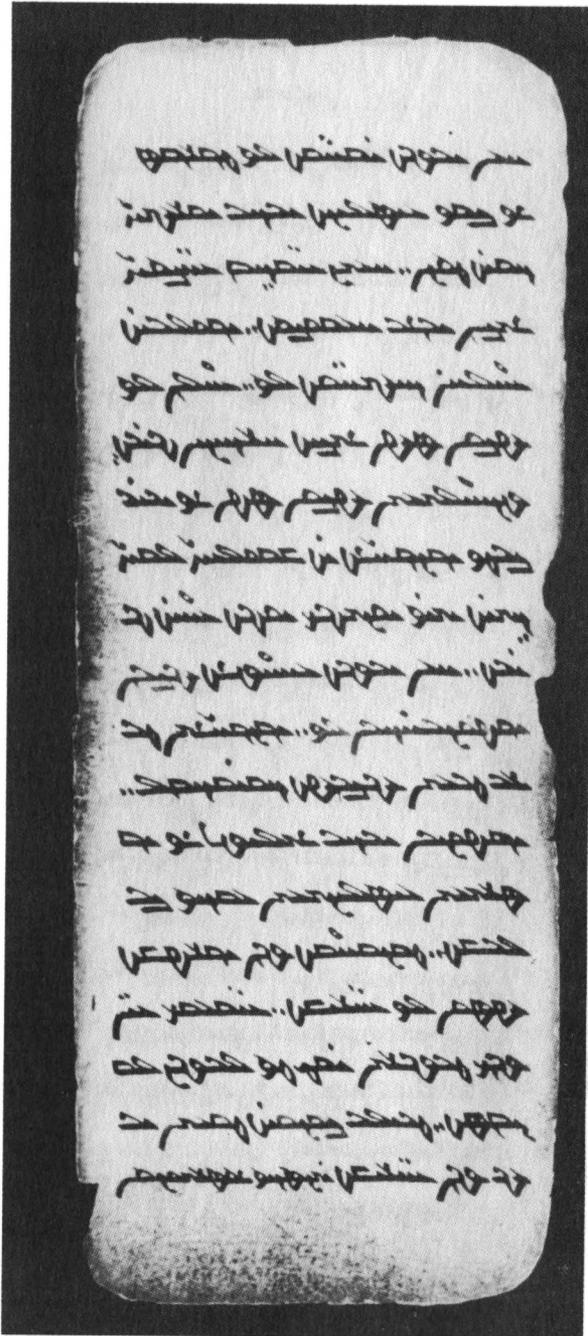


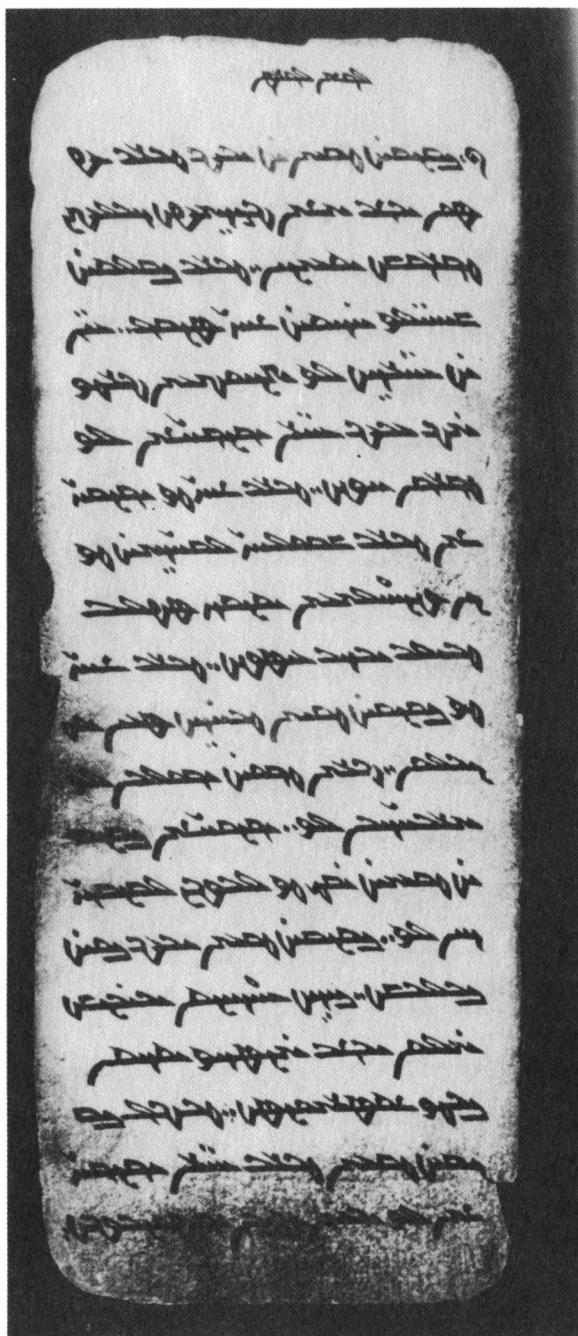
45b



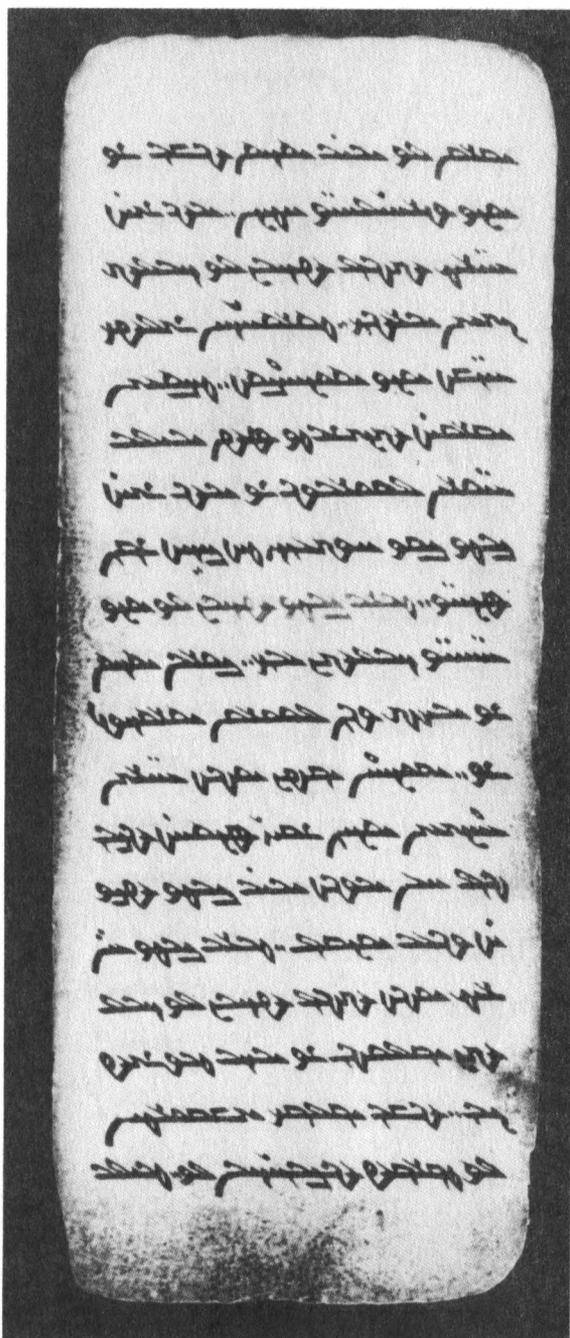


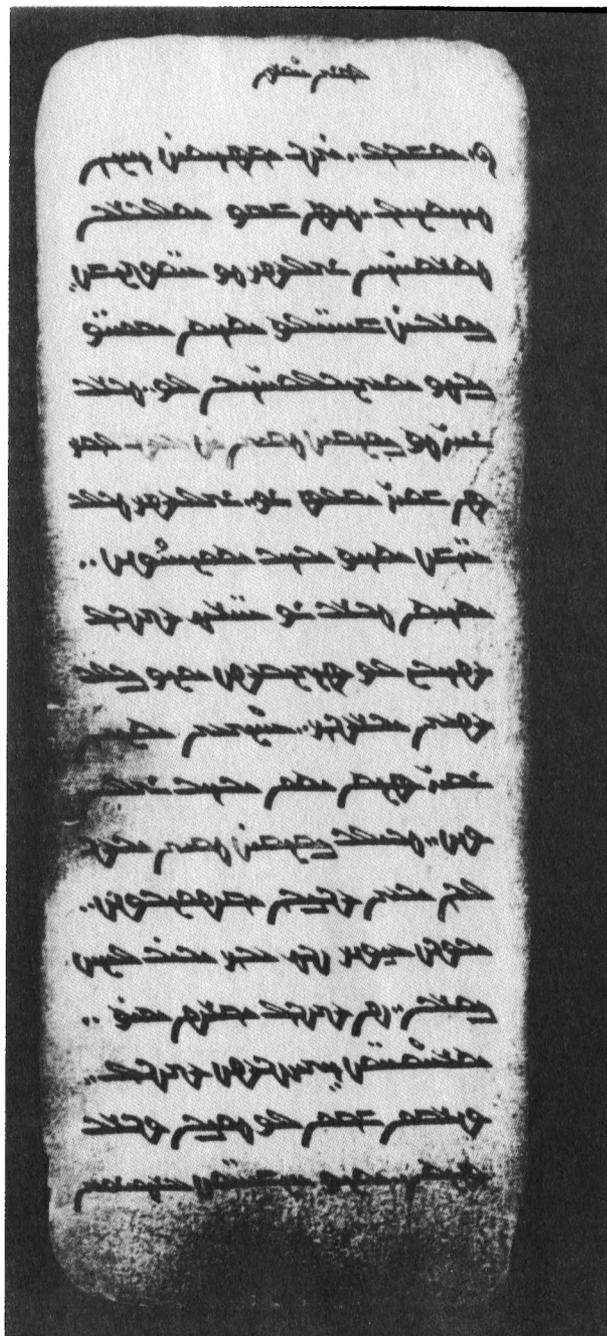
44b



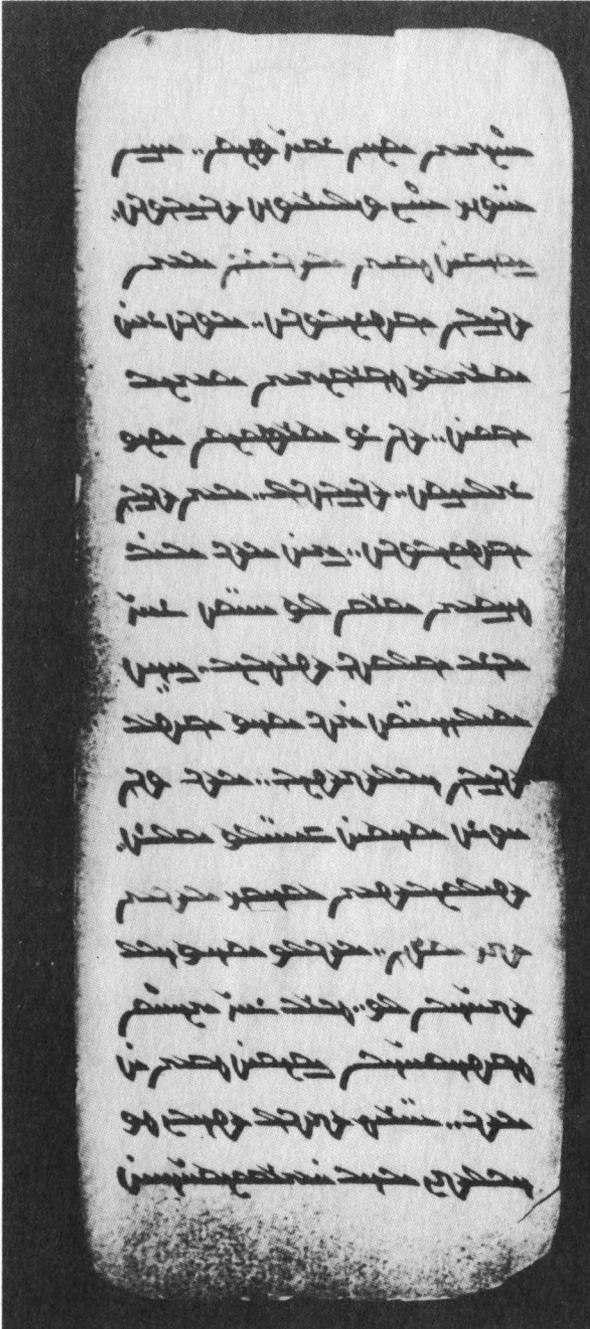


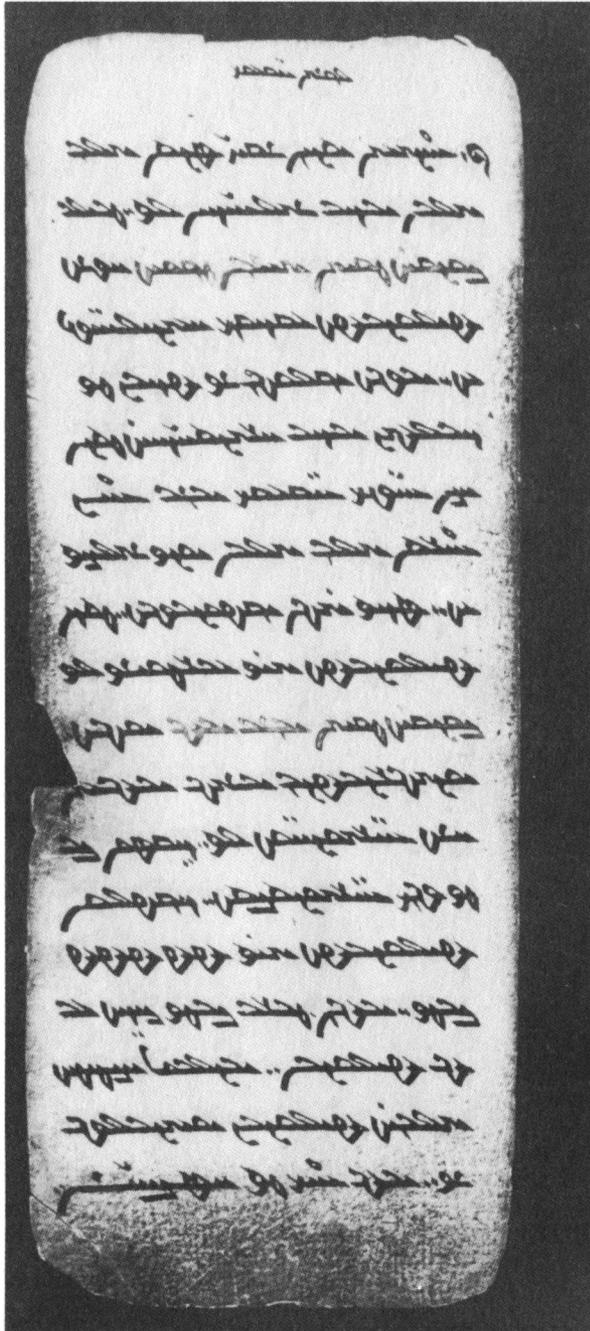
43b



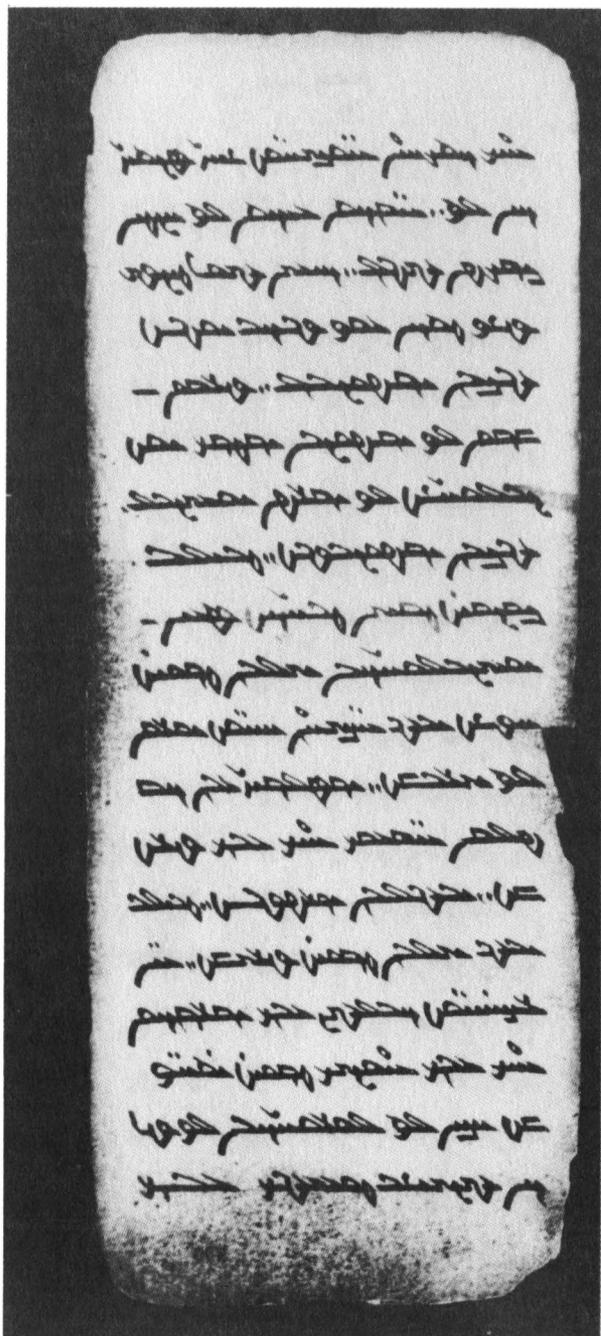


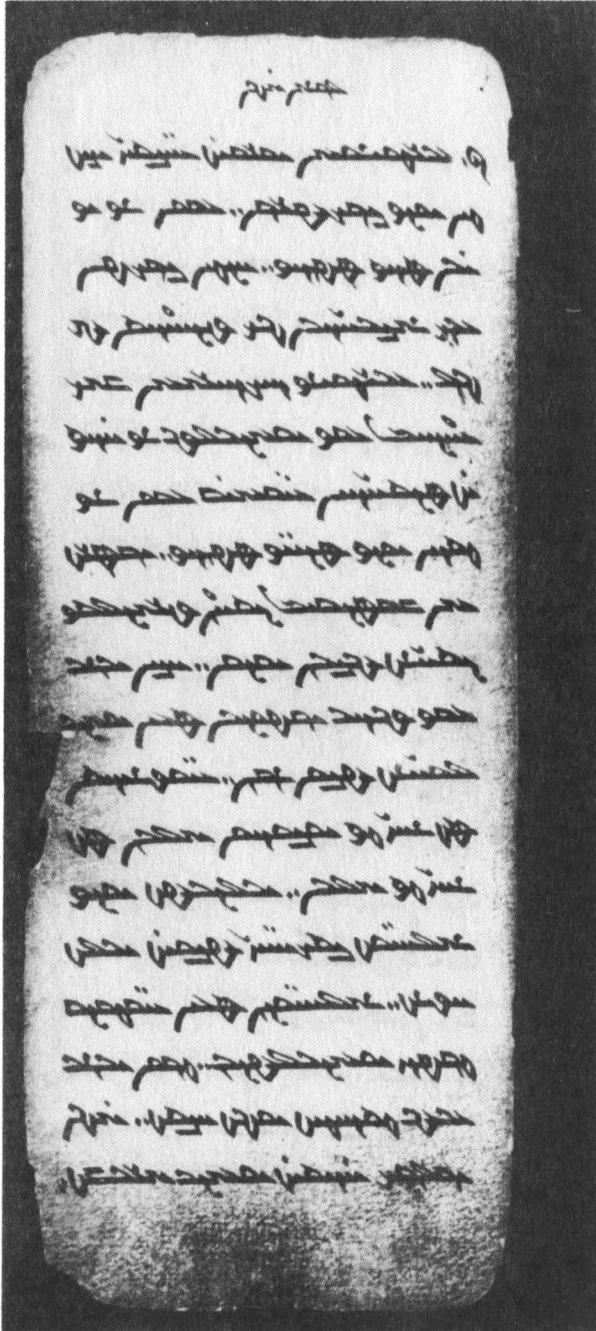
42b



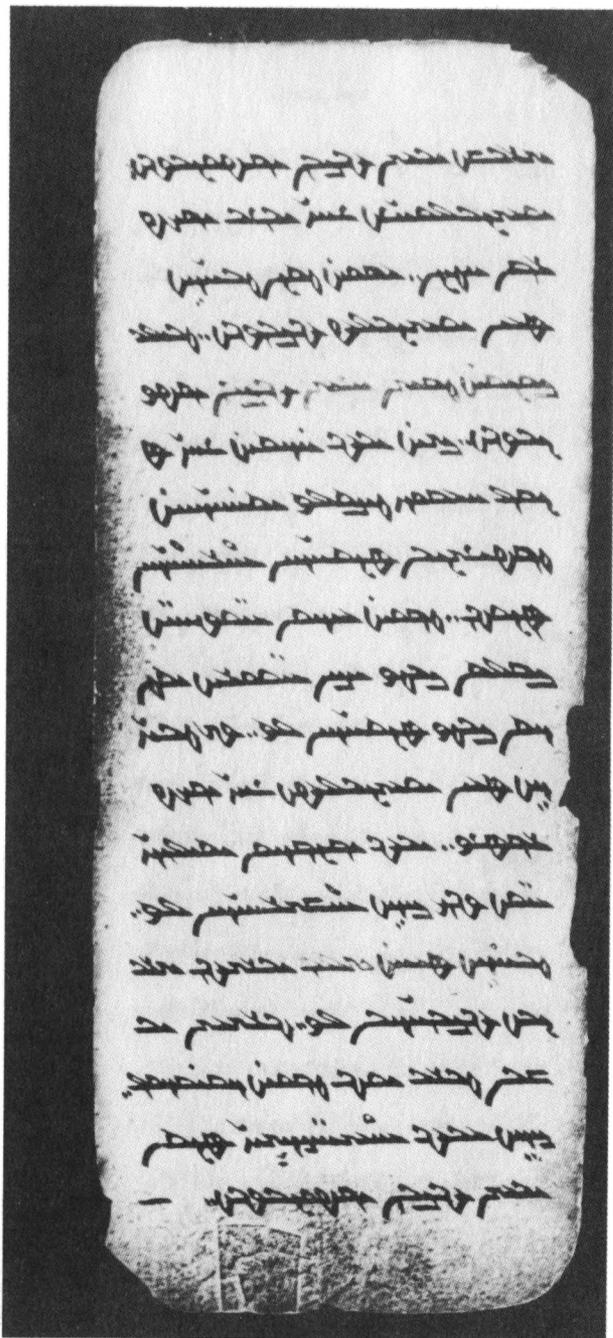


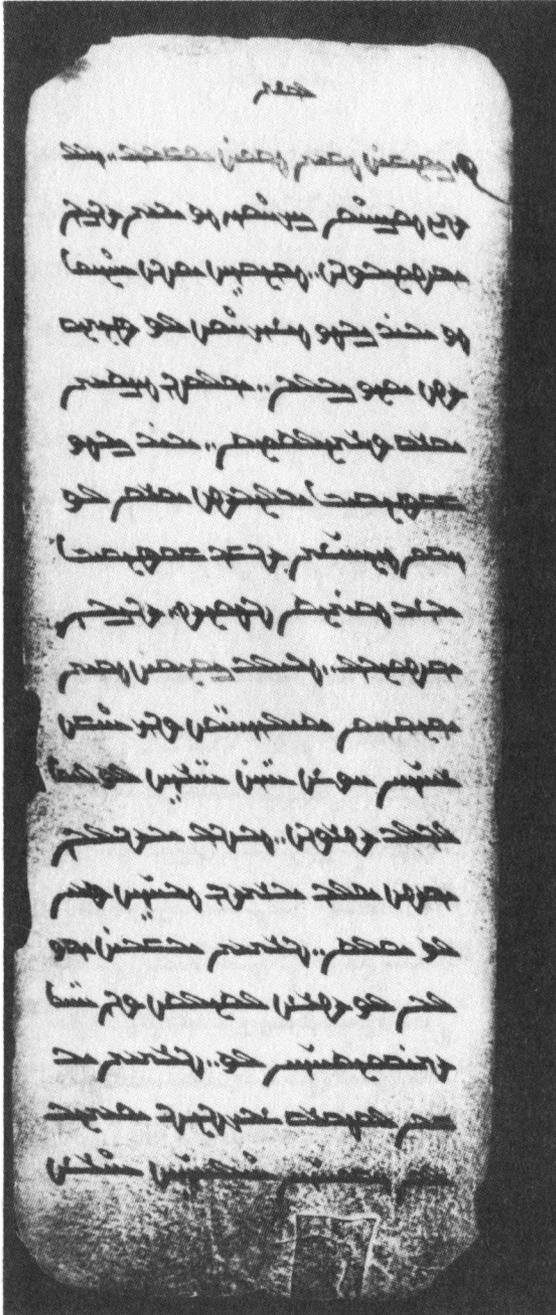
41b



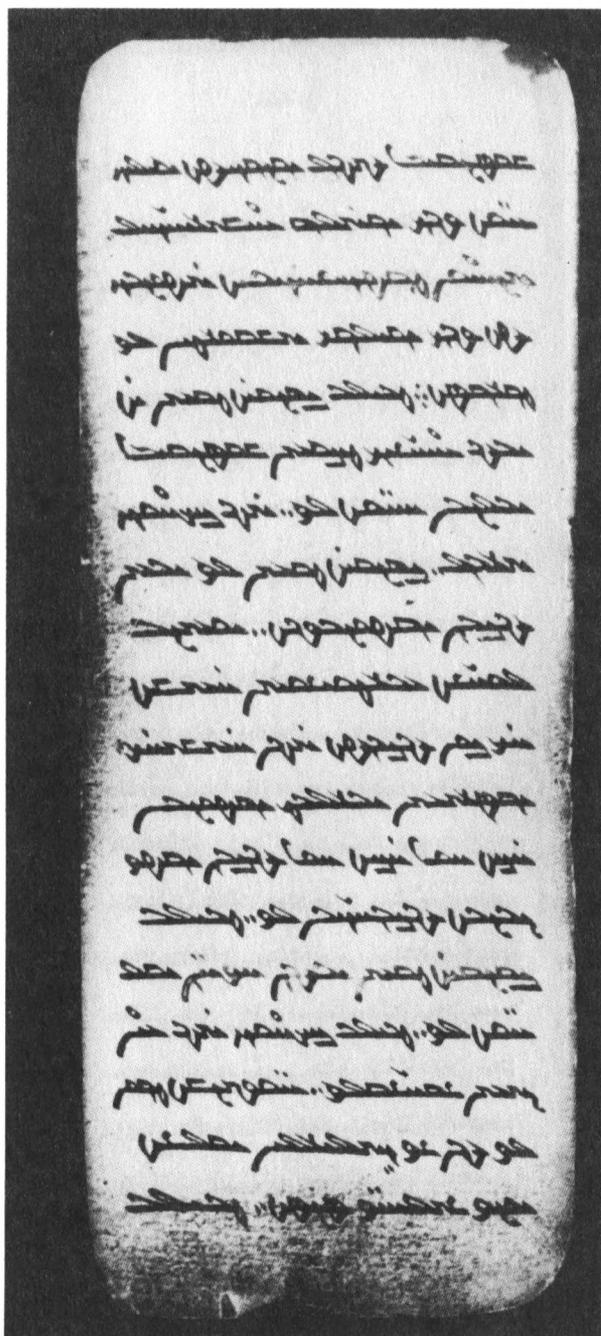


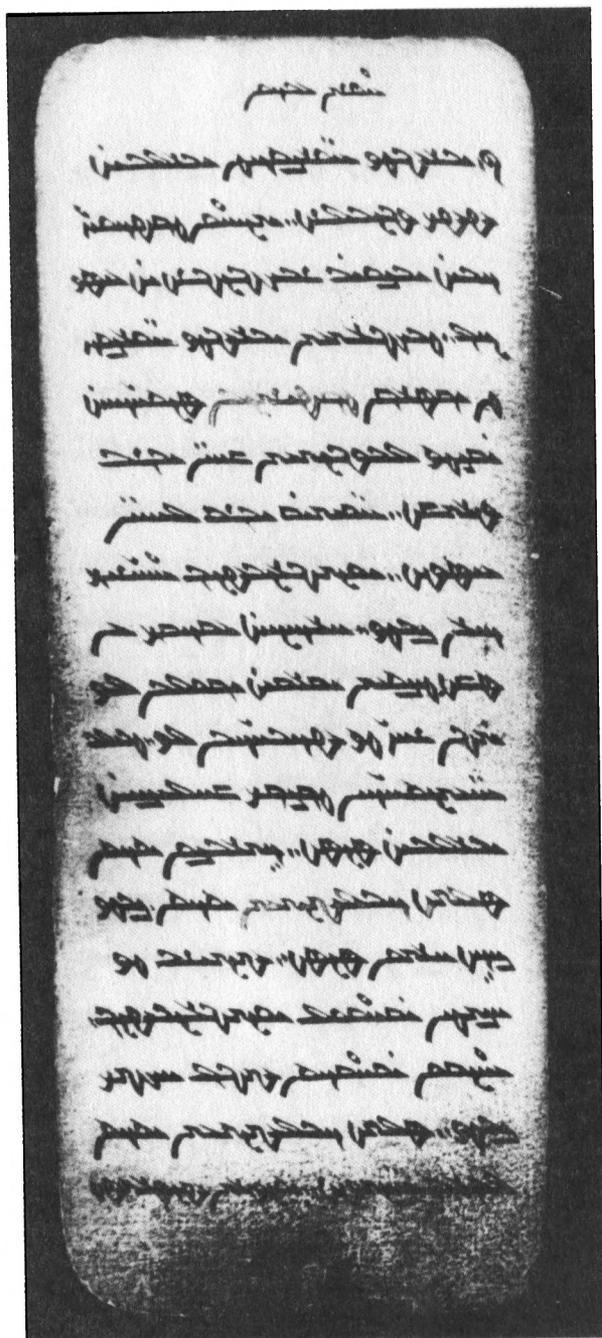
40б





39b

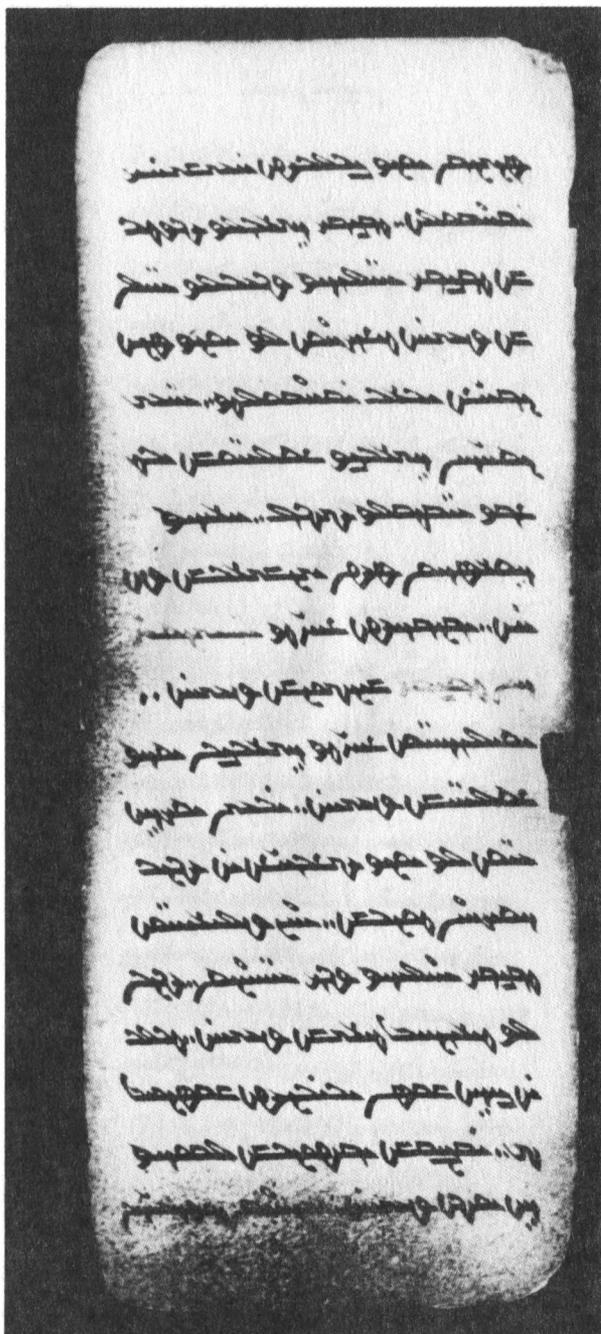


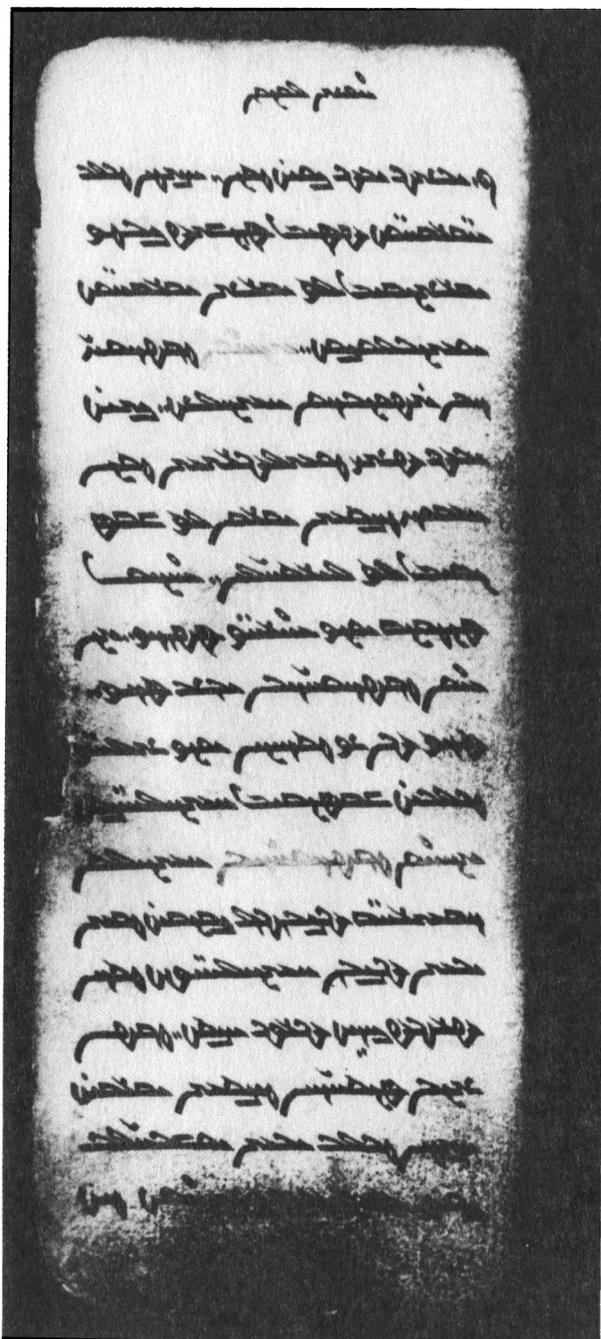


38b

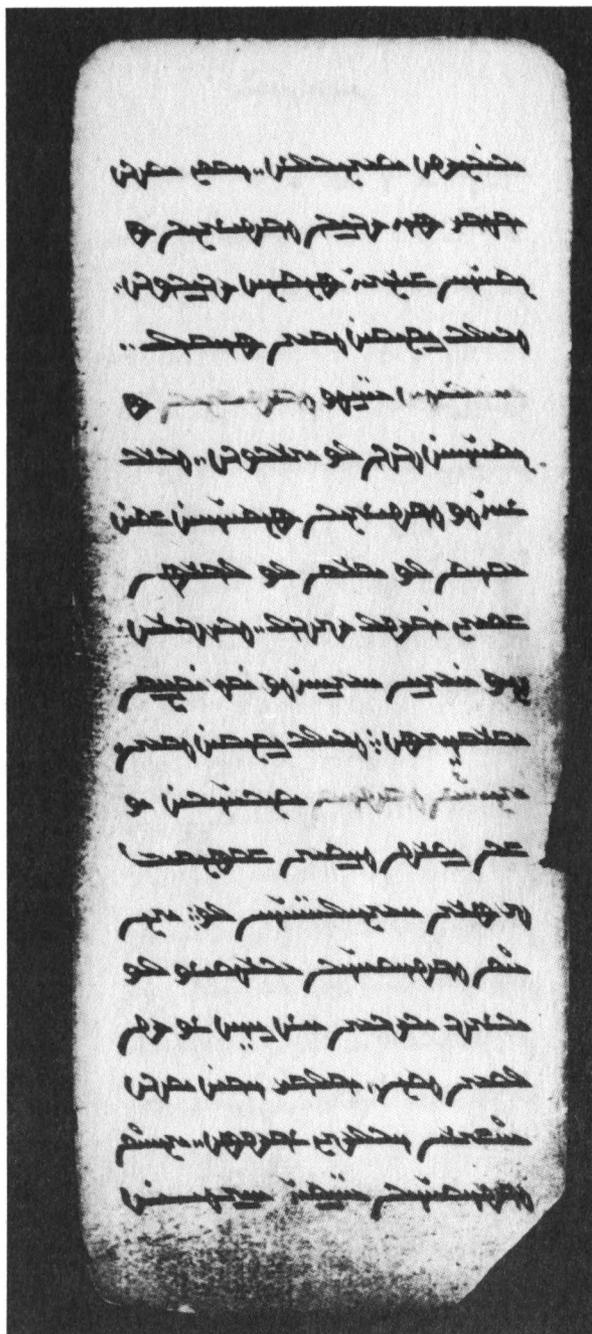
The image shows a vertical strip of a manuscript page, likely made of paper or parchment, with 18 lines of handwritten text. The script is a cursive style, characteristic of the Oirat or Mongolian languages. The text is written in black ink on a light-colored background. The strip is slightly curved and has some wear and tear at the edges. The text is arranged in a single column, reading from top to bottom. The characters are somewhat stylized and connected, typical of cursive writing. The overall appearance is that of an ancient or historical document.

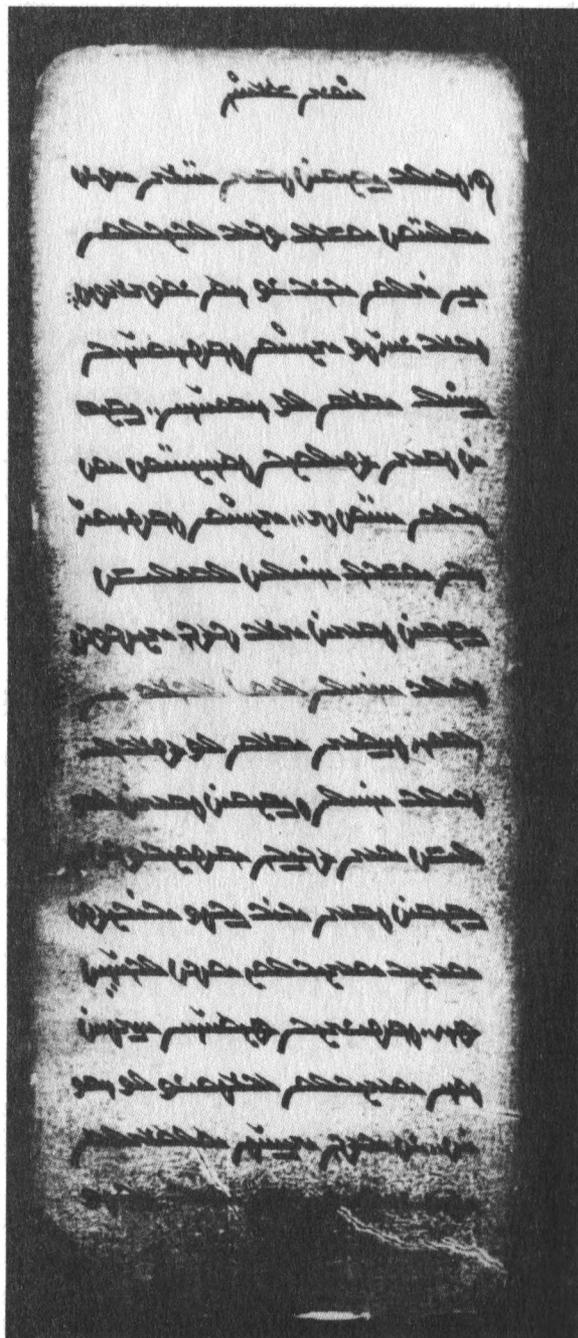
37б





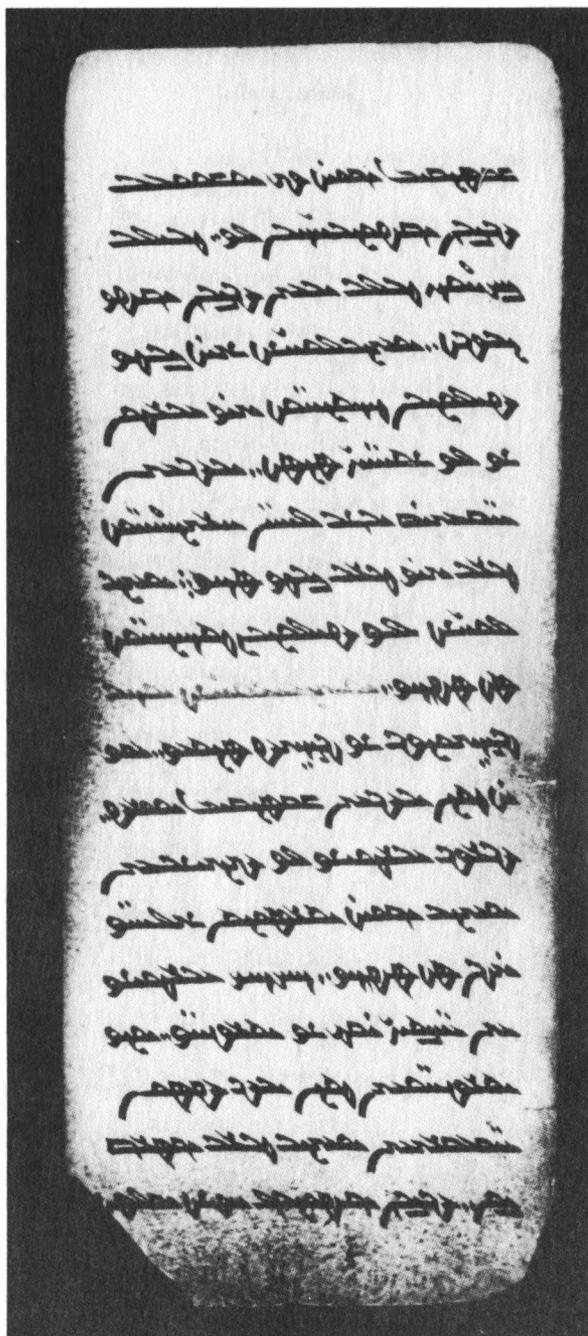
36b

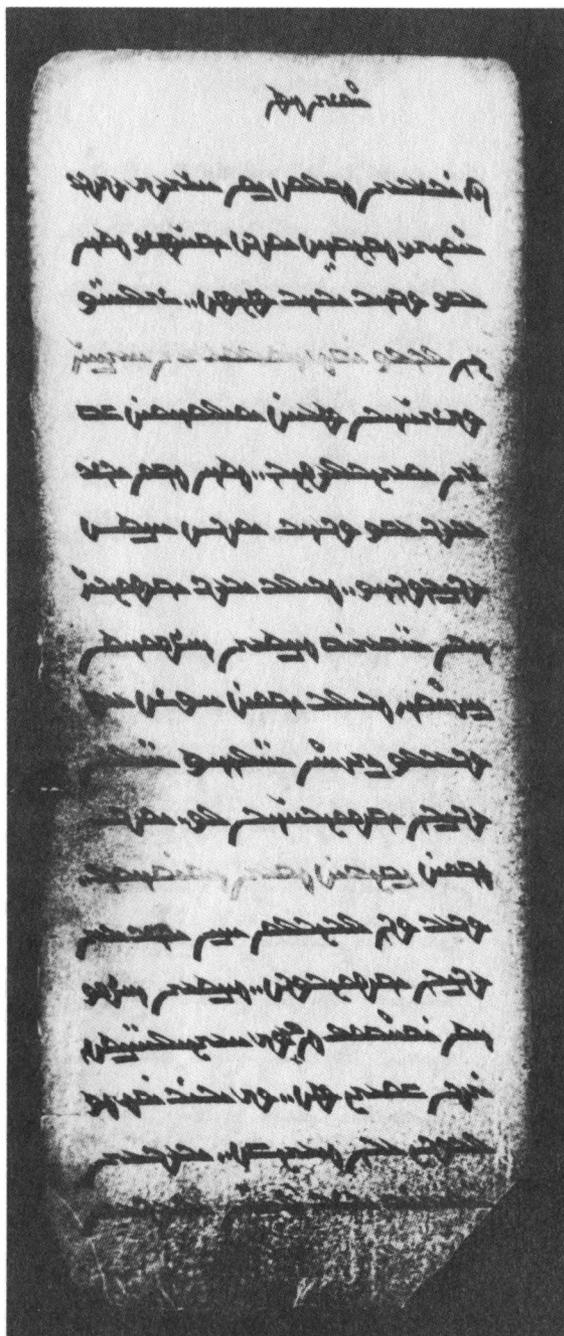




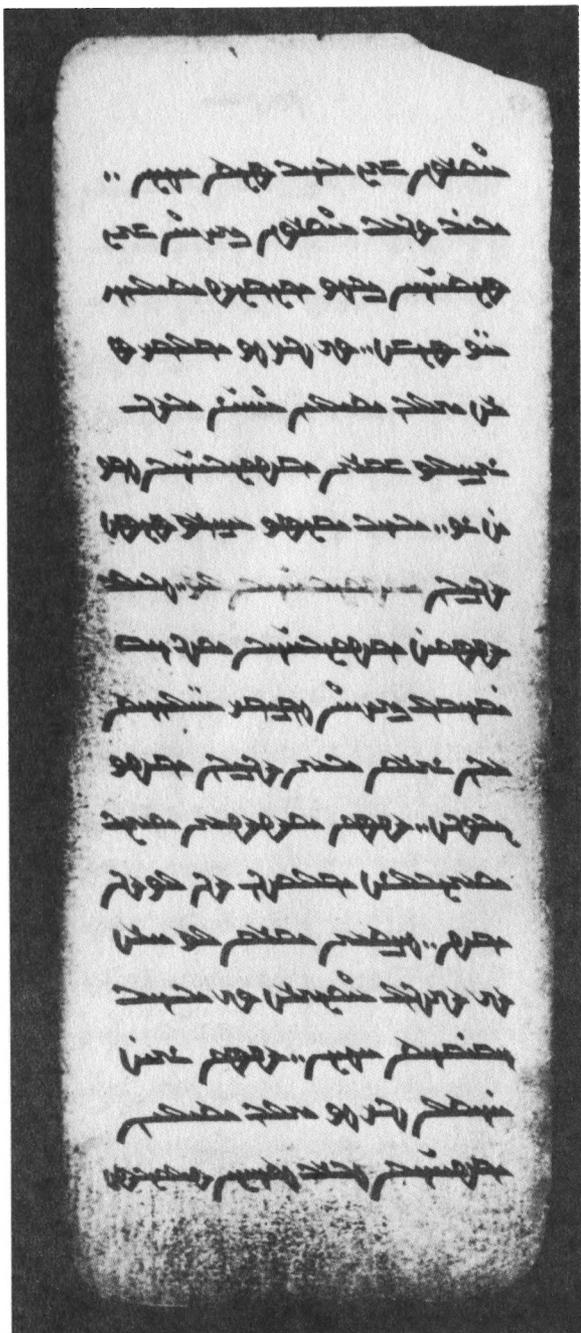
36a

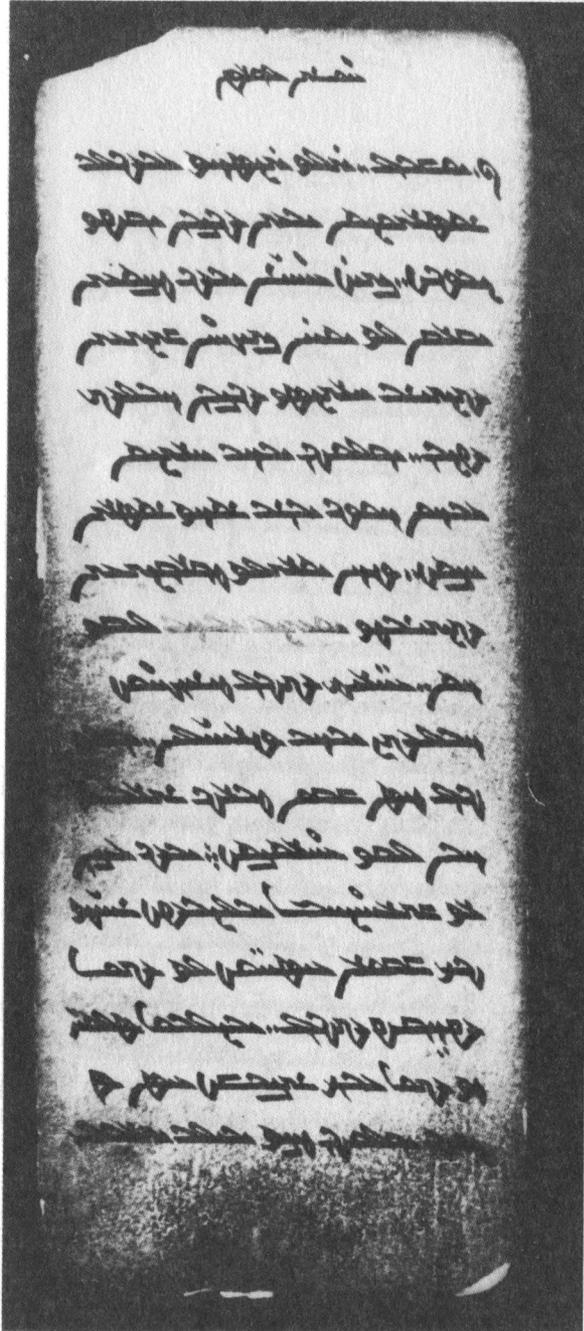
35b



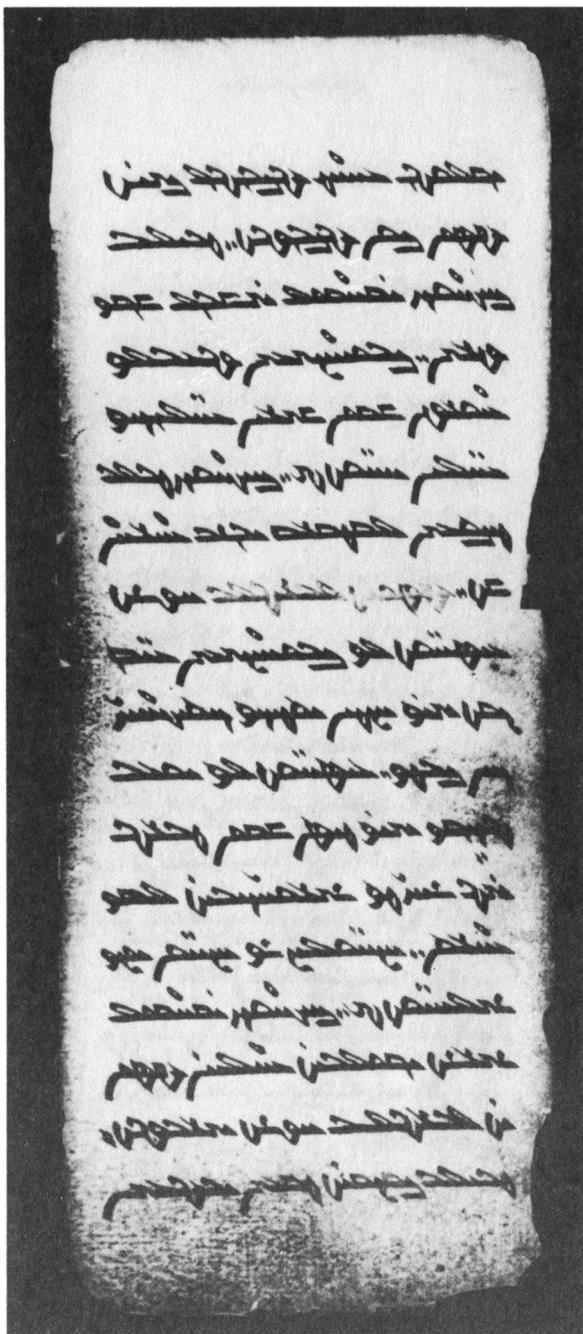


34b



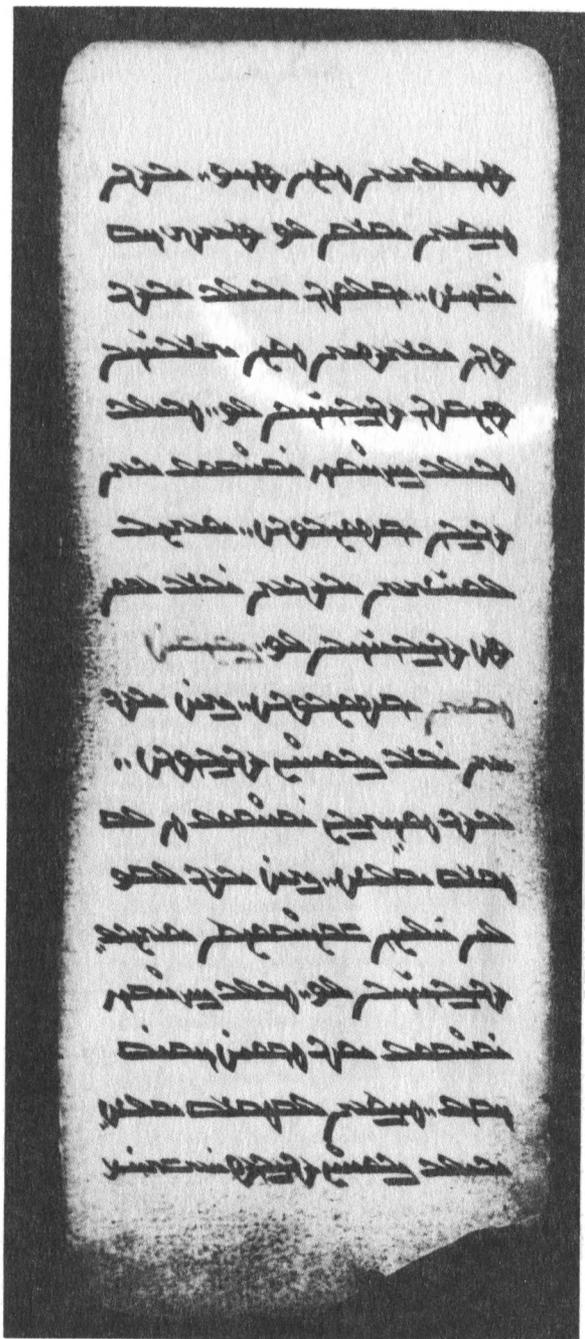


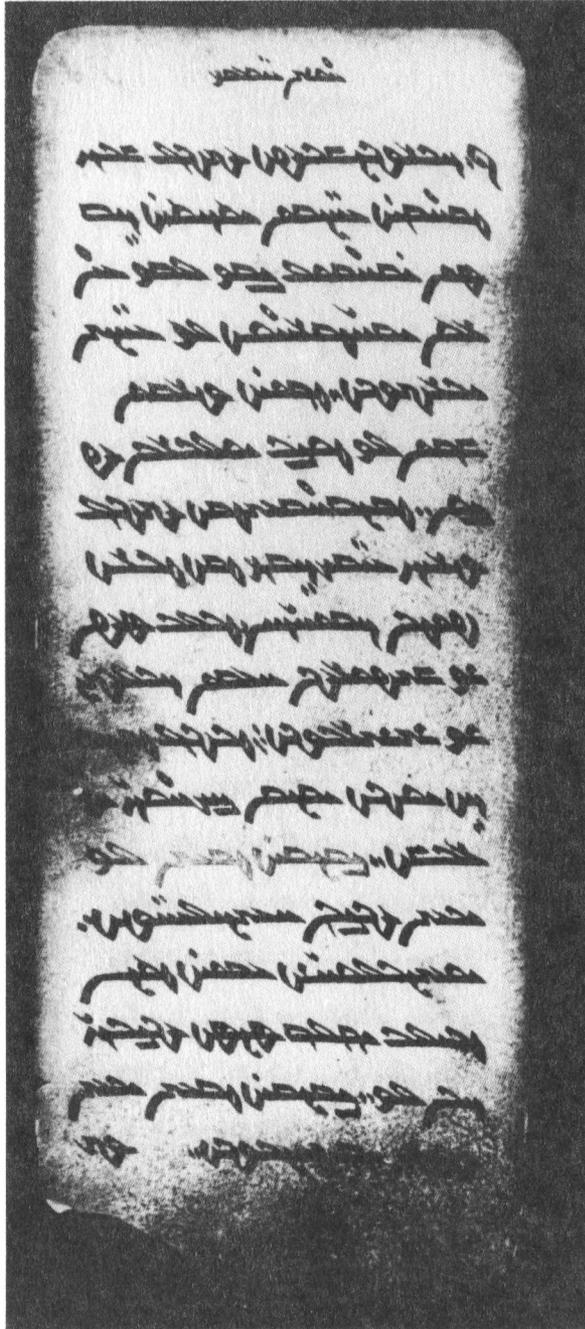
33b



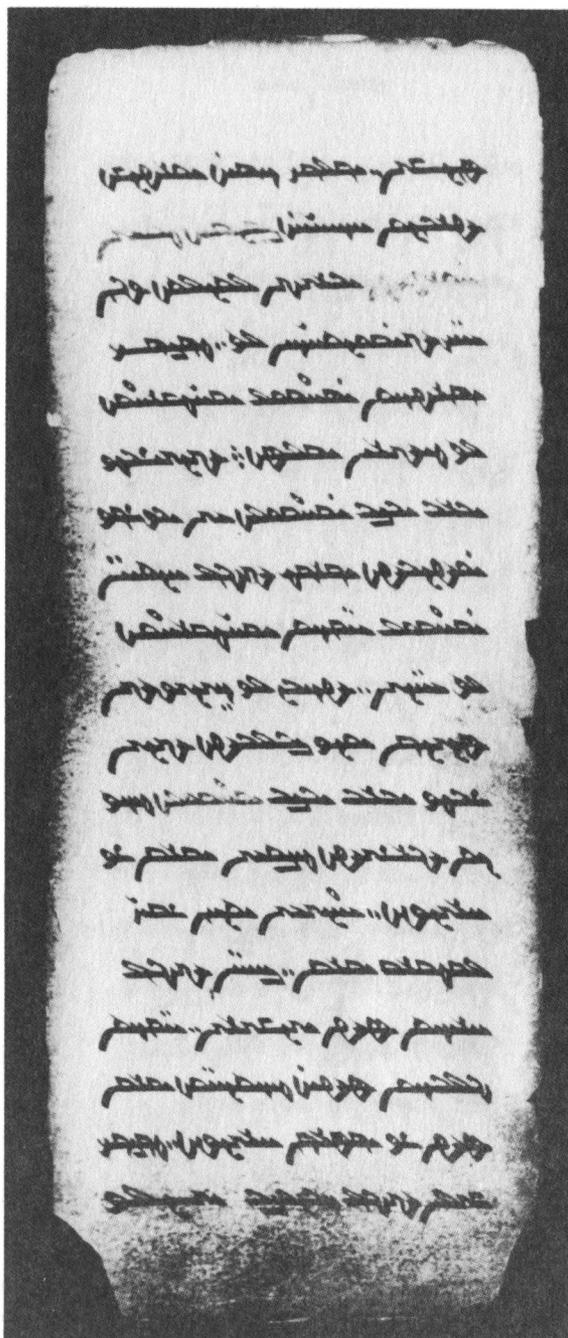
Handwritten text in a cursive script, oriented vertically on the page. The text is written in dark ink on a light-colored, aged paper. The script is highly stylized and appears to be a form of Arabic or Persian calligraphy. The text is arranged in approximately 18 lines, with a small heading or initial at the top. The overall appearance is that of a manuscript page, possibly a page from a book or a document.

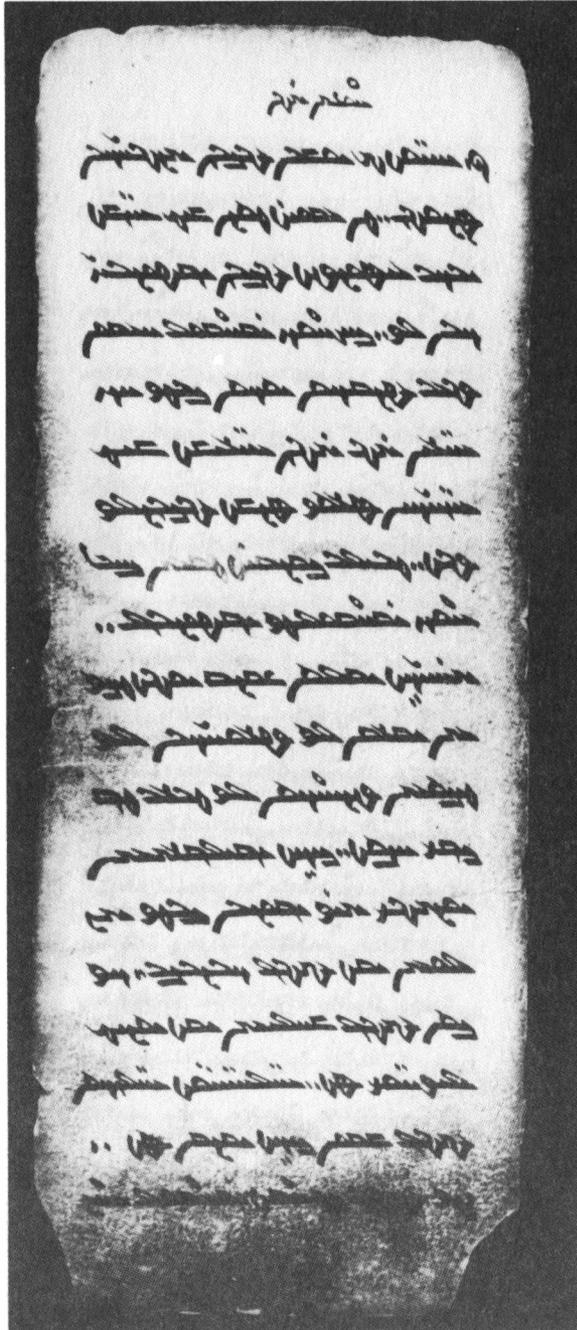
32b



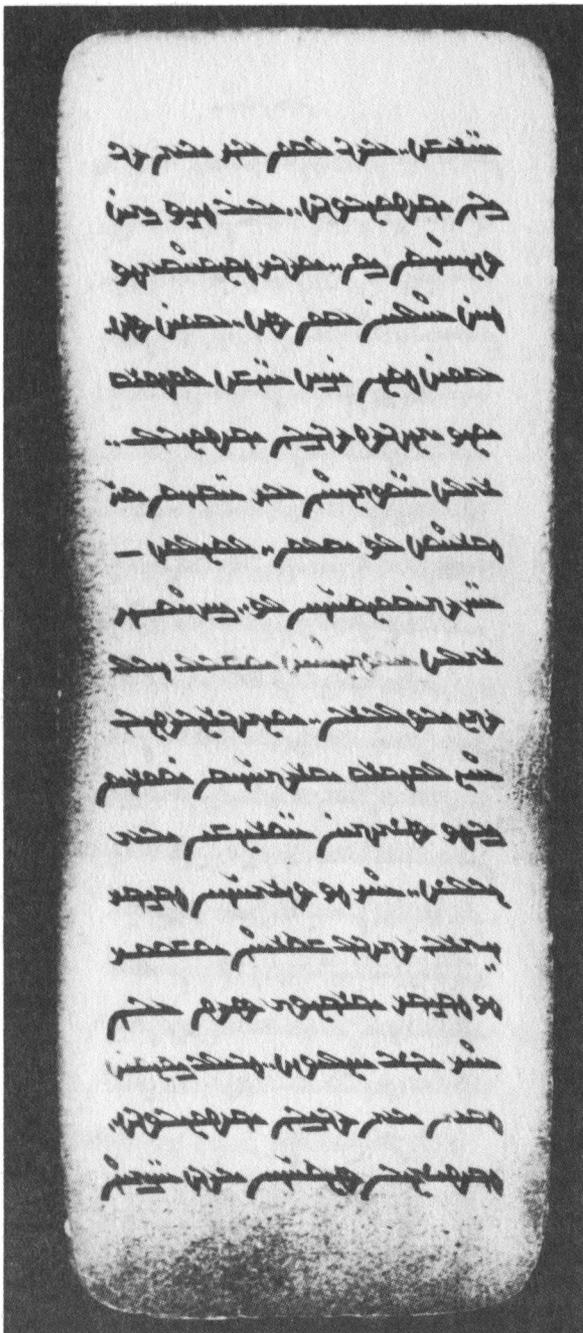


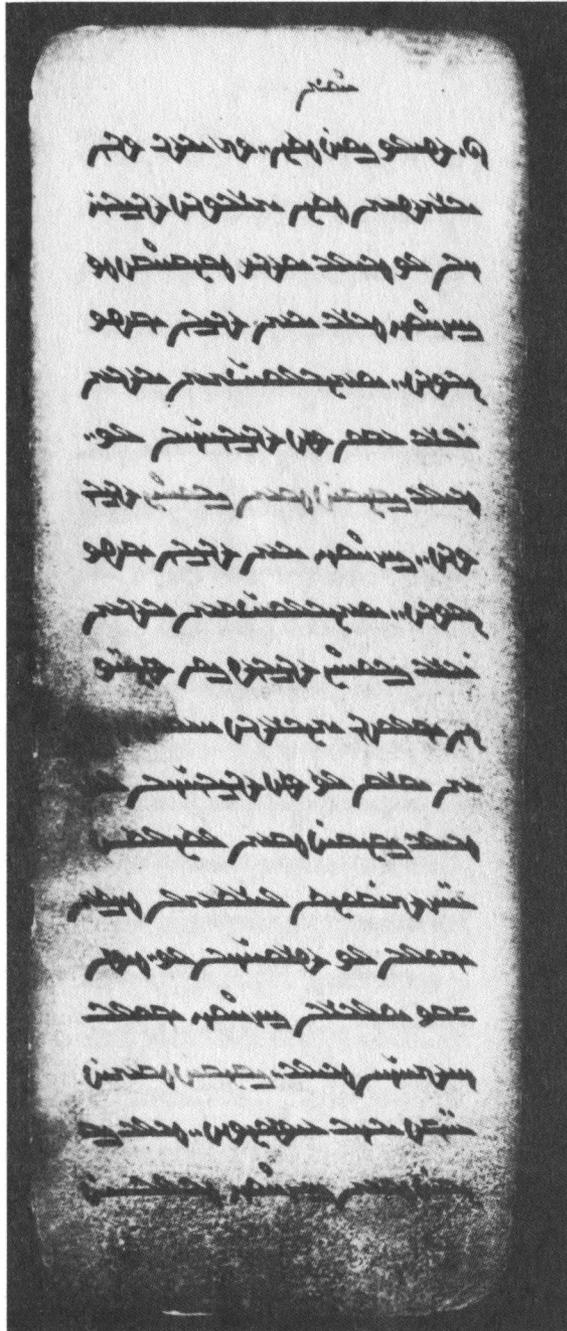
31b



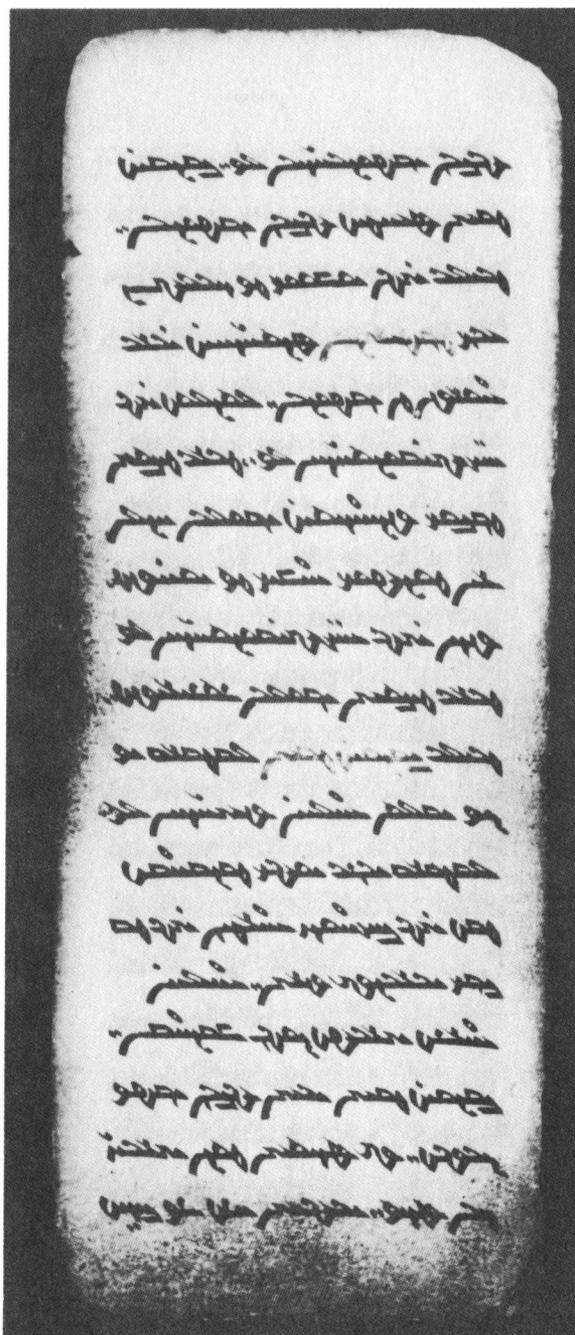


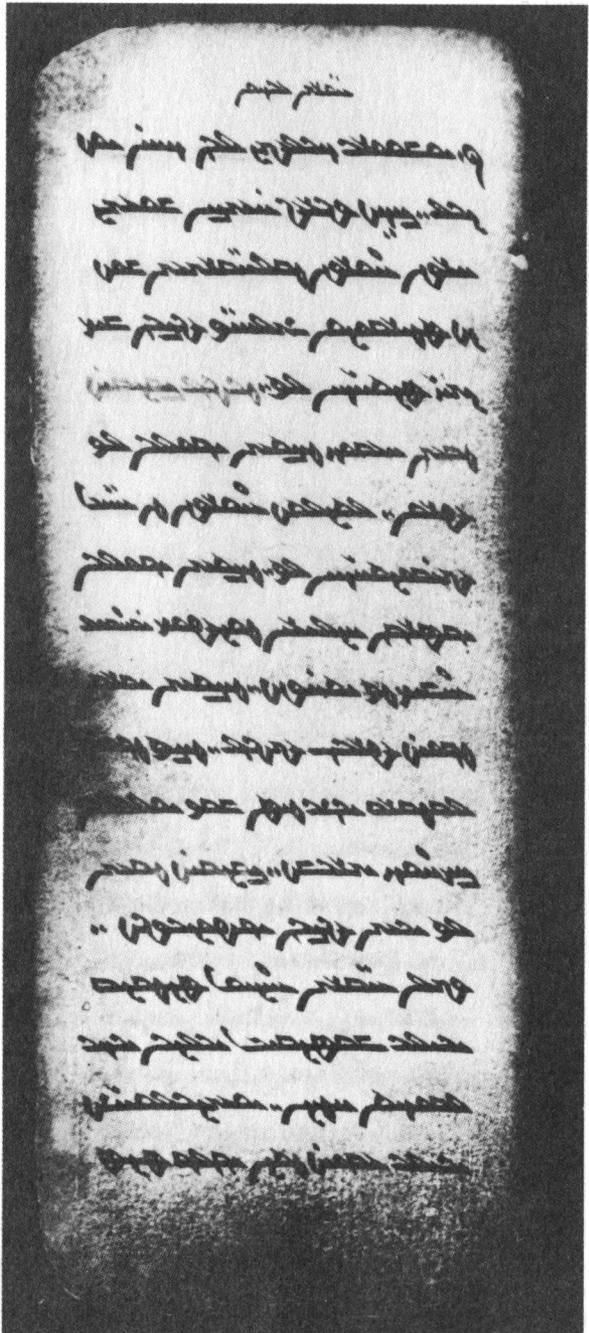
30b



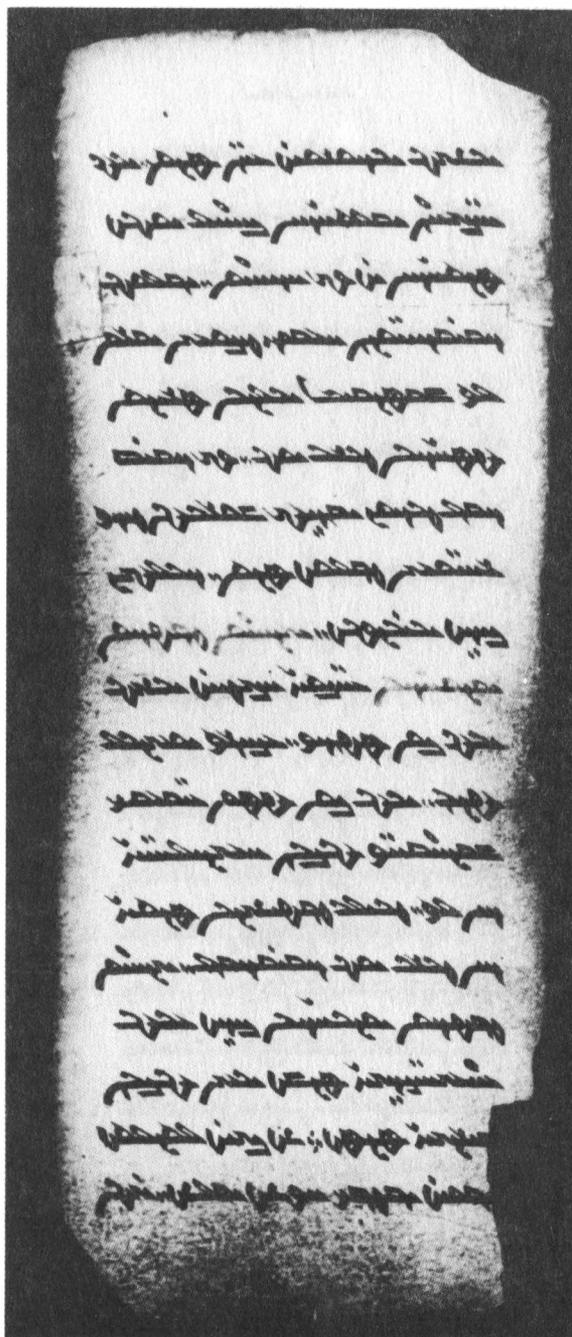


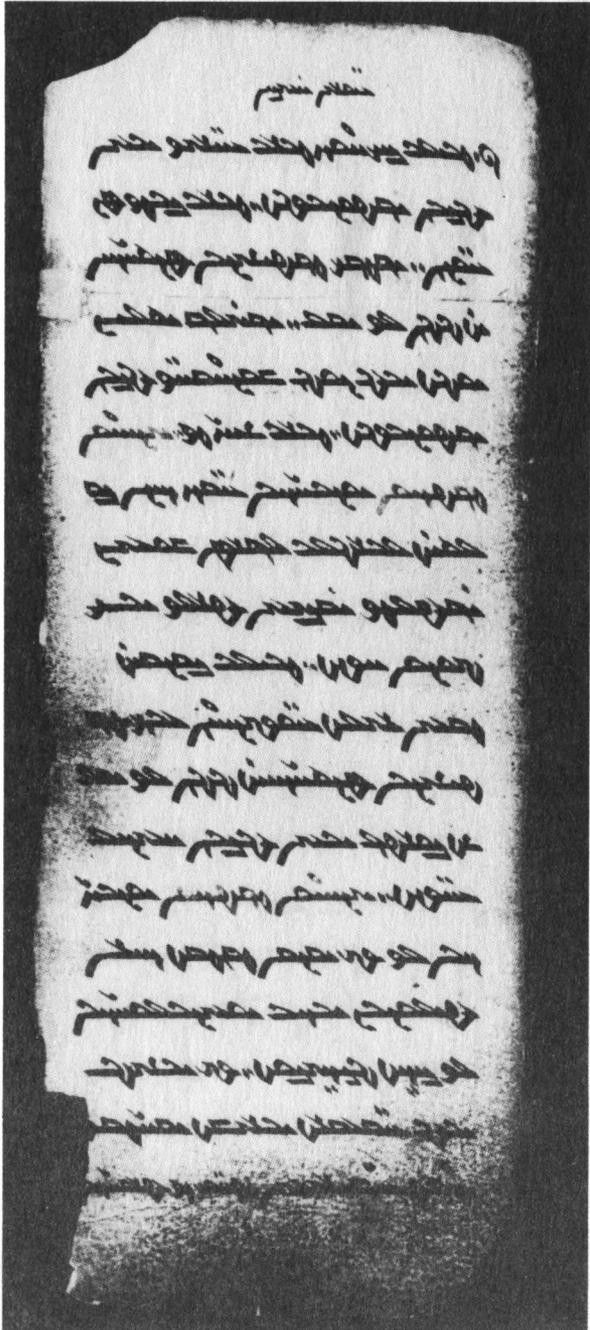
29b



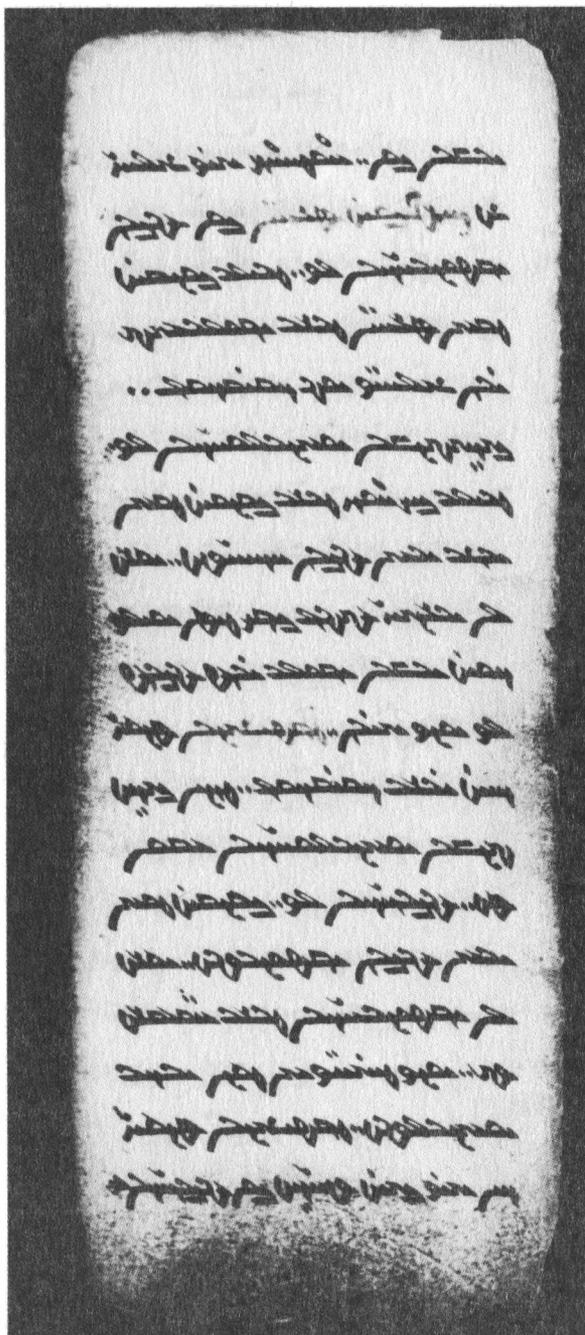


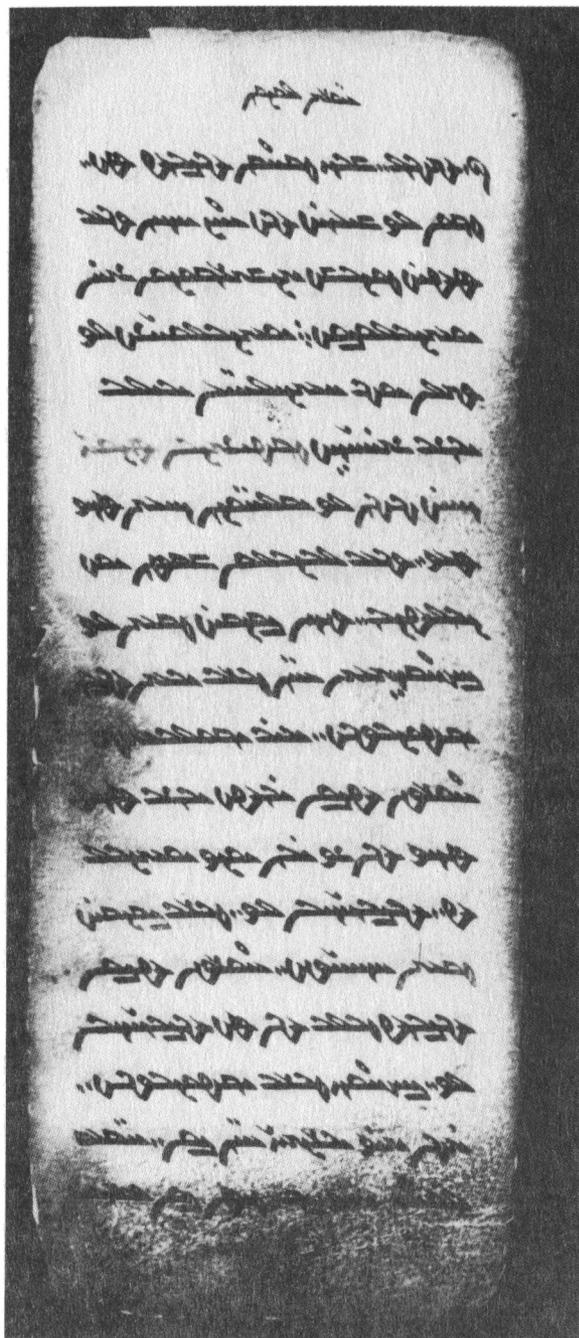
28b





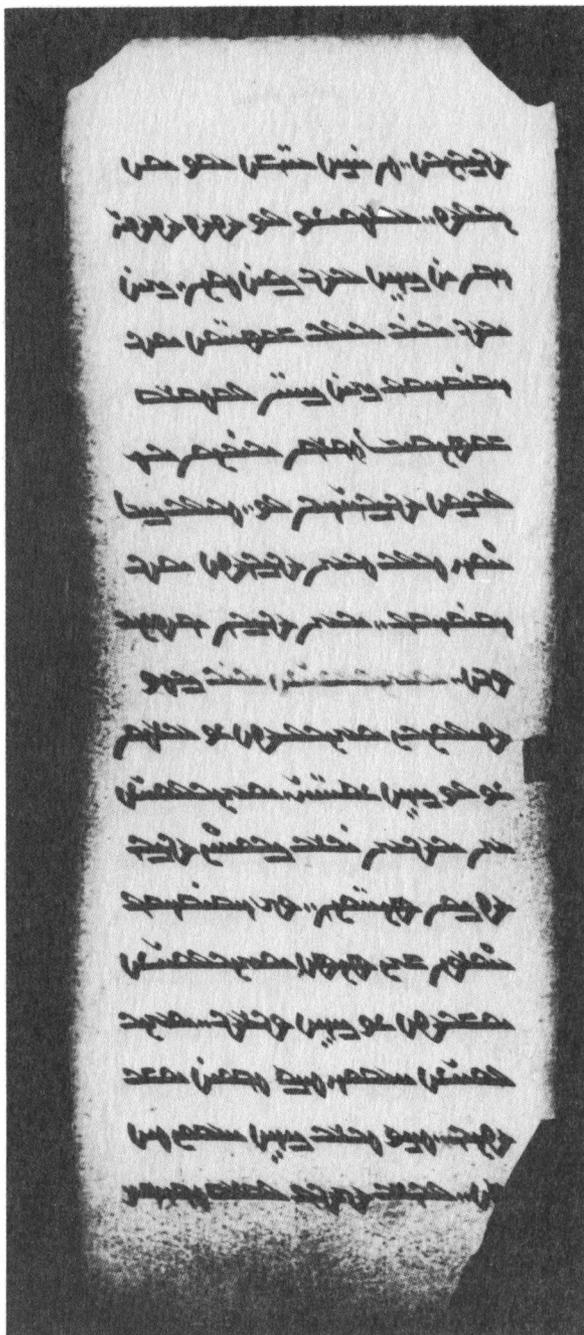
27b

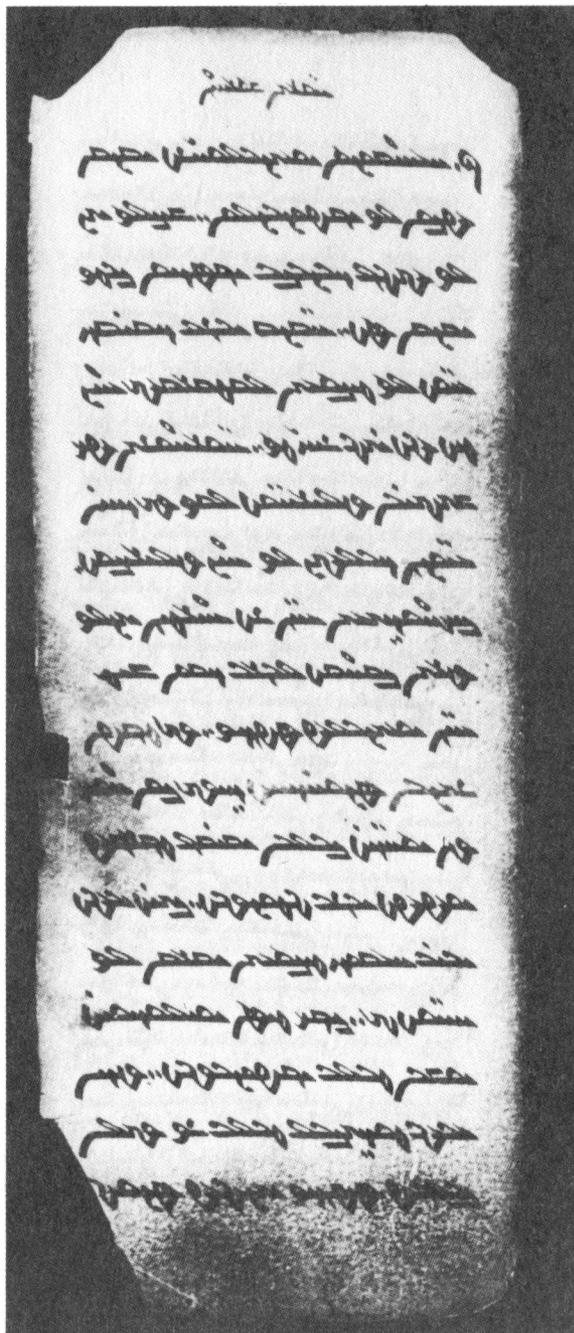




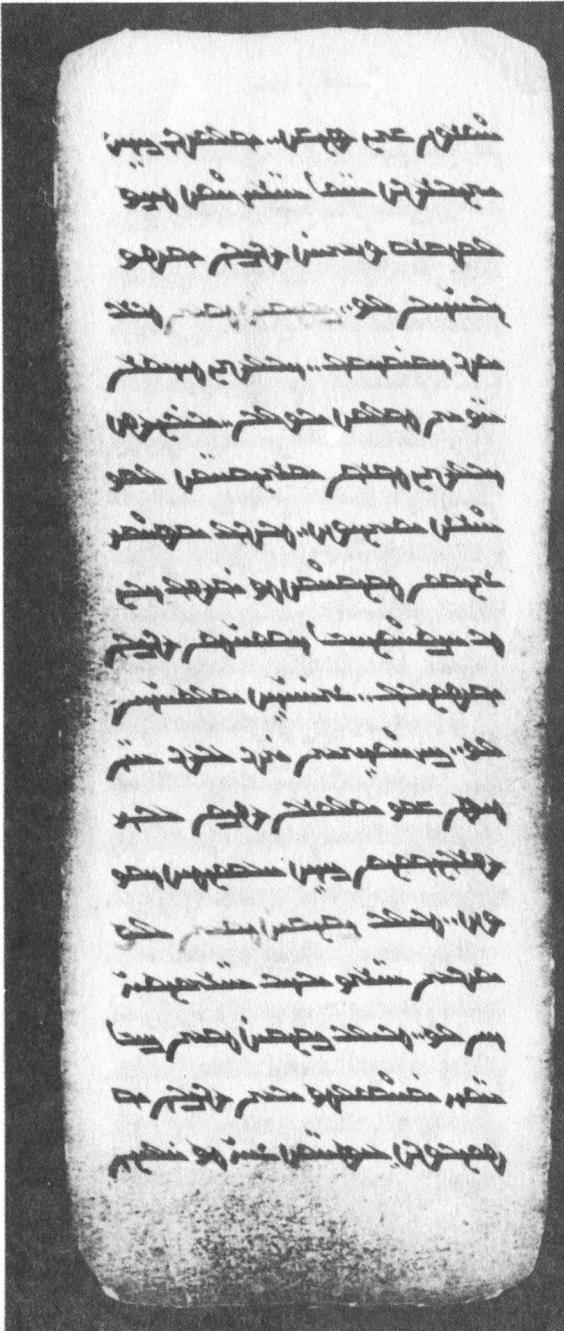
27a

26b



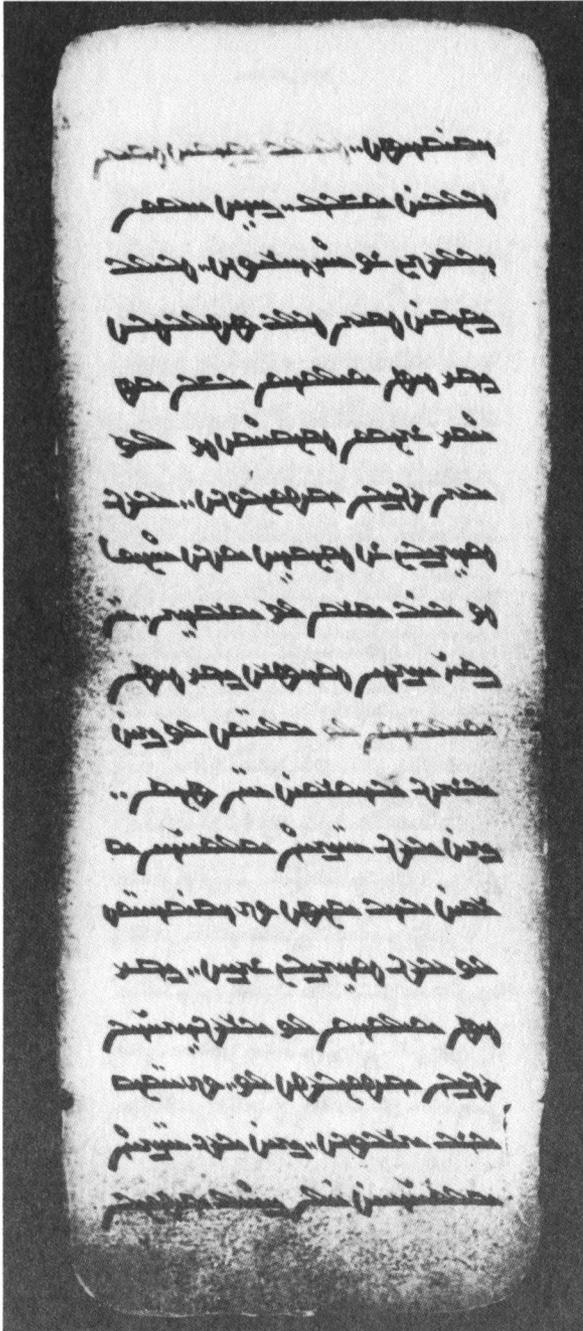


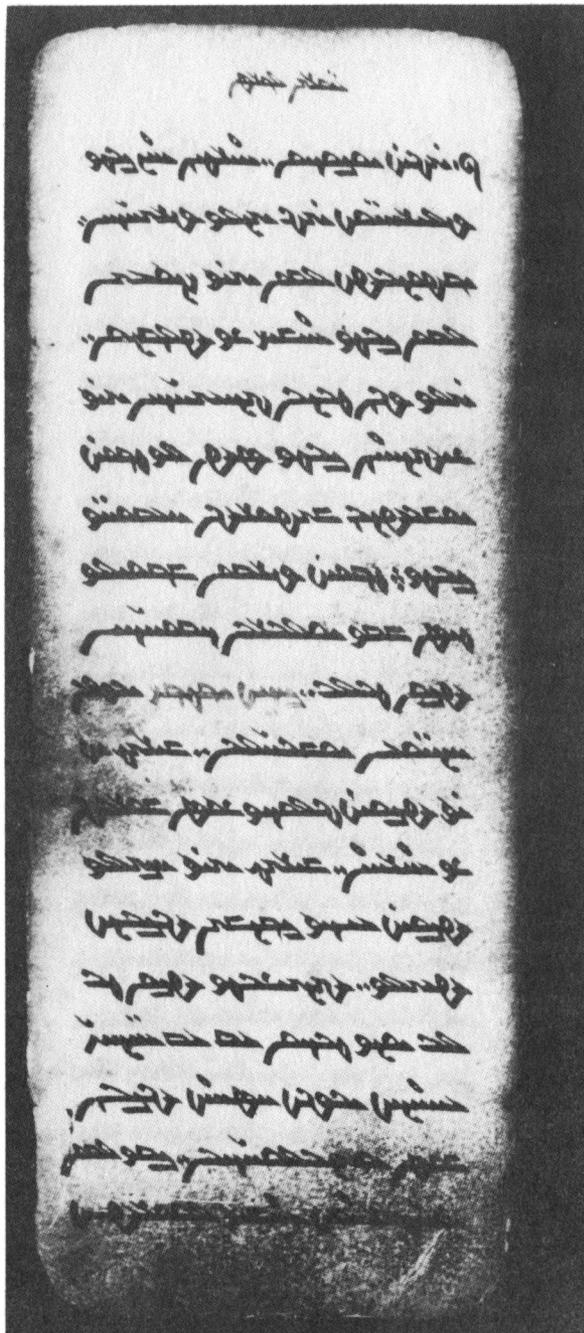
25b



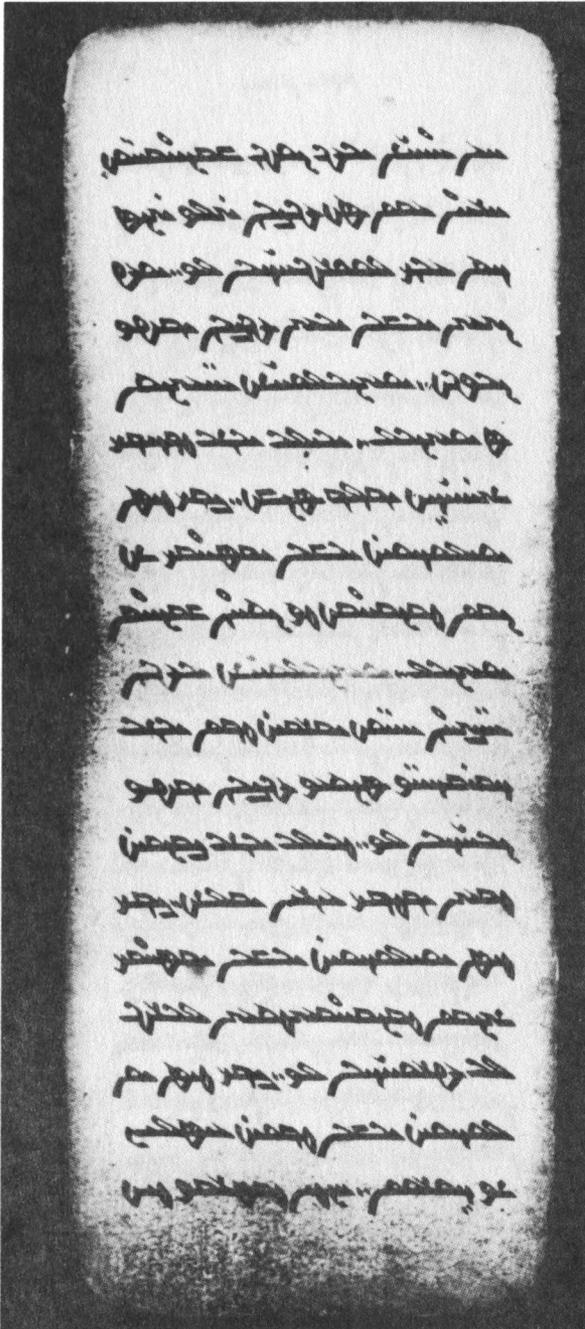


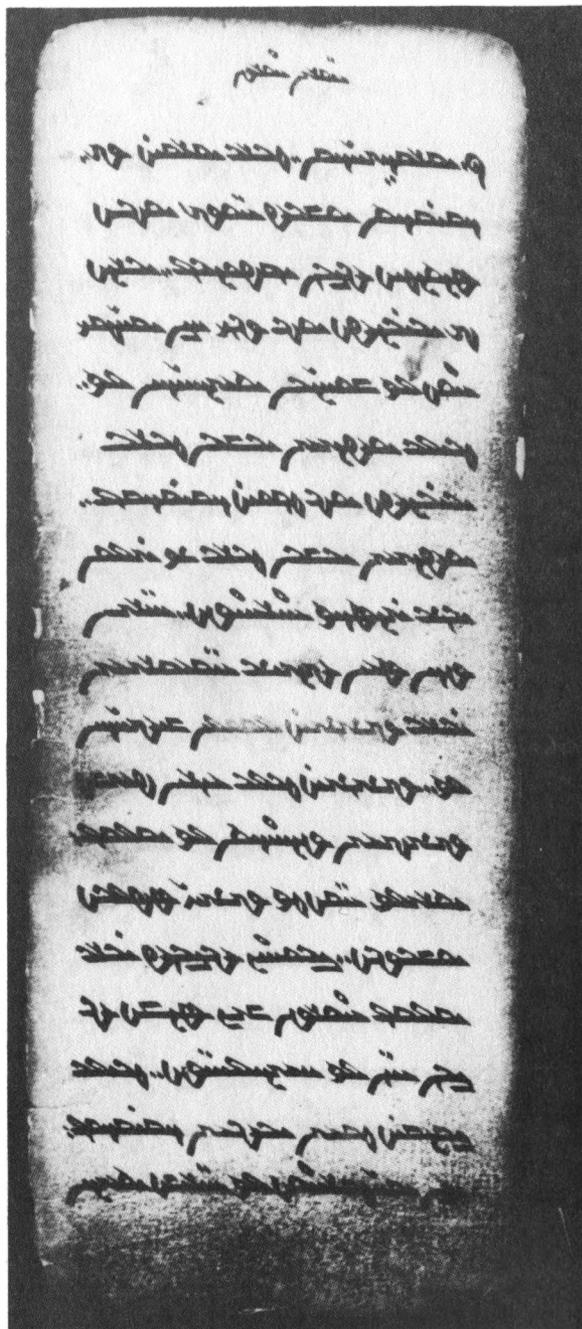
24b



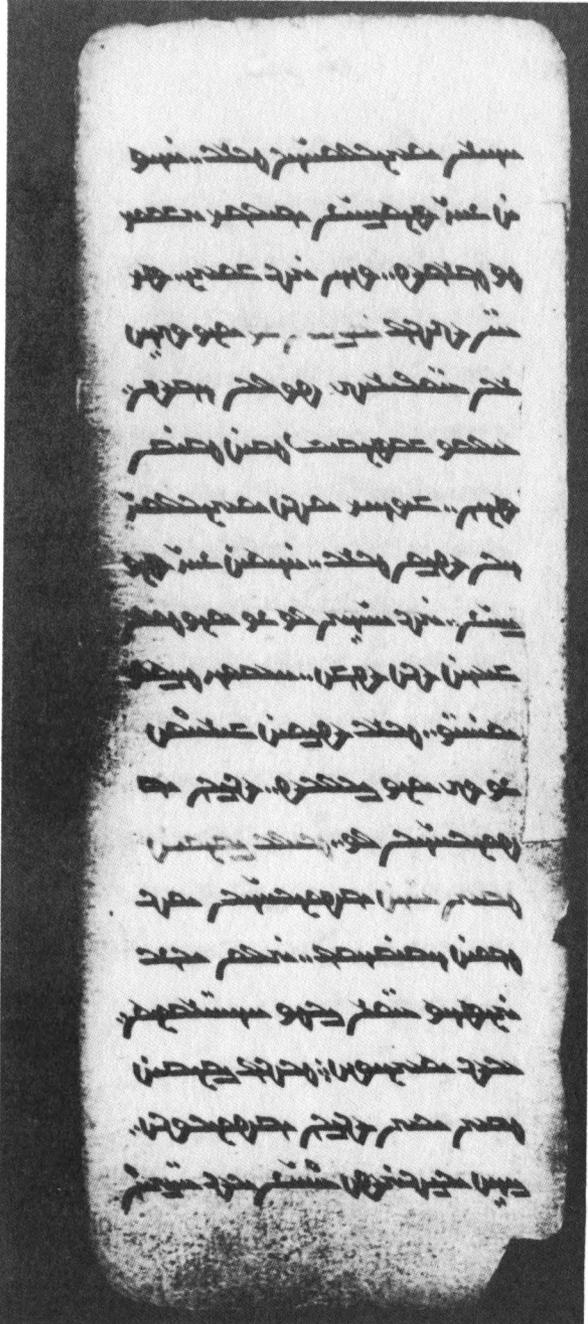


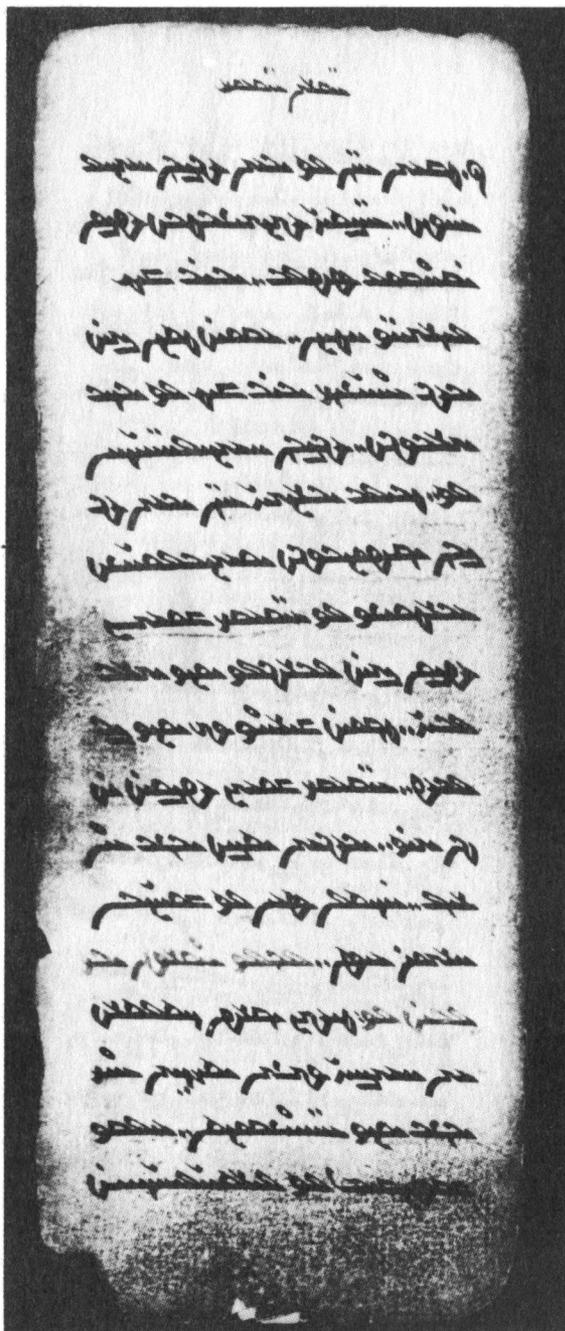
23b



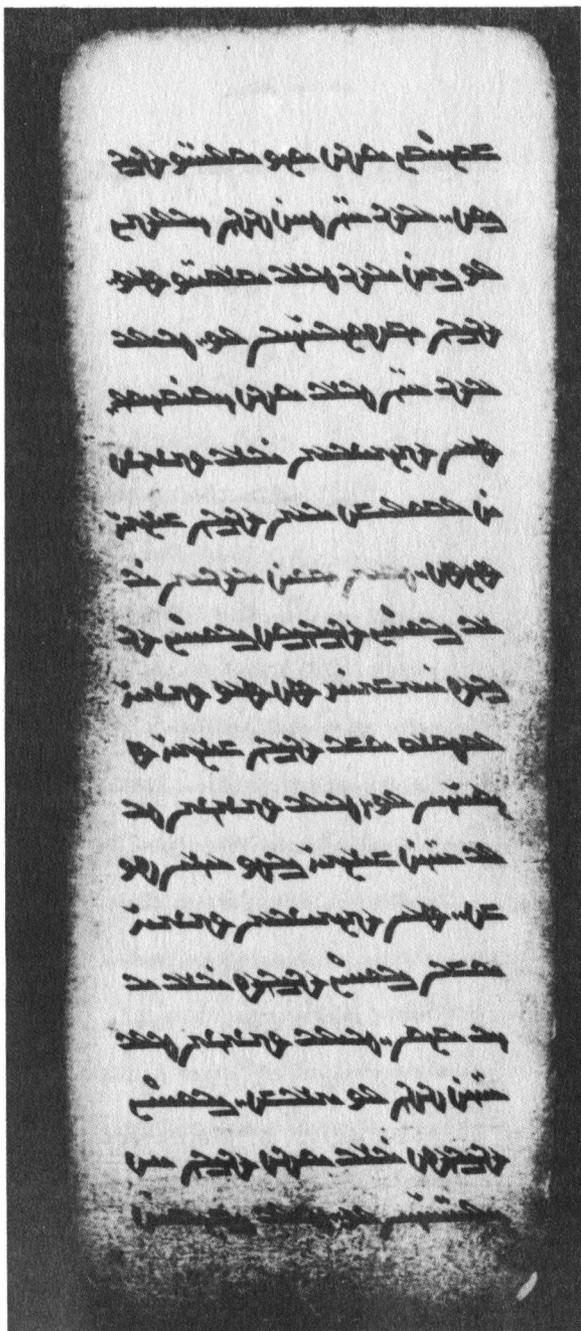


22b



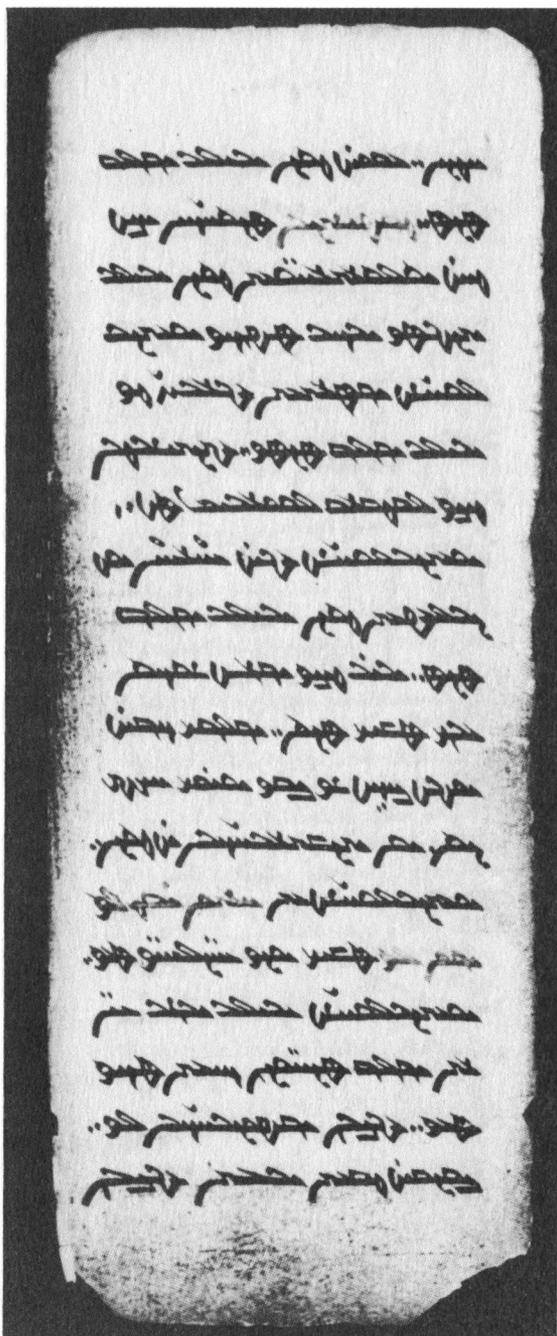


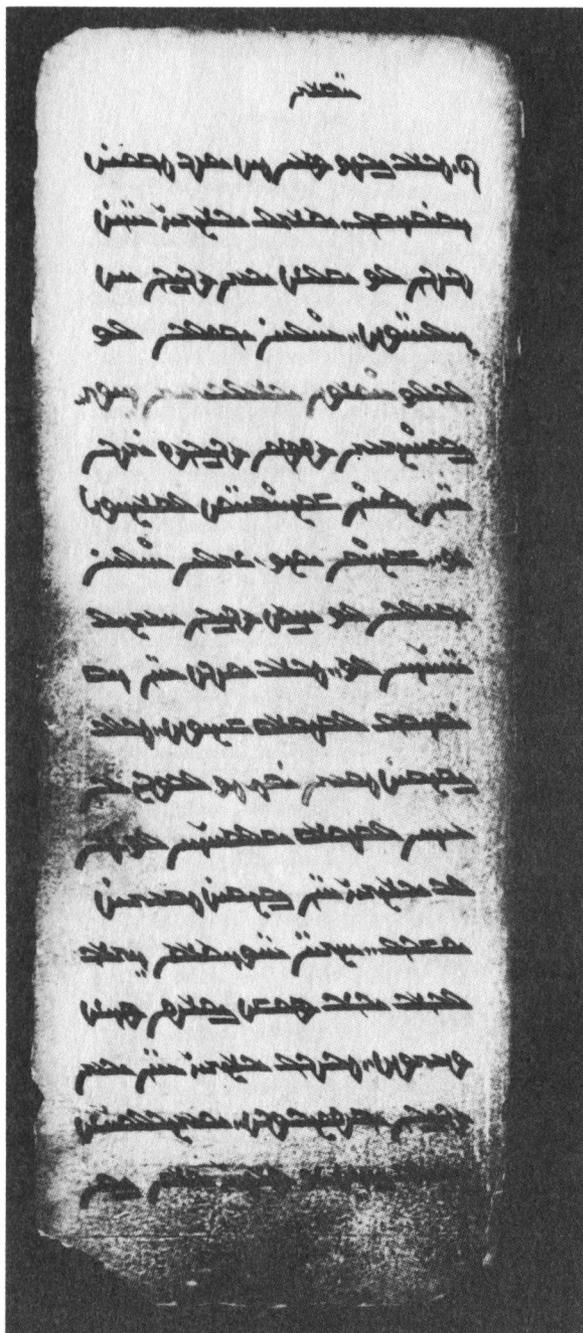
21b



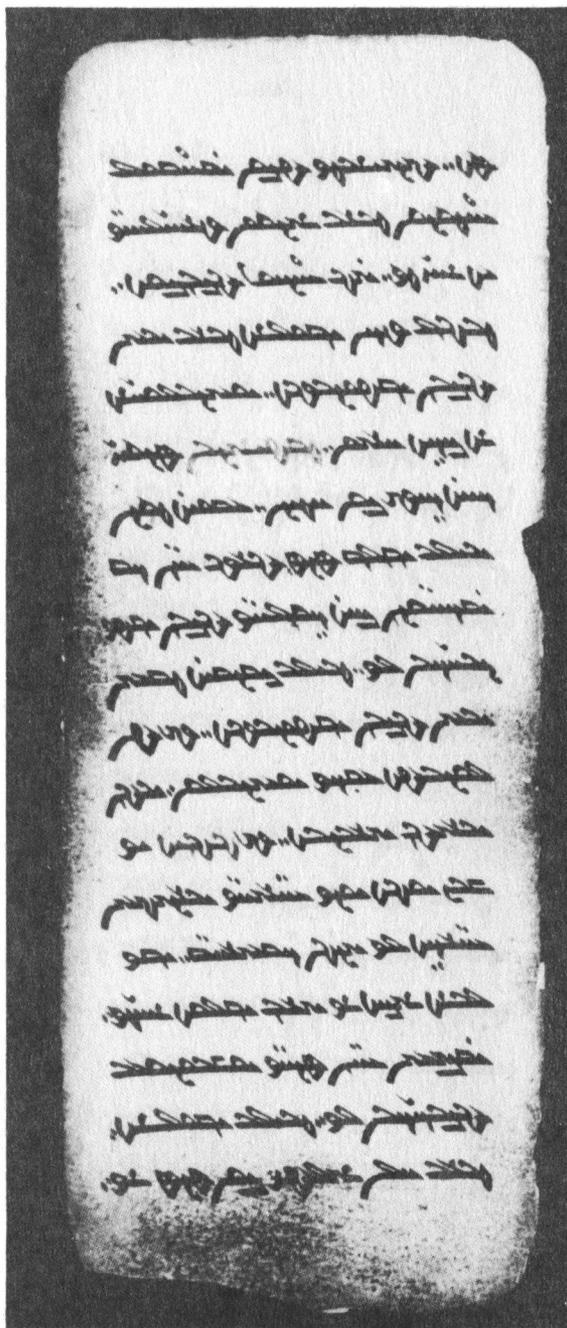
Handwritten text in a cursive script, oriented vertically on a parchment page. The text is arranged in approximately 18 lines, with a small heading at the top. The script is dense and characteristic of medieval or early modern manuscripts.

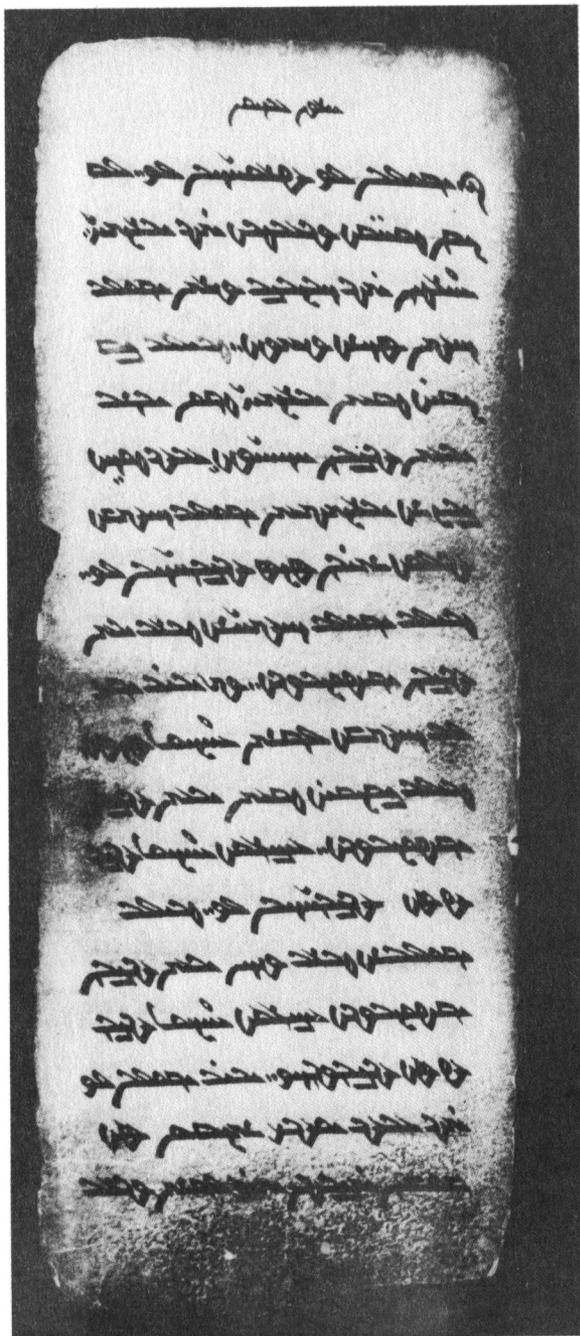
20b



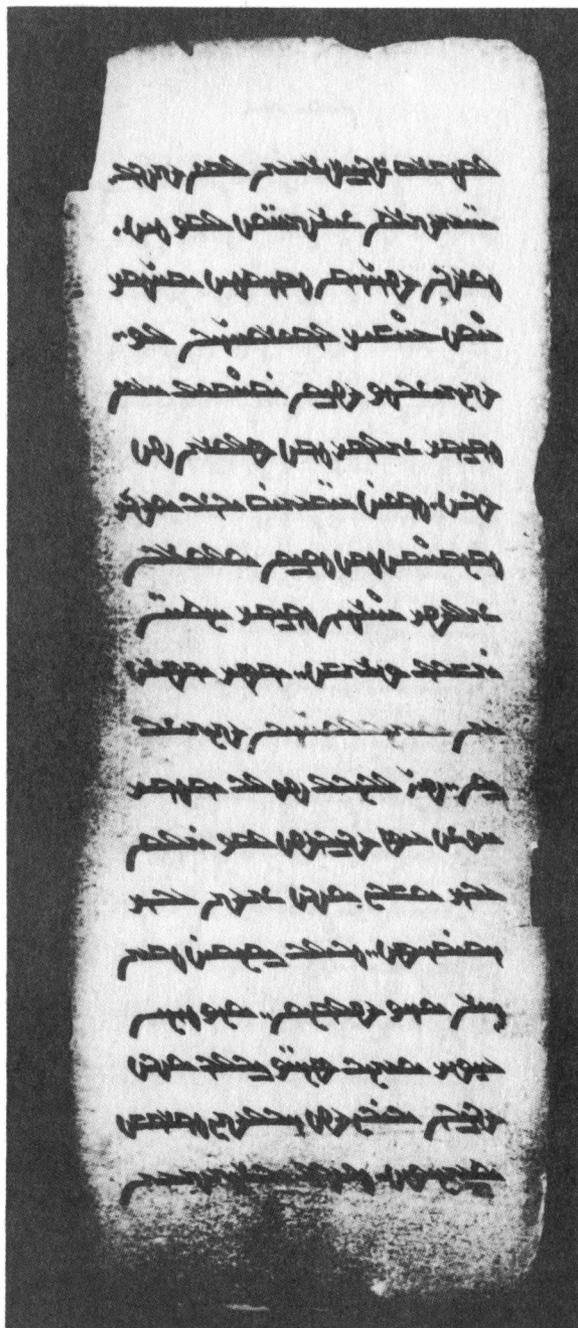


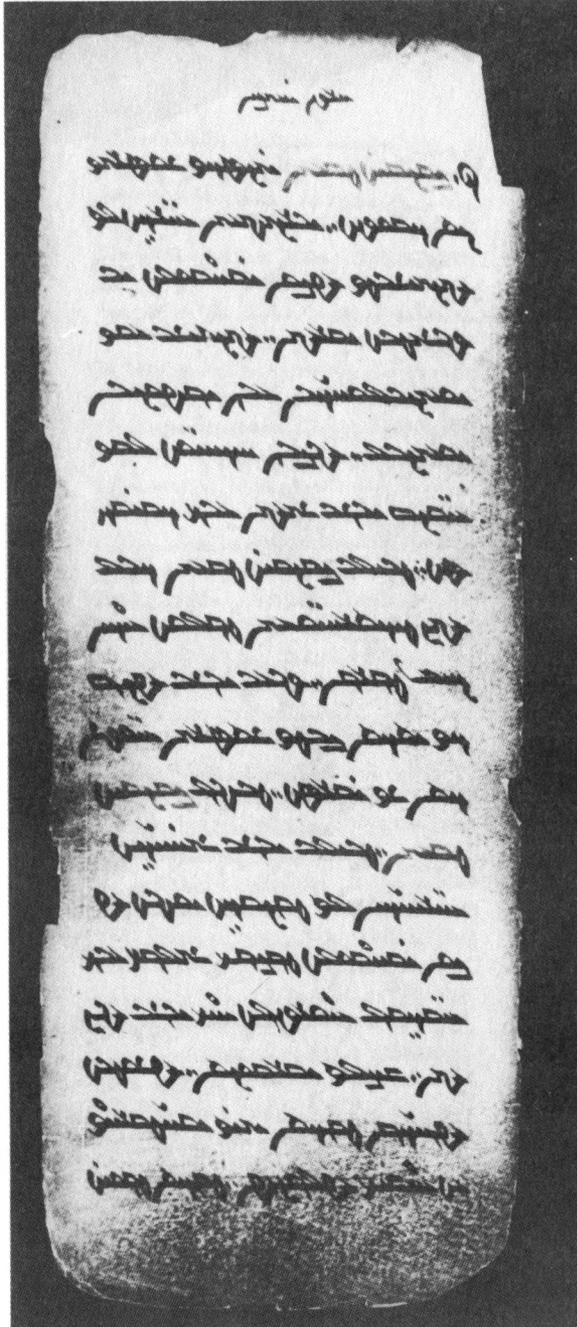
19b



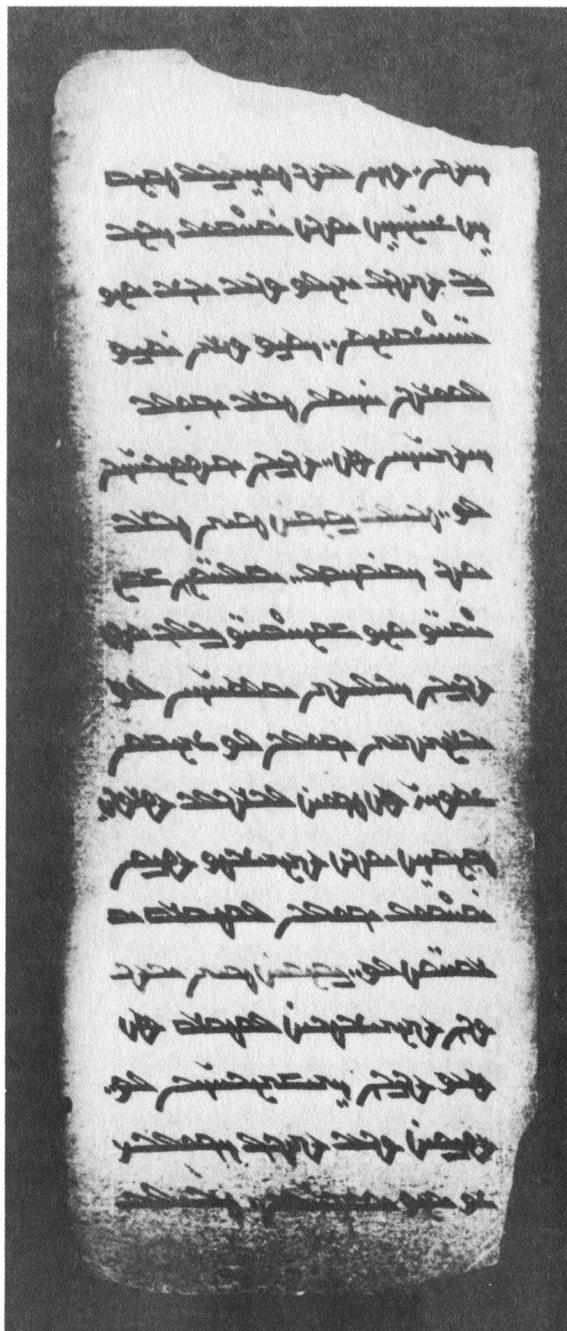


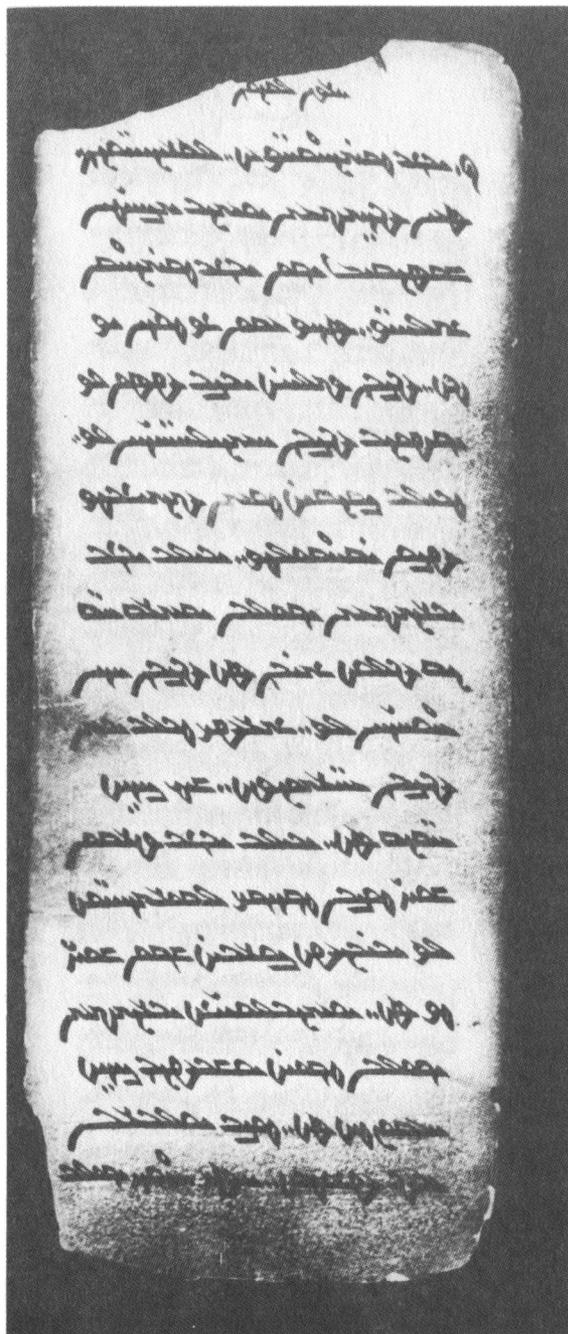
18b



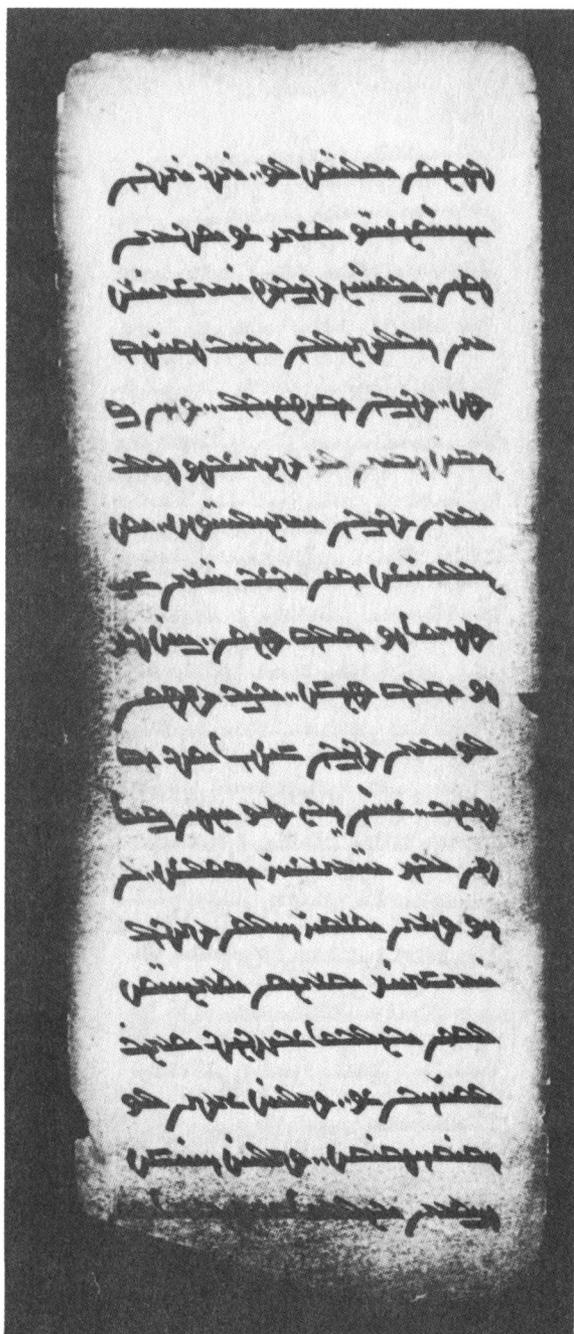


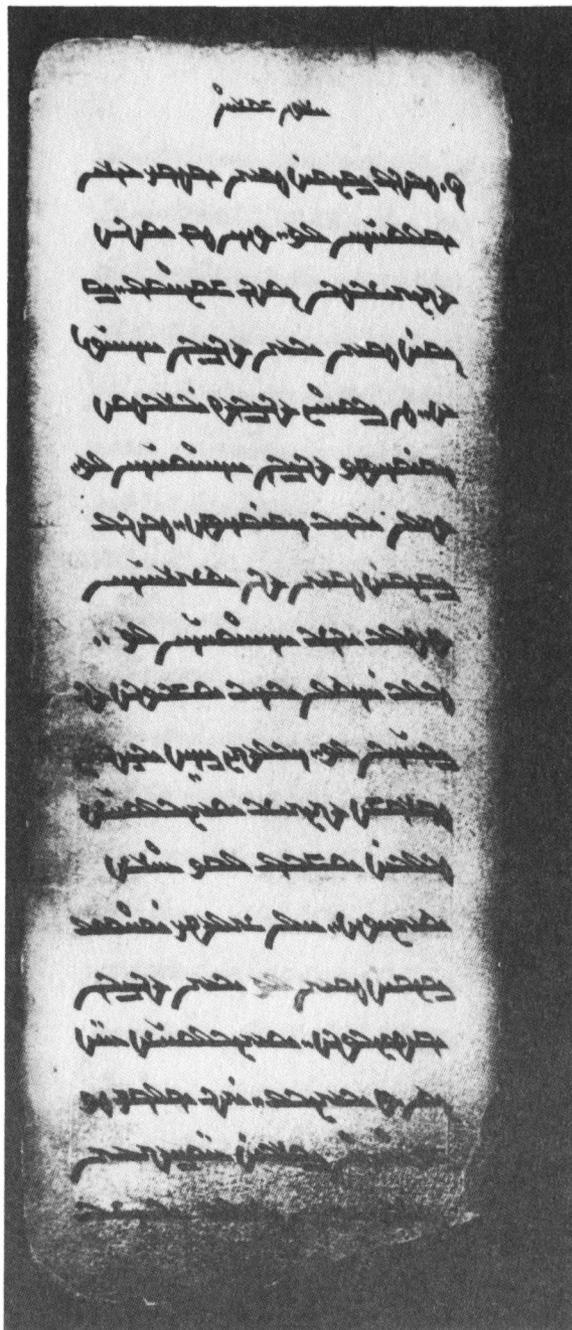
17b



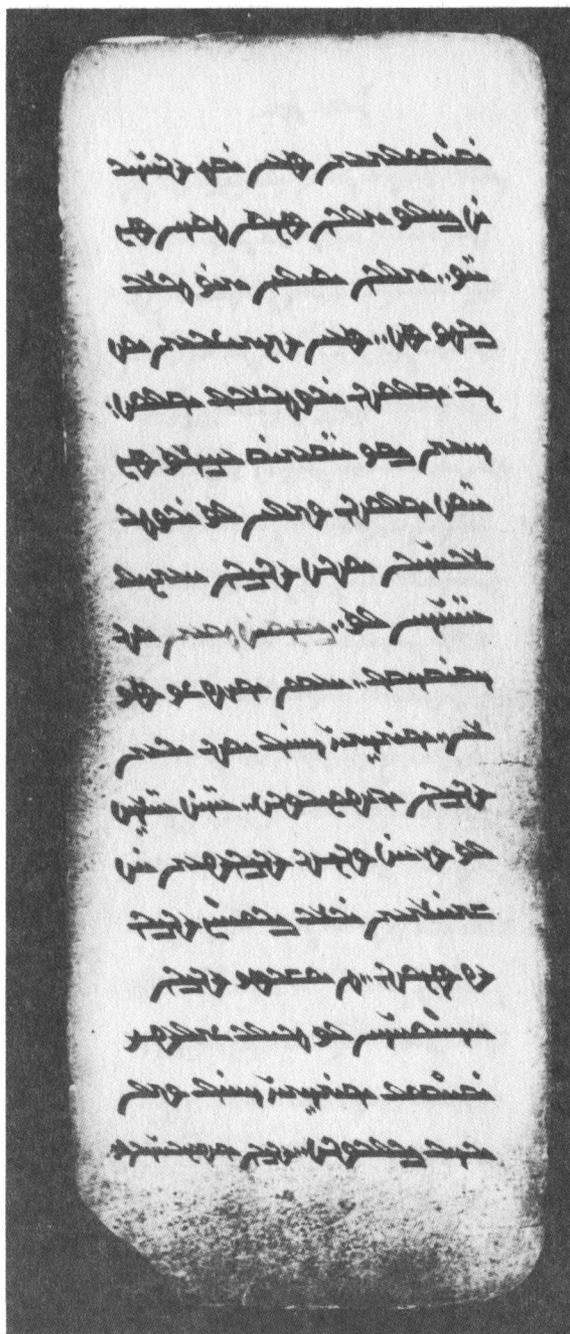


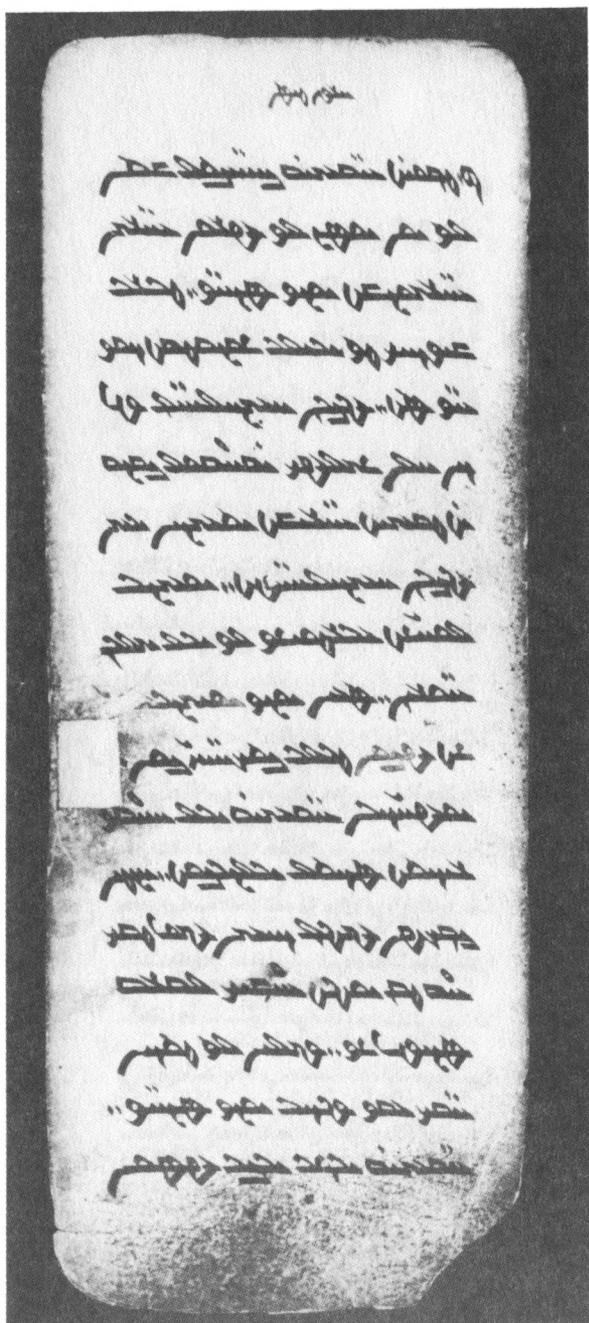
16b



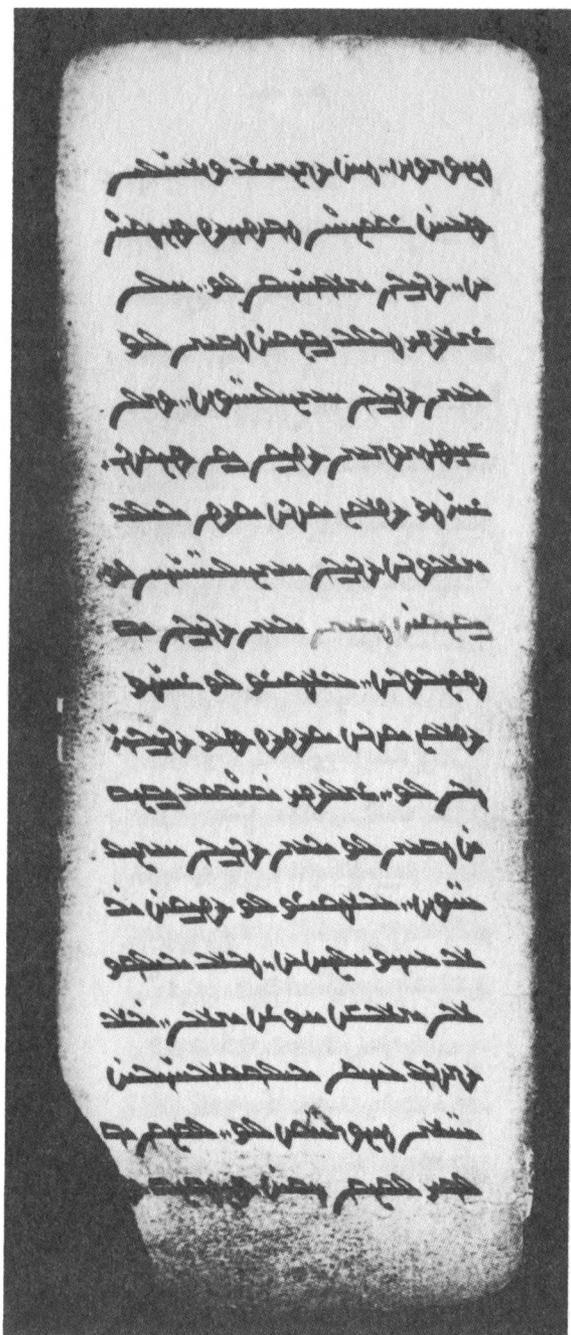


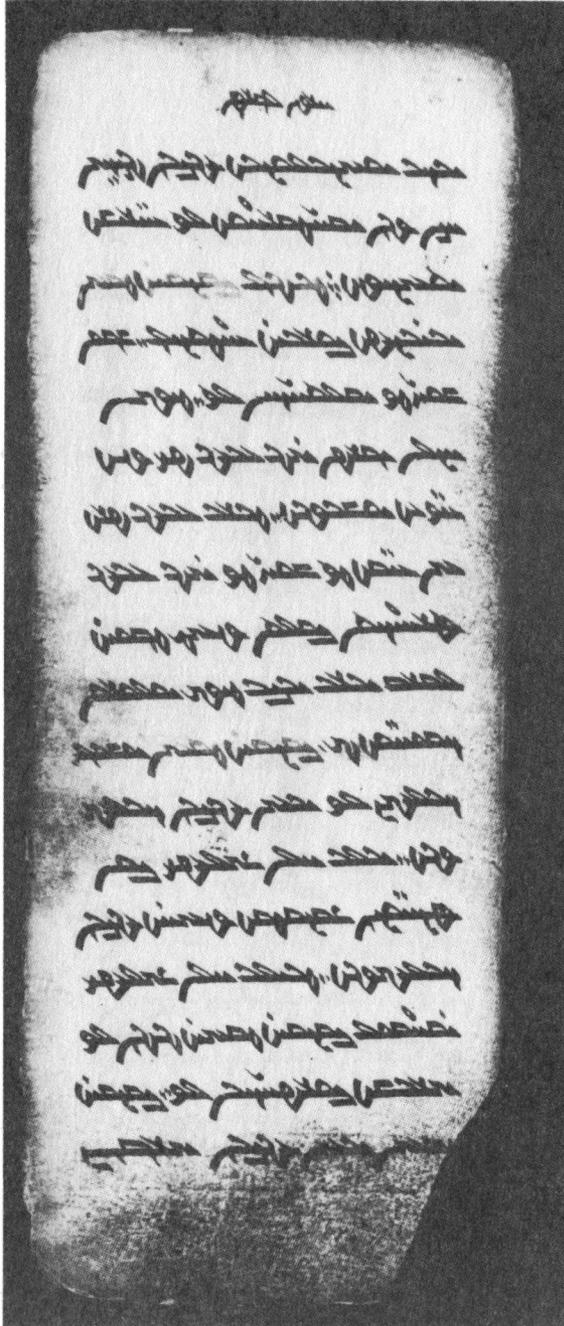
15b



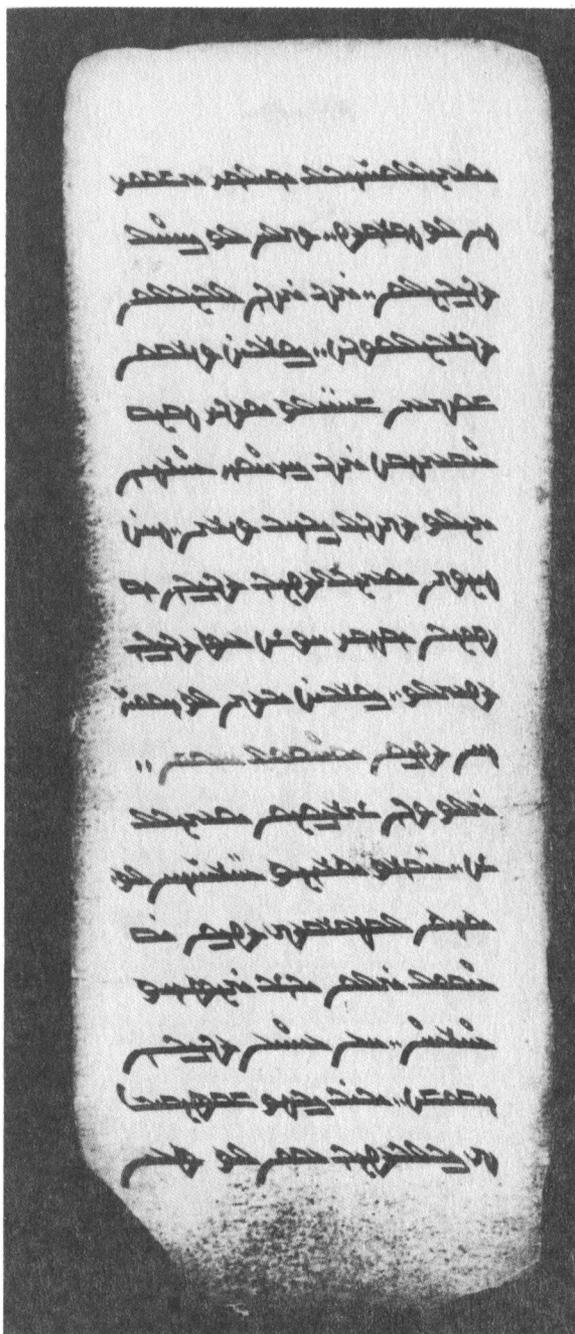


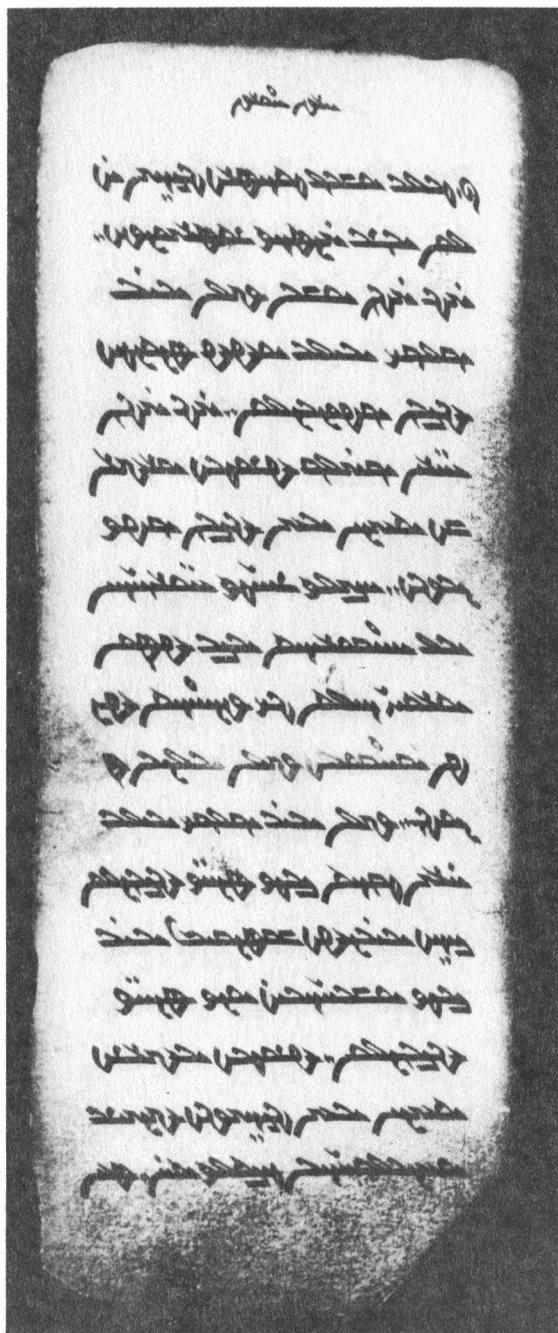
14b



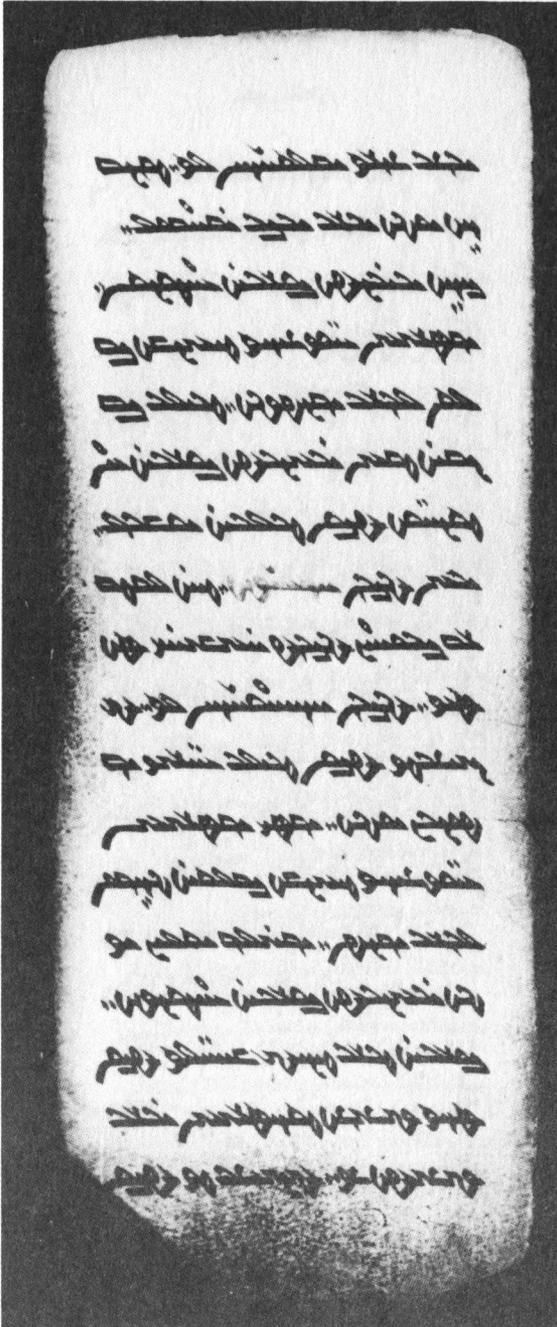


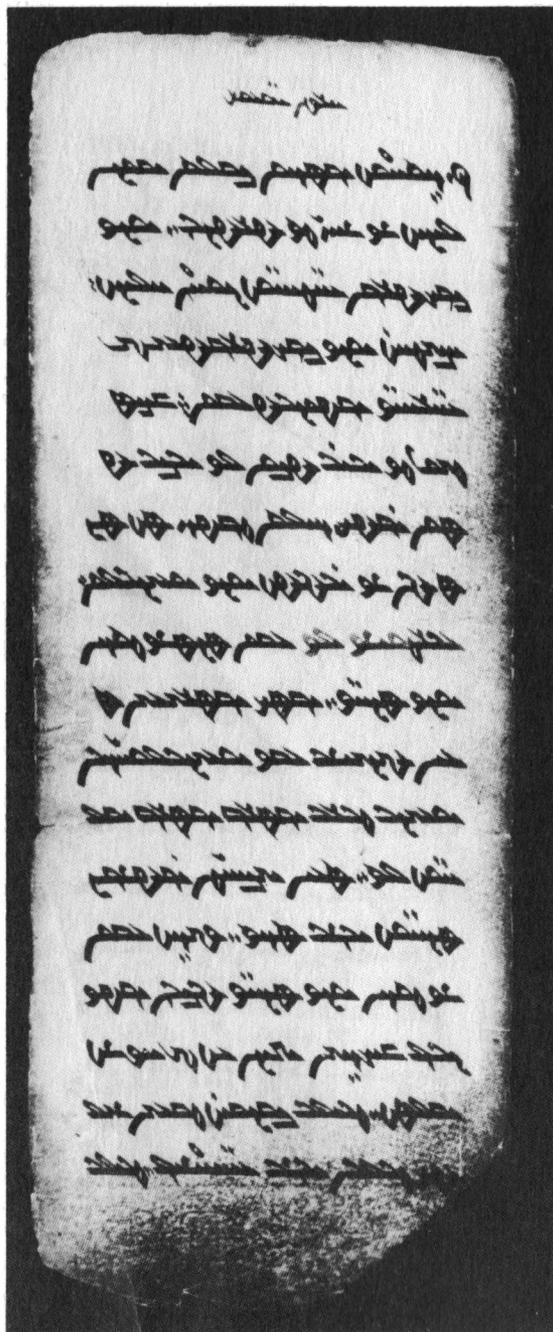
13b



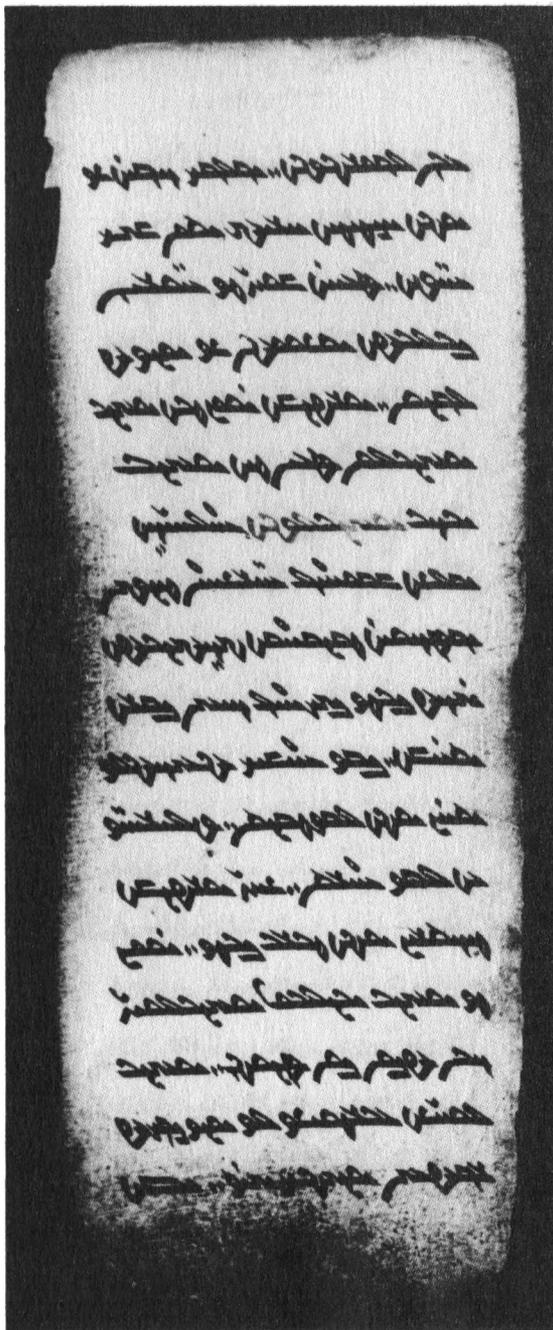


12b



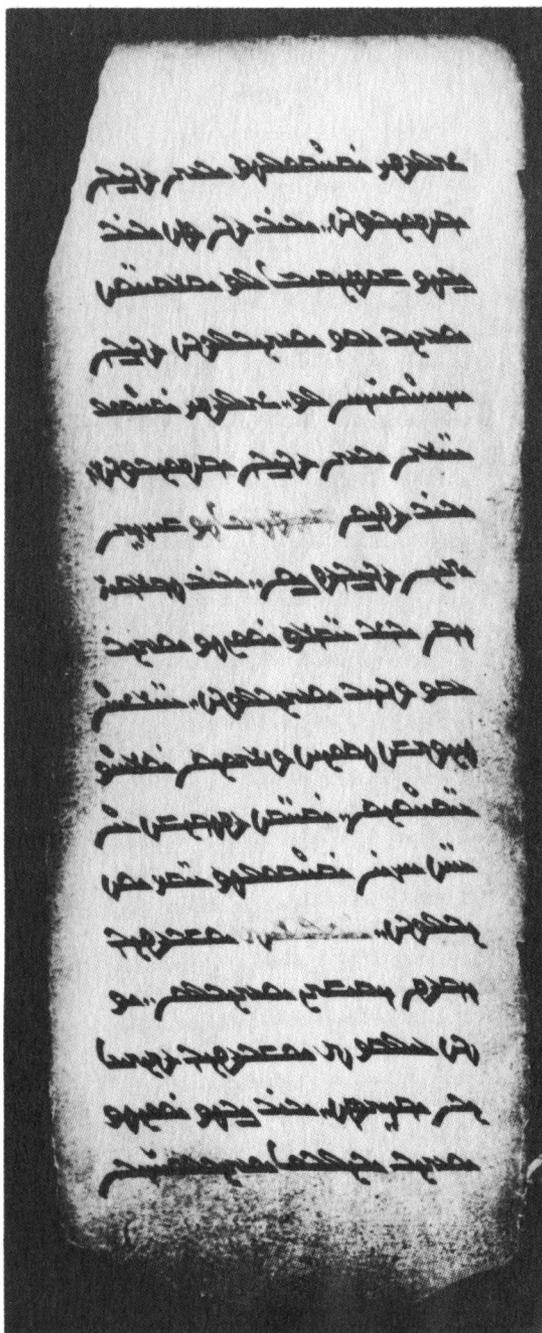


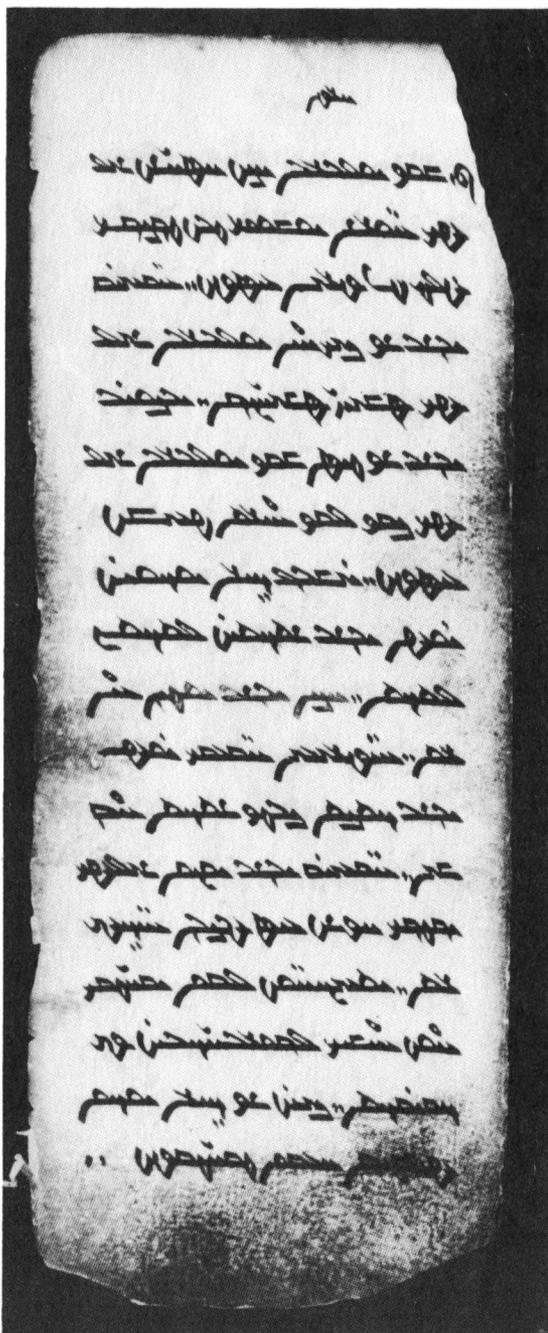
11б



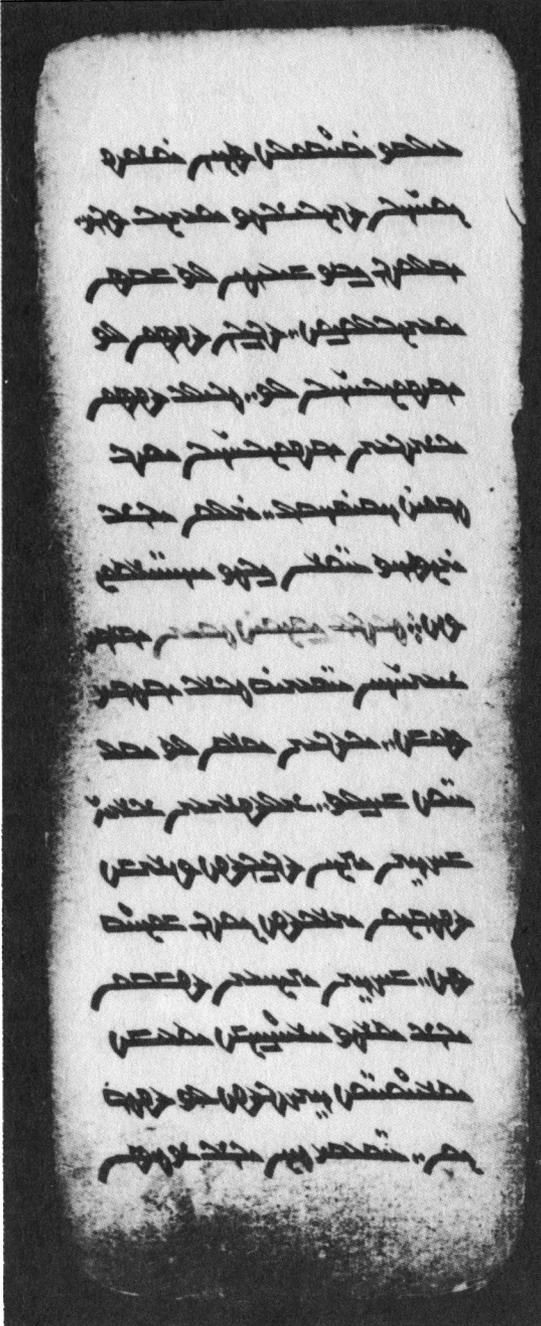
Handwritten text in a cursive script, oriented vertically on a parchment strip. The text is written in dark ink and appears to be a list or a series of entries. At the top of the strip, there is a small, illegible mark or signature.

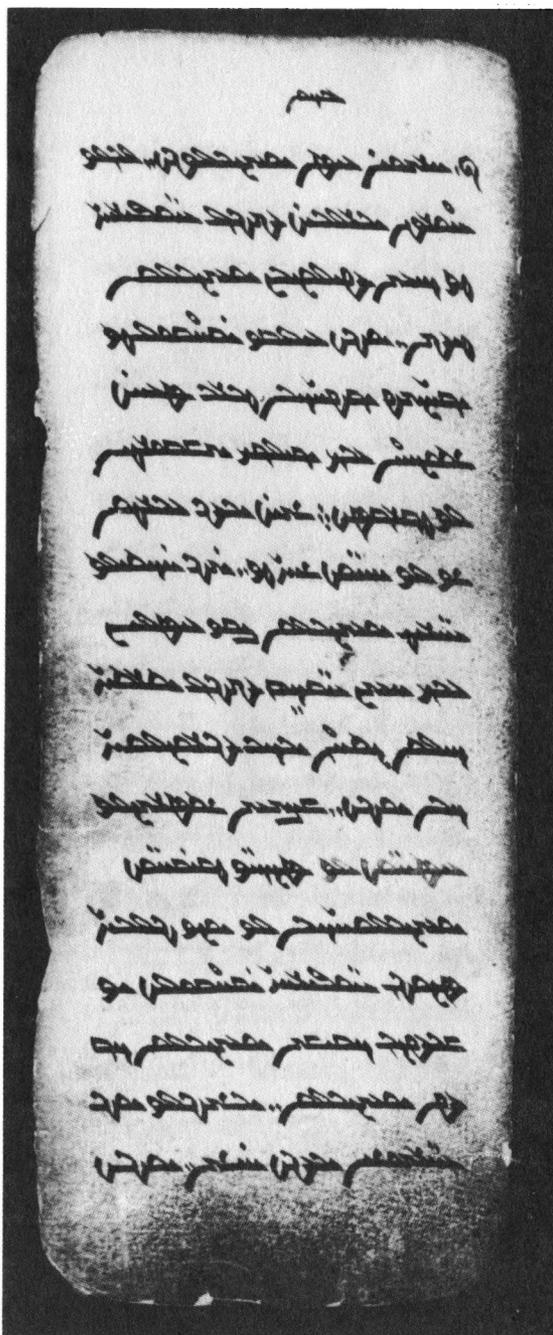
10b



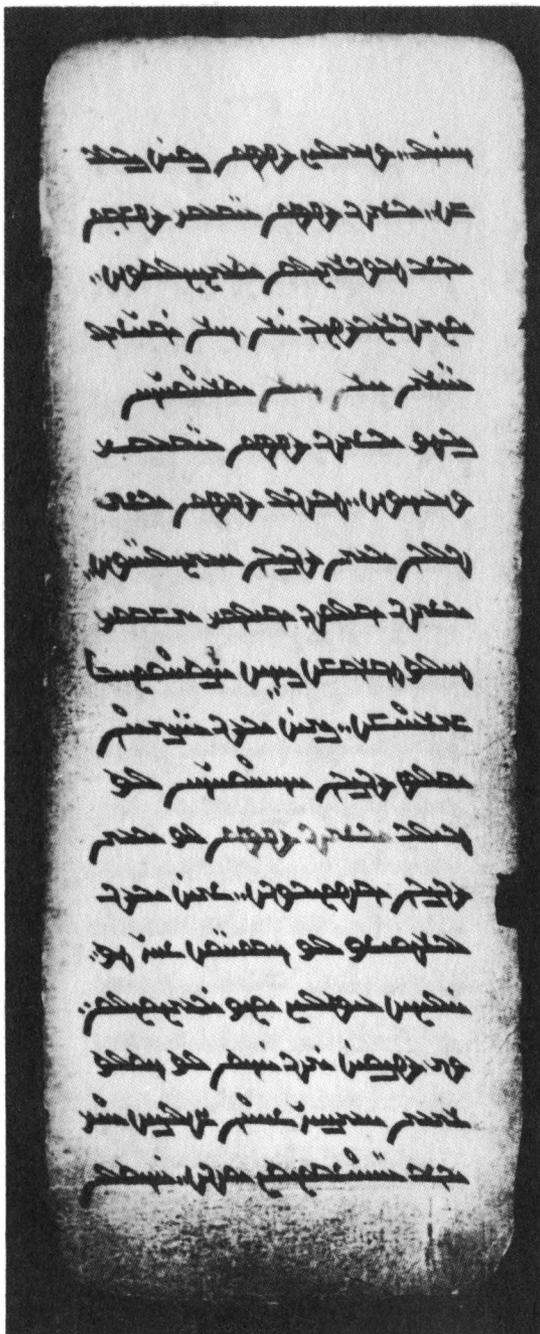


9b



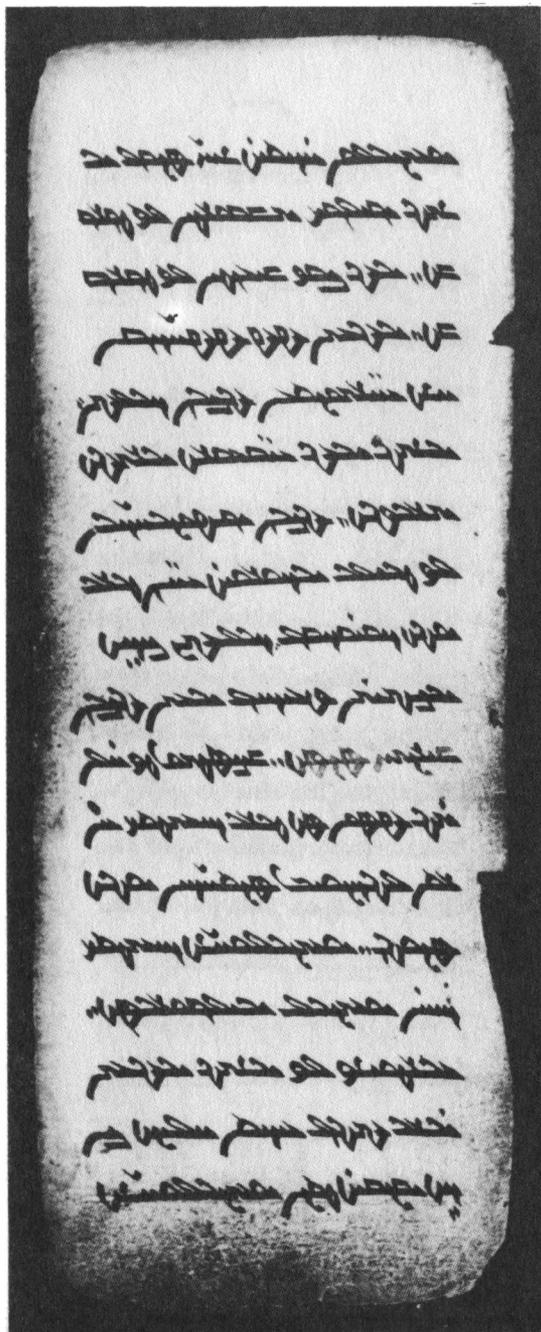


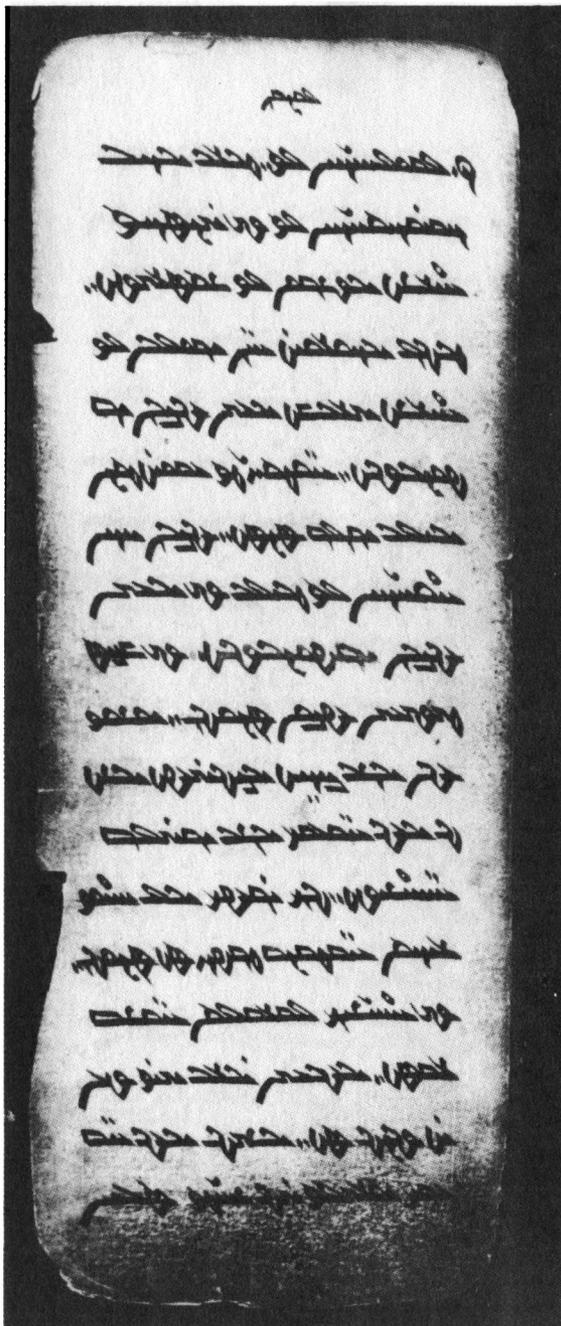
8b



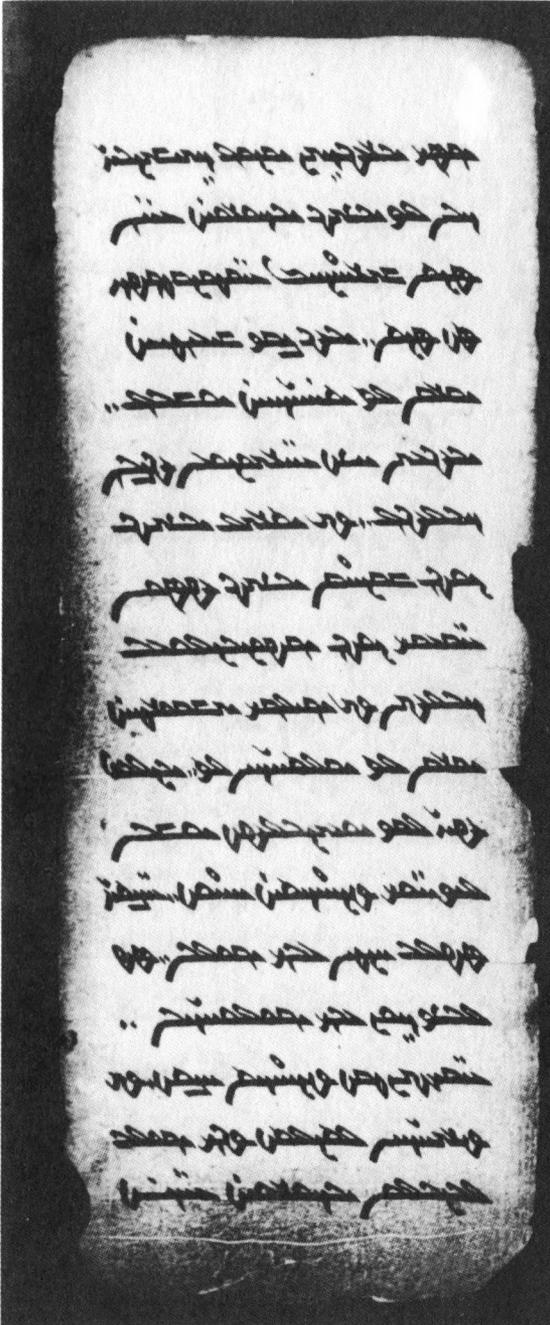
Handwritten text in a cursive script, oriented vertically on a parchment fragment. The text is written in dark ink on a light-colored, aged parchment. The script is highly stylized and appears to be a form of medieval or early modern cursive. The fragment is rectangular with irregular, torn edges, particularly at the bottom and right sides. The text is arranged in approximately 18 horizontal lines, with some lines being shorter than others. The overall appearance is that of a historical manuscript page.

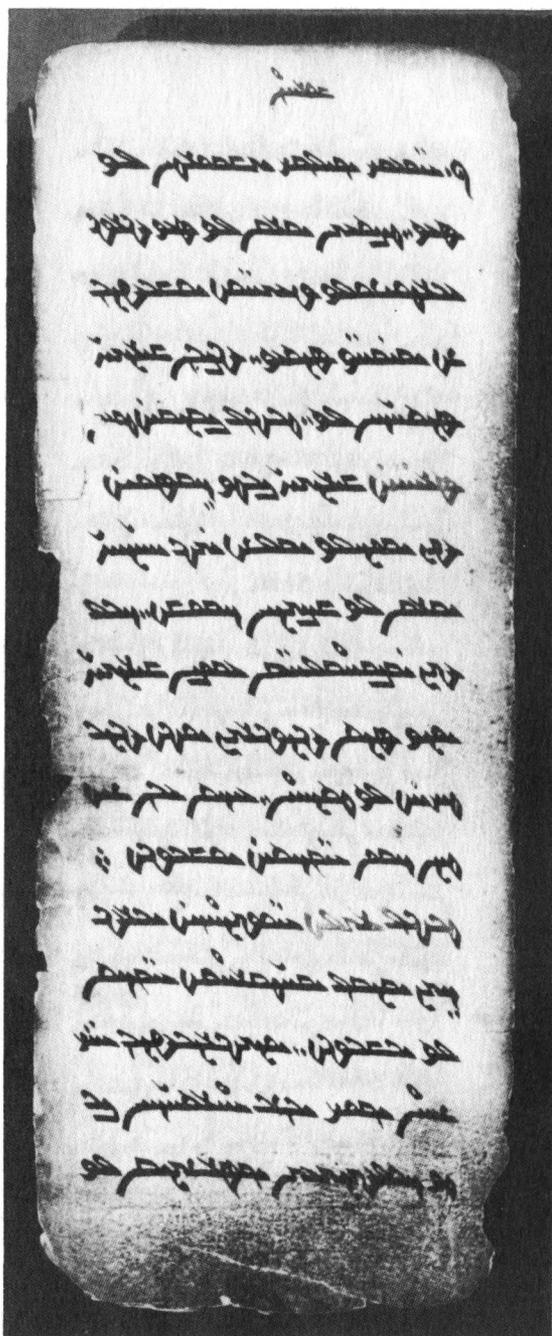
7б



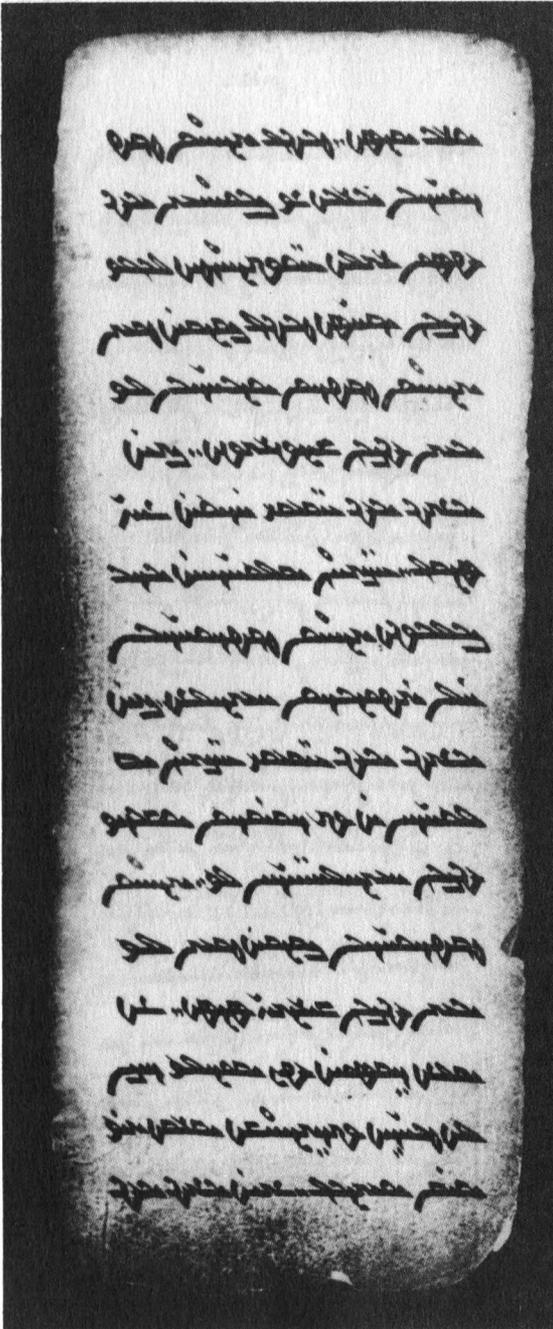


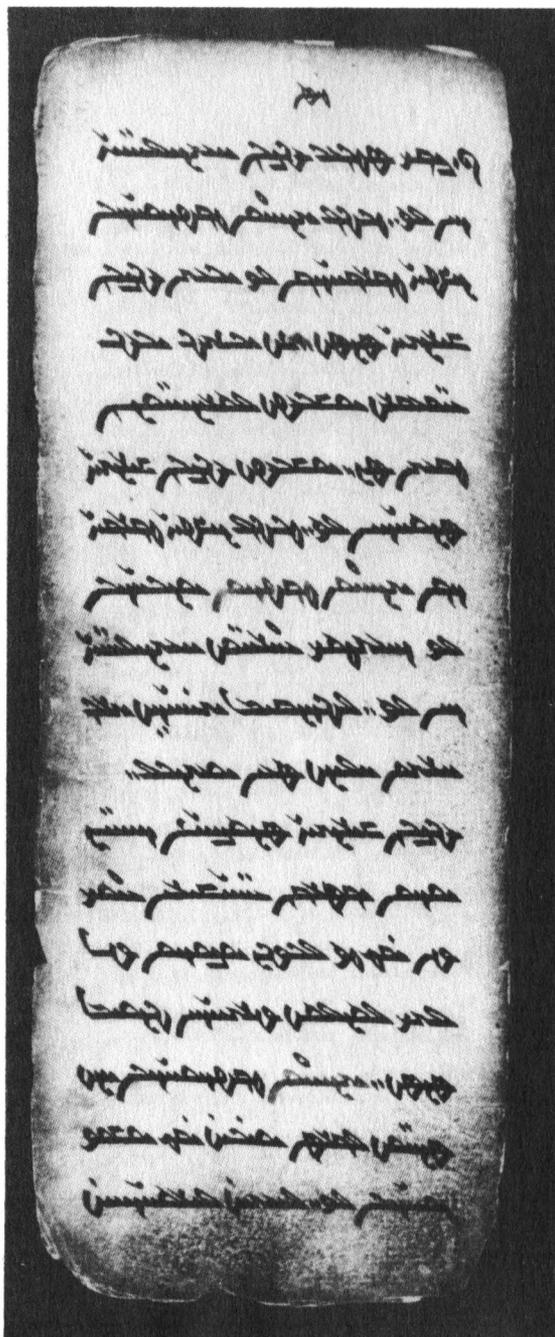
6b



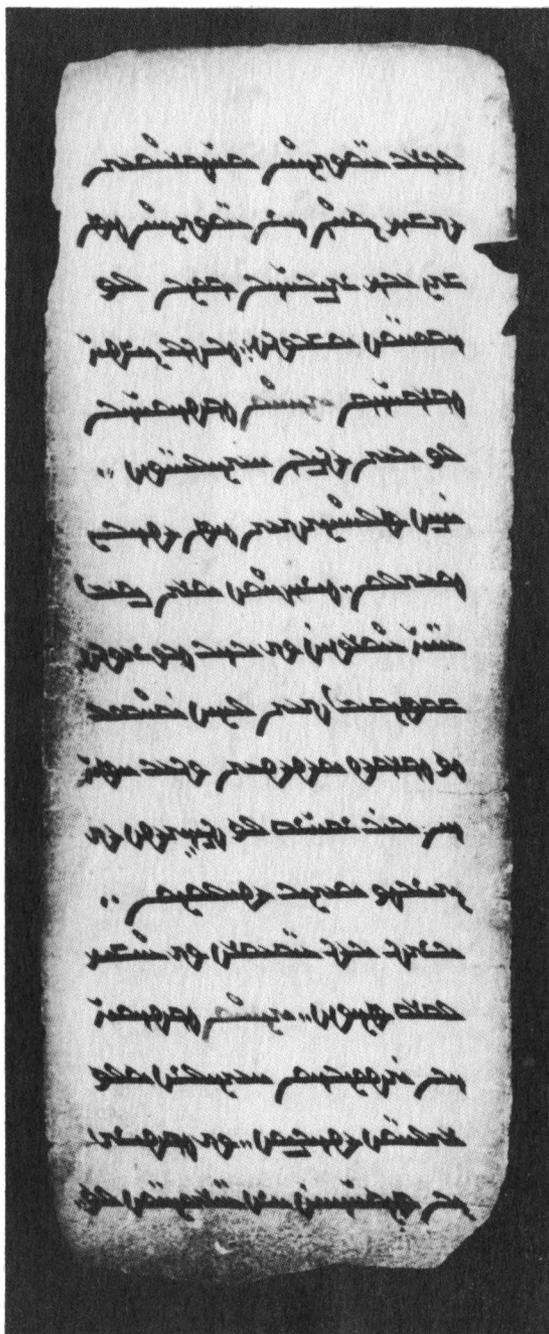


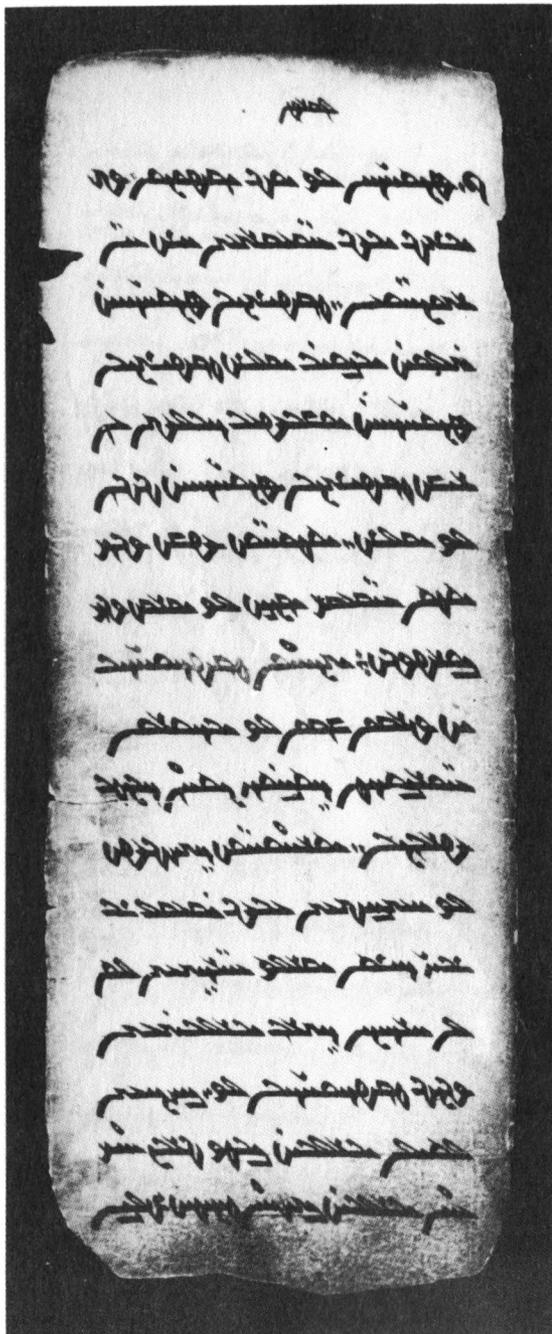
5b



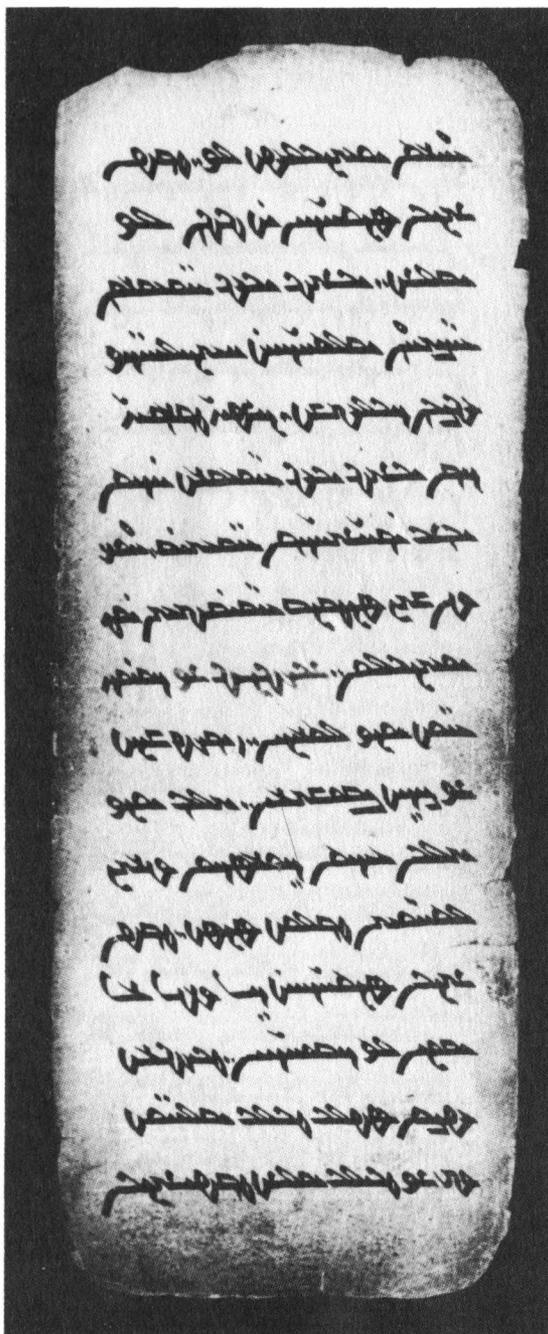


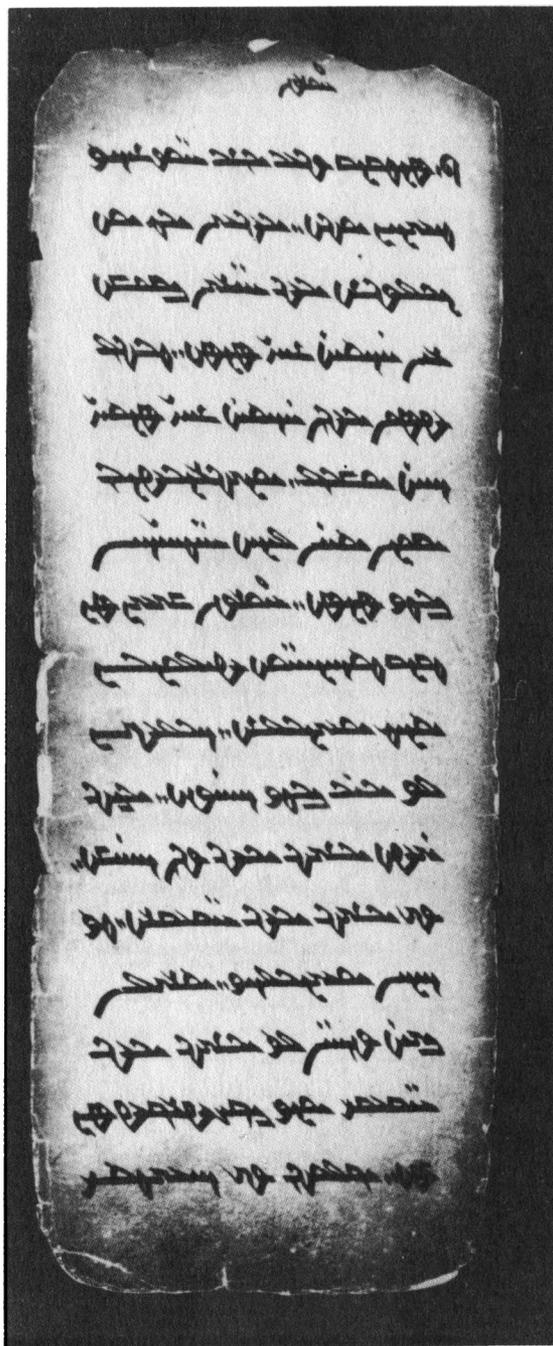
4b



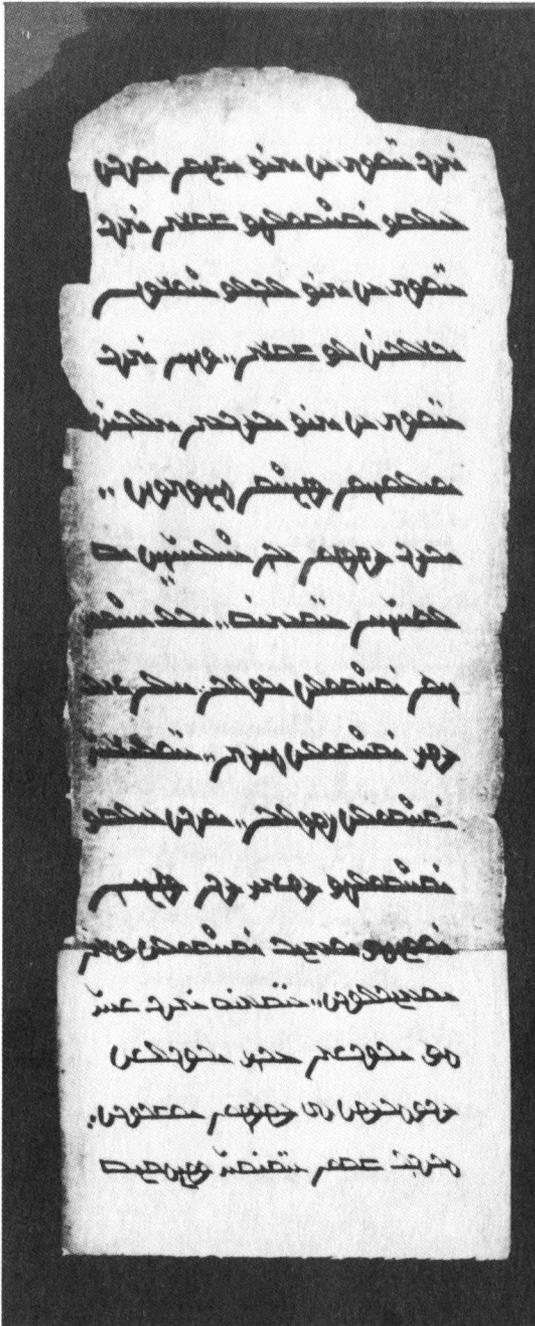


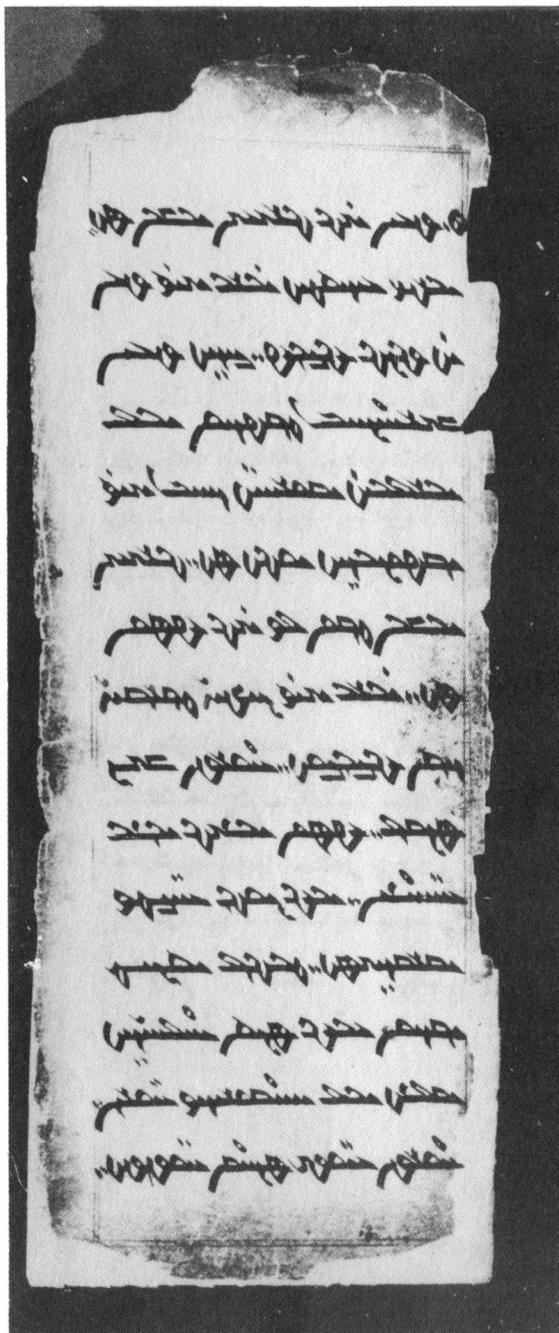
3б





2b





**Ойратская версия
«ИСТОРИИ О МОЛОН-ТОЙНЕ»**

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ

